

Александр Беляев

*Дороги
изнанки*

Хроники затомиса

Александр Беляев

**Дороги изнанки.
Хроники затомиса**

«Издательские решения»

Беляев А.

Дороги изнанки. Хроники затомиса / А. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835222-5

Главная героиня теряет сознание на лавочке в Ботаническом саду и оказывается в преисподней, где путешествует по разным шеолам в сопровождении местной обитательницы.

ISBN 978-5-44-835222-5

© Беляев А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Еще одно пробуждение	6
ГЛАВА 2. Визит к доктору Левину	26
ГЛАВА 3. Провал в прошлое	54
ГЛАВА 4. Другая половинка	59
ГЛАВА 5. Огневица	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Дороги изнанки
Хроники затомиса
Александр Бе́ляев**

© Александр Бе́ляев, 2016

ISBN 978-5-4483-5222-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Еще одно пробуждение

Аня сидела у окна и глядела на чудесный, залитый светом сад, когда дверь неожиданно открылась, и в комнату ворвался он, Андрюша Данилов, тот, кого она ждала все эти дни... или годы... она не помнит – что-то с памятью. Потом был неумелый детский поцелуй, что при этом говорила она, что он, что они делали – снова провал, очнулась она только от странного звука – это соприкоснулись его ониксовый медальон (она его когда-то сама ему подарила) и ее ожерелье из розового жемчуга и кораллов (это уже он достал их со дна моря Вечности). От этого соприкосновения что-то вспыхнуло, словно замкнуло провода под напряжением, затем яркая вспышка... полет... забвение.

Она открыла глаза и увидела лицо того же Андрея, повзрослевшего... да чего там, поставшего лет на пятнадцать-двадцать, а на губах все еще память неумелого поцелуя мальчишки, а этот, взрослый мечтательно и растерянно улыбается, словно просит прощения за то, что поцеловал ее во сне, без позволения. Но почему она лежит в таком странном помещении... рядом какой-то мерцающий пульт, провода, низкая металлическая кровать, покрашенные безвкусной голубой краской стены, желтый потолок в разводах. Она все это где-то видела... а он все смотрит и смотрит на нее, словно не видел тысячу лет...

Еле приметен
памяти след,
я тебя знаю
тысячу лет...

Откуда эти строки? Что-то чрезвычайно знакомое и незнакомое одновременно! Кажется, он хочет что-то сказать...

И тут она просыпается, но уже у себя дома... по крайней мере это ее кровать! Но кто это над ней склонился? Смотрит сочувственно в глаза с таким знакомым выражением лица, такого дорогого... ах, ну да, это все тот же Андрюша, и она много раз видела его во сне. А откуда он взялся в ее квартире? Или это опять продолжение сна?

Аня окончательно разлепила глаза. В зашторенную комнату пробивался мутный свет, но фигура Андрея явственно вырисовывалась на фоне окна, он продолжал улыбаться какой-то виноватой улыбкой, и Ане казалось, что он вот-вот что-то скажет, взорвет эту ставшую невыносимой тишину! Однако нет, фигура мужчины стала медленно отступать назад, пока спина его не вошла в плоскость старинного зеркала, достаточно большого для того, чтобы там уместилась фигура взрослого человека. Именно из этого зеркала он взглянул на нее в последний раз, сделал прощальный жест рукой и окончательно исчез. Ане стало жутковато: этот молодой мужчина был частью ее сновидческой жизни, он вообще в последнее время очень часто ей снился – каждый раз с поразительной отчетливостью она помнила его лицо и фигуру, хотя остальные детали ее снов были, как правило, зыбки и неуловимы, и с подобным прощальным жестом он уходил и раньше, но сегодня! Она ведь не спит уже несколько секунд: вот ее комната, вот стенка (мама по старинке называла ее трюмо), вот старинное зеркало – и в этом зеркале только что на ее глазах исчез человек, которого она совершенно отчетливо видела уже после того, как проснулась. Этого человека она никогда в реальной жизни не встречала, но он был хорошо знаком ей по снам. Откуда он взялся? Наверное это галлюцинация, скорее всего это смерть мамы на нее так подействовала, и еще этот люминал, который она принимала перед сном все дни после маминого ухода.

Мамина смерть... казалось, после похорон дни тянулись мучительно долго, а сейчас она оглянулась назад и ничего не помнит, что было после. Ах, ну да, вчера было 9 дней, при-

шли кто-то из родни, она отчетливо помнит только брата с женой и дядю Колю, мамино брата. Кажется, она почти все время проспала в эти дни, как в летаргии, и все время ей снился этот Андрей, и каждый раз они оказывались на берегу бескрайнего прозрачного моря, а рядом возвышался замок из песка, но такой сложной конструкции, что построить его – тем более из песка – совершенно невозможно. Они говорили с Андреем о чем-то важном, но она не помнит, о чем, лишь помнит, что Андрей ее давний друг, Единственный...

Но почему за все это время ее ни разу не посетила мама? И даже не было ни одной мысли о ней, а приходит какой-то знакомый незнакомец? Да, странно устроена человеческая психика... хотя, может это просто защита, возможно постоянные мысли о маме во сне и наяву просто свели бы ее с ума. Впрочем, воспоминания о маме могли трансформироваться в этот сегодняшний сон, где она увидела себя лежащей в больничной палате, очевидно это ее мысли о том, что лучше бы она тут лежала вместо мамы – в той самой палате, где она провела у изголовья умирающей последние 2,5 месяца, почти не выходя. А иначе, откуда это? Маме было сорок два года... первичный рак желудка... множественные метастазы в различные органы. Слишком поздно был поставлен диагноз, считали, что обычная язва, а гастроскопии мама боялась, как огня и не давала ее делать. Когда все выяснилось, медицина была бессильна, операция ничего не дала, Аня сильно подозревает, что многочисленные опухоли даже не стали трогать: просто разрезали и зашили, а Ане сказали, что сделали все возможное.

Да, как видно два месяца такого напряжения не прошли даром, вот уже галлюцинации начались. Можно сказать – звонок из дурдома... к тому же не первый. У нее многократно, задолго до смерти мамы возникали всякие необычные переживания, словно бы знала что-то чрезвычайно важное, но забыла... словно она, Анна Михайловна Ромашова – далеко не только то, что она о себе знает, но и что-то много большее, много более древнее, мудрое. Но что? Она этого никак не могла вспомнить, но была абсолютно уверена в том, что помимо серой, малоинтересной жизни, жила еще какой-то иной, яркой, полной удивительных событий и приключений.

Началось все это с восьми лет, а что было до этого, она практически не помнит. Дело в том, что в восемь лет родители обнаружили ее на лестнице около двери квартиры в беспмятном состоянии, и как она там оказалась и где была раньше – словно чистый лист бумаги. А родители потом ничего ей не рассказывали, уходили от расспросов, а она все пыталась вспомнить, и тогда возникало чувство как поутру после причудливого необъяснимого сна, который как некий след остается в дневном сознании, но суть его и образ безнадежно ускользают в небытие, причем ускользают тем быстрее, чем мучительнее пытаешься вспомнить. После этого события Аня две недели лежала в детском отделении психиатрической больницы – собственно осознала она себя окончательно уже там – и выписалась во вполне удовлетворительном состоянии, правда с чувством, будто она только что родилась, но с опытом, знаниями и навыками среднестатистической восьмилетней девочки: могла читать, писать, знала родственников, близких и друзей, знала где жила и училась, и тем не менее чувство было такое, словно из ее жизни ушли целые страницы, полные удивительных событий и приключений.

Только незадолго до смерти мама призналась ей, что Аню, оказывается, в 8 лет взяли в какую-то лабораторию для эксперимента: что-то связанное с парапсихологией, но что там с ней делали. Она не знает. Оказывается до этих событий Аня была каким-то необычным ребенком-экстрасенсом с какими-то фантастическими способностями, которые, к тому же бурно развивались последние два года. Именно для изучения этих способностей ее забрали в специальную лабораторию, Бог знает чего насулив родителям. Там, очевидно, с ней что-то такое сотворили, что она не только лишилась своего дара, но и напрочь забыла, что была в какой-то там лаборатории и участвовала в каком-то эксперименте, а врачи, оказывается, после больницы категорически запретили родителям рассказывать о чем-то таком, чего она сама не помнит, чтобы не травмировать психику ребенка. Поэтому ее перевели в другую школу

и тщательно оберегали от детей, которые ее знали раньше; к счастью таких было немного, Аня росла чрезвычайно замкнутым ребенком. Кто знает, не послушайся родители врачей, и расскажи ей все, глядишь, память о прежней жизни и восстановилась бы, а вместе с этим ушло бы и это изматывающее чувство, что она не только жила какой-то совершенно иной жизнью, но, что самое парадоксальное, продолжает ею жить своей второй, невидимой половинкой, но увидеть, ощутить этого не может. Словно происходит это за полупрозрачной ширмой, за которой мелькают какие-то неясные тени – то ближе, то дальше, но что там происходит в действительности – рассмотреть невозможно.

Итак, раздвоение психики... кажется, раздвоение психики – это один из признаков шизофрении... вот теперь и галлюцинации прибавились. По-видимому, стресс, связанный с уходом мамы, обострил старый процесс.

Хотя, к настоящему времени все вроде бы прошло, и она чувствует себя нормально... если, конечно нормальным можно назвать ватную от люминала голову и чувство – приглушенное все тем же люминалом глубокой тоски и оставленности. Впрочем, надо жить дальше, мама так и сказала перед смертью: Живи, дочка, вместо меня и пусть твоя жизнь сложится удачнее». Да, превратиться в шизофреничку – это вряд ли удачное выполнение маминого наказа!

Аня кое-как встала с постели, где она последние 9 дней проводила по 15—17 часов (благо уволилась с работы еще когда денно и ночью дежурила у маминого изголовья), глотала люминал, если бы было возможно, вообще бы не просыпалась. А в оставшиеся часы бодрствования драила каждый уголок квартиры, перемывала всю имеющуюся в доме посуду – с патологической тщательностью, до изнеможения, каждый день по новой. Этот метод, чтобы забыться, не впасть в ступор ей посоветовал мамин брат дядя Коля и первые три дня следил, чтобы она скрупулезно ему следовала. Лишь убедившись, что Аня втянулась в это отвлекающее занятие, он оставил ее в покое, поскольку не мог больше отпрашиваться с работы. Аня же, каждый день, оставаясь наедине с самой собою в осиротевшей двухкомнатной квартире, полученной папой незадолго до его скоростижной смерти от инфаркта семь лет назад, принималась вновь и вновь перетирать старую посуду, годами не достававшуюся из шкафов, поскольку мама после смерти папы не собирала дома большого количества гостей. И так все девять дней, вплоть до сегодняшнего.

Кстати, что сейчас? Утро? День? Вечер? С этим люминалом совсем потеряла ориентир во времени. Нет, судя по свету за шторами, еще не вечер, хотя в середине ноября и 4 часа – уже вечер. Все, надо завязывать с люминалом, последнее время уже не проходит это противное послевкусие во рту, ватная голова и ноги! К тому же вчера на поминках Аня выпила водки и коктейль получился еще тот. Нет, мама бы ее не одобрила, да и вредно это! Хватит пить свое горе стаканами, пора включаться в обычную жизнь, устраиваться на работу, смотреть телевизор, читать книги... ну, и все остальное, как у всех.

Аня поднялась с постели и поплелась в ванную, почистила зубы, затем решила принять душ. Интересно, а мамина душа где-то здесь, возле нее или уже покинула земное пространство? Кажется, это происходит после девяти дней... или нет, все же после сорока. А что же тогда после девяти происходит? Если она все эти дни была рядом, то почему даже ни разу не приснилась? Вот если бы у нее, у Ани, сохранились те способности, о которых мама перед смертью ей рассказывала! Наверняка она смогла бы тогда с маминой душой пообщаться. Нуда же все это подевалось? Неужели над ней действительно поставили какой-то противозаконный эксперимент, в результате которого возник этот чудовищный провал в памяти и чувство раздвоенности?

Аня вылезла из душа, вытерлась, накинула халат и с укором посмотрела на себя в зеркало. Господи, на кого она за эти два месяца стала похожа! Какая-то бледная немочь, глаза запали, сонно-тупое выражение лица... наверное тут еще люминал сказывается. Нет, так нельзя, надо

начинать за собой следить и с люминалом кончать. Она ведь еще молодая девушка, на которую не так давно заглядывались мужчины! Небось сейчас шарахнулись бы от нее, как от прокаженной!

Аня, к собственному удивлению скорчила себе рожу и, тут же устыдившись этого совершенно не уместного после маминой смерти поступка, вышла из ванной и поплелась на кухню. Все эти последние дни она почти ничего не ела, так, перехватывала кое-чего, есть совершенно не хотелось. Мама тоже была бы сим фактом очень недовольна, она всегда следила за тем, чтобы дочь полноценно питалась. И все же, почему, если мамина душа еще не покинула землю, Аня не чувствует е присутствия? Почему она не разу не посетила ее во сне, ведь все говорят, что после смерти близкого человека его душа обязательно приходит во сне. А некоторые утверждают, что даже наяву их видели! Каким же, к черту, в детстве она была экстрасенсом, если даже горячо любимую маму не может увидеть во сне. Все этот мифический Андрей приходит – то в образе мальчика, то взрослый. Выходит, такова ее истинная природа и подсознание тайно тоскует о мужчинах. Вот уж никогда такого бы раньше о себе не предположила, она всегда считала, что на мужчин ей ровным счетом наплевать! Даже переживала по этому поводу, но ничего с этим равнодушием поделать не могла. Выходит, она лицемерка! Аня постаралась вспомнить, приходил ли к ней папа после смерти семь лет назад – и не смогла- то ли отупела от люминала, то ли все те же проблемы с памятью, о которых она все утро думала.

Аня открыла холодильник. Сегодня он был непривычно полон, как никогда со смерти мамы (честно говоря, там вообще почти ничего последние дни не было), мало того, забит всякими деликатесами до самого верха – это все, что гости не доели на девять дней, и почти все нарезано: красная рыба, сырокопченая колбаса, осетрина, открытые банки с красной и черной икрой, почти полмиски крабового салата. Все эти деликатесы притащил ее брат Юра. Он работает инженером в каком-то закрытом КБ, связанным то ли с обороной, то ли с космосом, то ли с чем-то еще жутко секретным, и сколько Аня не пыталась узнать у него, чем он там занимается, ничего конкретного так и не услышала: то ли какую-то локационную аппаратуру разрабатывает, то ли еще что-то загадочное. Юра постоянно с гордостью подчеркивал, что это государственная тайна, и их КБ курирует особый отдел КГБ (такой вот каламбурчик), и что он не только родной сестре, но и матери и жене не может рассказать, чем они там занимаются. Разумеется, вначале это всех жутко интриговало, но потом привыкли. Брата взяли в это КБ сразу после окончания института, и Аня сильно подозревала, что Юра уже с институтской скамьи завербовался в комитет госбезопасности, и в КБ его взяли именно с подачи этой всесильной организации. А впрочем, факультет прикладной физики брат закончил с отличием, у него и вправду была светлая голова, к тому же в институтские годы занимался активной комсомольской деятельностью, так что не исключено, что и протекции КГБ не потребовалось и Аня возводила на брата напраслину. Возможно, подозрения родственников по поводу Юриной истинной деятельности были связаны с тем, что их папа, будучи старше мамы на 18 лет, до войны какое-то время проработал в органах НКВД (о чем очень не любил вспоминать), но уволился из рядов доблестных чекистов, поскольку был серьезно ранен в годы войны и получил вторую группу инвалидности. Тем не менее, отпечаток этой, не такой уж длительной службы остался на всю жизнь, и это сильно повлияло на общую атмосферу в семье: даже в сравнительно либеральные годы оттепели маме везде мерещились сотрудники КГБ, и всякие антисоветские и теологические разговоры не поддерживались, хоть Аня подозревала, что мама и папа к существующему строю относились весьма критически.

Впрочем Юрина служба имела для семьи и весьма положительные стороны. В частности, все деликатесы, которыми сегодня был забит Анин холодильник, как мы упоминали, притащил Юра. Делал он это регулярно и раньше, еще до маминой смерти, поскольку в его КБ функционировал закрытый для посторонних буфет, где можно было за весьма приемлемую государственную цену приобрести в неограниченном количестве и осетрину, и икру, и семгу,

и угря, и несколько сортов твердокопченной колбасы. Надо отдать брату должное, несмотря на то, что с детства он был приспособленцем и карьеристом, своих ближайших родственников не забывал (сейчас он жил в отдельной квартире с женой и маленьким сыном. Отдельную квартиру ему также предоставили словно по мановению волшебной палочки), и то и дело привозил различные дефицитные продуктовые заказы или вещи, которых отродясь не видывали в магазинах. У Юры была масса нужных знакомств, он все время кого-то куда-то устраивал и развозил на машине (новенькие Жигули шестой модели он также приобрел сразу по окончании университета неизвестно на какие деньги). Сейчас Юре было двадцать шесть лет (Ане не так давно стукнуло девятнадцать), и, помимо дефицитных продуктов, ему ничего не составляло достать новенькие Ливайсы и Рэнглеры, или кожаный плащ и дубленку, или импортную теле и аудиоаппаратуру. Поэтому ни у мамы в последние годы при жизни, ни у Ани проблем с гардеробом не было. Правда, с Аниным поступлением в университет на журфак (журфак был выбран самим братом, поскольку это было престижно, к тому же кто-то у него там, в приемной комиссии, сидел)

прошлым летом вышел прокол. На каком-то этапе что-то не состыковалось и протекция не сработала: Аня не добрала баллов, и поступление пришлось перенести на следующий год, но тут смертельно заболела мама, и стало уже не до института. Таким образом, два года – 74 и 75 были потеряны и Аня до недавнего времени работала секретарем в деканате университета, куда ее все же пристроил брат. А впрочем, нужен ли ей был этот университет и журналистский факультет в частности? Этого Аня не могла понять, поскольку до сих пор не знала, чему бы хотела посвятить свою жизнь и единственной ее страстью на сегодняшний день было чтение. Она все грезилась какими-то неясными образами, которые смутным эхо доносились из той неведомой второй жизни, была пассивна и не понимала, в чем ее призвание на этой скучной, неинтересной земле. Брат же, напротив, был не в меру инициативен и даже, не спрашиваясь, затеялся устраивать Анину личную жизнь, которая у той не шибко ладилась. Он подыскал ей молодого журналиста-международника в женихи – то есть с самыми серьезными намерениями – правда Аня подозревала, что жена тому нужна была для командировок в капиталистические страны. Тут она, возможно, возводила на него напраслину, поскольку Виктор (этот международник) очень красиво за ней ухаживал, дарил роскошнейшие букеты цветов, французские духи и прочие достаточно дорогие импортные безделушки, и не особенно настаивал на углублении отношений, поскольку быстро обнаружил Анину инфантильность и полную индифферентность к сексуальным вопросам.

Впрочем, никаких особых чувств к Виктору (как, собственно, и к остальной мужской половине человечества, за единственным исключением – но об этом чуть позже) она не питала и, несмотря на неоднократные предложения руки и сердца, ответа ему пока не дала. Когда же три месяца назад он на полгода уехал в Польшу, Аня вздохнула с облегчением, поскольку и брат и мама при жизни сильно давили на нее с этим выгодным браком. Она же сама не знала, чего хотела, реальные мужчины из крови и плоти ее вообще не интересовали, у нее было впечатление, что эта ее параллельная невидимая и неведомая жизнь вытягивает из нее значительную часть жизненных сил, либо все дело в том загадочном эксперименте, что над ней, по-видимому, провели в парапсихологической лаборатории – ведь не на пустом же месте у нее возникла эта амнезия! Не в пример своему суперактивному брату она была равнодушна к внешней жизни, будущей специальности и всему тому, что так волнует девушек ее возраста. Поэтому и до Виктора с личной жизнью у нее как-то не ладилось, хоть поначалу молодые люди довольно активно обращали на нее внимание (Аня была нестандартно хороша собой, загадочна и очень начитанна). Но в дальнейшем отношения быстро разлаживались, и дело было даже не в том, что Аня сама отшивала своих кратковременных кавалеров, но происходило это как-то само собой, словно некто свыше нашептывал им, что продолжение отношений с этой девушкой по непонятной причине невозможно. В ней и вправду словно бы отсутствовали те самые женские флюиды,

которые в соприкосновении с мужскими флюидами еще до физического контакта рожают чудесную силу взаимного притяжения между полами. Тут была какая-то загадка, и впоследствии некоторые знакомые по секрету признавались Аниному брату, что от нее словно бы исходила волна отчуждения, через которую невозможно было пробиться. Видимо поэтому ни одного серьезного романа у нее, вплоть до Виктора, не было. Впрочем Виктор был крепким орешком и пока держался.

То же касалось и учебы. Ни один из изучаемых в школе предметов Аня не интересовал, училась она ровно, в основном на четверки, но без увлечения, словно не понимала, зачем ей это надо, и единственное, чему предавалась с упоением, были книги, особенно те, которые имели хоть малейшее отношение к непознанному и загадочному, хотя в советское время таких книг было немного – ну, разве что Гофман, Гоголь, Эдгар По, Одоевский, А. К. Толстой, Грин, Братья Стругацкие, Станислав Лем. Особенное же впечатление на нее произвела не так давно напечатанная в «Иностранной литературе» «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха, поскольку ей вдруг показалось, что эта книга немного о ней и о той второй жизни, о которой она никак не может вспомнить.

Аня вытащила из холодильника первое, что попало под руку (благо все это оставалось в нарезанном виде после вчерашних поминок) и села завтракать... или обедать – она взглянула на часы – полчетвертого, по крайней мере не ужин, хотя, как сказать, сейчас ведь середина ноября, темнеет рано. Да, семнадцатое ноября, тысяча девятьсот семьдесят пятого года, и она – Ромашова Анна Михайловна, 19 неполных лет отроду, без определенных занятий, не замужем. Хорошо, хоть это помнит, а то от люминала совсем мозги расплавились.

Впервые после смерти мамы она сильно проголодалась и набросилась на салат Оливье и бутерброды с дефицитной рыбой и икрой. Ого, что-то новенькое, или мама все же отпустила ее от себя и у нее появились первые проблески интереса к жизни, пусть даже в такой утробно-физиологической форме. Нет, надо побыстрее устраиваться на работу, сколько можно сидеть на шее брата, к тому же появится новое дело, новые знакомы, а то все одна да одна со своими розовыми слонами! Хотя, почему одна? У нее еще есть брат, который основательно ее опекает, и еще этот Виктор. Возможно все же придется принять его предложение, в конце концов он ей не противен, хоть и равнодушие свое она никак преодолеть не может. Равнодушие – это основная черта ее характера, по крайней мере последние десять лет, а что было до того, она практически не помнит, да и то что помнит – возможно это и не ее собственные воспоминания, а то, что мама с папой рассказывали, впоследствии переосмысленное. Словно невидимый ластик прошелся по целым страницам ее жизни. Нет, положи руку на сердце, Виктор ей не противен! Впрочем, приезжает он только через три месяца, все еще может измениться. А на ближайшее будущее брат вроде бы присмотрел ей неквалифицированную работенку в редакции какой-то газеты. Так что у нее и до Виктора могут появиться новые знакомые, да и деньги будут не лишними, сколько можно сидеть на шее брата, мама ведь практически не оставила никаких сбережений, все произошло так внезапно...

Аня уже начала пить чай, когда в прихожей раздался звонок. К ее удивлению пришел брат, хотя вчера виделись, а он редко заходил просто так, без конкретного дела. Тем более не позвонив заранее. А впрочем, возможно он и звонил, но она спала, а телефон стоит в прихожей, все никак не поставить еще один аппарат в комнате.

– Привет, сестренка, – бодренько приветствовал ее Юра, чмокнув в щеку, словно ничего не случилось, либо время официального траура закончилось (вчера при родственниках он выглядел достаточно скорбно, однако Аня чувствовала, что особо глубоких переживаний брат не испытывает, он вообще способен был переживать по поводу чего-либо, что не касалось лично его, любимого. А тут – мама ушла, ей уже ничем не поможешь, пока была жива, сделал для нее все, что мог, устроил в лучший онкологический центр, доставал дефицитные иностранные лекарства, совал врачам в конвертиках, а что мало у изголовья сидел, так на то сестра

была, чего вдвоем толкаться, только шум и лишняя суета. Так что совесть чиста и жизнь продолжается.

– Привет – слегка заторможено пробормотала Аня: действие люминала еще не прошло, – проходи на кухню, я как раз завтракаю.

Брат снял и аккуратно повесил на плечики в стенной шкаф по-видимому жутко дорогой французский кожаный плащ, пригладил рано начавшие редеть волосы перед зеркалом (стоит отметить, что несмотря на общих родителей, Аня была естественной блондинкой, а брат – брюнетом), прошел вслед за Аней на кухню и с аппетитом набросился на остатки вчерашних поминок.

– Хорош завтрак, – сказал Юра, посмотрев на новенький, играющий кварцевым стеклом «Ориент», в те годы – труднодостижимая мечта для простого советского обывателя, – почти четыре... чего это ты полдня спишь, как сурок, гости, вроде не очень поздно разошлись.

Аня пробормотала что-то невнятное насчет коварного действия люминала совместно с водкой, хотя вообще-то выпила она немного...

– Не нравишься ты мне, сестренка, – продолжил Юра, оценивающе разглядывая Аню, – совсем не следишь за собой, цвет лица, как у восковой фигуры мадам Тюссо, с которой всю краску смыли. Я понимаю, что горе, но у меня тоже горе, однако я себе распускаться не даю, на службе даже не знают о несчастье в нашей семье: горе – горем, а дело не должно страдать. Маме уже ничем не поможешь, и не думаю, что она одобрила бы твоё поведение и то, как ты себя запустила. Так что завязывай хлестать свое горе стаканами, как Васисуалий Лоханкин, к тому же пополам с люминалом, приводи себя в порядок и быстренько выходи на работу, раз уж институт в этом году снова накрылся. Надо себя чем-то занять, да и деньги какие-никакие.

– Ты ж знаешь, – виновато начала оправдываться Аня, – место в деканате, куда ты меня в прошлом году пристроил уже занято, и мы с тобой о какой-то там редакции договорились! И потом, я бы все равно в эти дни не смогла работать, я даже на улицу не выходила. А с люминалом я решила с сегодняшнего дня завязать. Мне действительно показалось, что отпустило, уже не так тяжело, словно мамина душа все эти дни была где-то рядом, а сегодня покинула землю и меня освободила.

– Ты все со своими фантазиями никак не расстанешься, – усмехнулся брат, – нет никакой души. Все что от мамы осталось, сейчас на Ваганьковском кладбище находится – (брат и кладбище сумел пробить престижное), – ну а мы с тобой – как ее продолжение. Все остальное – только память. Говорят же, что человек живет, пока на земле жива память о нем, но это, разумеется, только поэтический образ, никто еще с того света не возвращался и не рассказывал, что в загробном мире творится! Так что все разговоры о душе – ни на чем не основанные выдумки, как Маркс говорил – опиум для народа: разумеется, страшно, что после твоей смерти ничего не будет, вот и выдумывают всякое для самоуспокоения. Так что если тебе сегодня немного легче стало, так это всего лишь реакция твоей нервной системы: организм не может все время находиться в состоянии стресса, поэтому имеет свойство забывать.

– Насчет «забывать» – это ты верно сказал, – кивнула Аня, – у меня впечатление, что я почти половину своей жизни забыла, вернее, всего того, что в моей жизни до психушки в восьмилетнем возрасте было. Но всегда, тем не менее, я почему-то была уверена, что душа существует, хоть доказать это я не могу и мне на каждом шагу прямо противоположное утверждали. Мне кажется, что если бы я была таким же материалистом как ты, то просто повесилась бы от тоски. Жить этой серой, неинтересной жизнью, где нет ничего чудесного, да к тому же быть уверенным, что ничего чудесного нет ни только на земле, но и на небе – это, по-моему, такая скука!

– Скучно только бездельникам, – жестко ответил Юра, – мне, например, не скучно. Конечно, если весь день лежать на кровати и плевать в потолок, то становится скучно, но если даже не плевать, а просто лежать и мечтать о розовых слонах и волшебных принцах, как ты

любишь – то это такая же скука. Тоска заканчивается там, где человек активно строит свою жизнь, преодолевает всякие трудности и в конечном счете берет фортуна за жабры. Тогда скучать некогда, видишь конкретную цель и не тратишь время на пустые фантазии, например о душе. Другое дело – вещи паранормальные, но наукой в ряде случаев подтвержденные! Кстати, насчет моего кондового материализма ты несколько заблуждаешься... но об этом чуть позже. Я уже давно хочу поговорить с тобой на одну весьма щекотливую тему, но, пока была жива мама, я этого не мог, она с меня слово взяла, что я этот вопрос поднимать не буду, врачи, мол, просили тебе ничего не говорить, когда ты в восемь лет в психушке лежала, это, мол, может на твою психику плохо подействовать. Кстати, поэтому тебя с потерей одного класса в другую школу перевели и оградили от твоих приятелей по прежней школе. Так вот, о том, что я к этому вопросу не вернусь после ее смерти, я не обещал. К тому же ты сама недавно этого вопроса коснулась, сказала, что свою память частично утратила и все время пытаешься что-то там вспомнить, но не можешь. Девять дней я тебя не трогал, не до того было, но сегодня, по-моему, пора, и это в твоих же интересах. Да и что значит запрет врачей? Когда это было! Ты, слава Богу уже не ребенок, сколько лет прошло, и ничего с твоей психикой не случится, наоборот, мне кажется, если бы мы того что знали от тебя не утаивали, ты бы уже все вспомнила, и не только вспомнила.

Речь идет о том, что с тобой произошло по меньшей мере за год до того, как ты в психушке оказалась, а возможно и раньше гораздо. Я, к сожалению, сам не так много об этой истории знаю, только о том, чему сам был свидетелем. О главных событиях мама мне не рассказывала, знала, что у меня язык без костей, и я тебе обо всем проболтаюсь.

– А что это ты вдруг эту тему поднял? – глянула на него Аня подозрительно. Она хорошо знала своего брата и понимала, что он никогда не затронул бы эту, запретную в их семье тему, если бы не имел какого-то корыстного интереса. – Кстати, мама как раз незадолго до смерти буквально в двух словах рассказала, что меня в восемь лет взяли в какую-то секретную лабораторию по изучению парапсихологических феноменов, и взяли, якобы, потому. Что я в детстве была экстрасенсом. Очевидно там надо мной провели какой-то опасный эксперимент, после чего и произошла вся эта история с психушкой и потерей памяти. Как ты знаешь, по крайней мере после психушки, никаких паранормальных способностей у меня не было и нет, если, конечно, не брать в расчет тот факт, что все эти годы я жила с ощущением, что параллельно с этой моей жизнью разворачивается какая-то иная.

– Вот-вот, – заинтересовался брат, а нельзя ли поподробней?

– Да ничего подробнее не могу сказать, это просто ощущение, я ничего конкретного не видела и не чувствовала, только вспышки отдельные, и после этого все стирается, помнишь, что видела нечто, а что – не помнишь. Так иногда поутру бывает, когда снится какой-нибудь сон причудливый. Какое-то мгновение после пробуждения его чувствуешь, а потом он начинает куда-то уходить, и остается только ощущение, что что-то необычное видела, и чем сильнее пытаешься вспомнить, тем сильнее забываешь. Так же и здесь, только наяву. Но я знаю, что в этой параллельной жизни что-то чудесное, необычное происходит, совсем иное, чем в нашей скучной серенькой обыденности, и такая тоска охватывает!

– Вот-вот, – кивнул брат, – опять тоска, у тебя – вся жизнь тоска! Мне кажется, пора что-то делать, чтобы с этой тоской справиться, но я с тобой об этом позже поговорю. Значит, мама тебе все же что-то рассказала, в том числе и о твоих способностях, которые у тебя были до тех пор, пока не случилась эта история с лабораторией! Я не знал. Но тем более можно теперь об этом открыто говорить.

– Можно, конечно, – внимательно посмотрела Аня на брата, – мне кажется, мама хотела гораздо подробнее обо всем рассказать, да не успела, ей совсем плохо стала и она впала в кому, а вскоре умерла. Вот только странно мне от тебя об этих паранормальных проблемах слышать, ты всегда так далек от этого был.

– Все в мире меняется, – усмехнулся брат, – несмотря на официальное замалчивание проблемы, об этом все чаще и чаще стали поговаривать, и, уверяю тебя, не только обыватели на кухне. Ну, так вот, на основании того, что я знаю, а знаю я, к сожалению, крайне мало – в детстве меня вообще все эти потусторонние явления не интересовали – ты была не просто экстрасенсом, каких, как сейчас выяснилось, существует немало, ты была универсальным психокинетиком, ребенком – ЭВМ и Бог его знает еще кем. К тому же, способности твои, – по крайней мере в последний год перед событиями с лабораторией, возрастали буквально в геометрической прогрессии. К сожалению, в детстве я был свидетелем – да и то хреновым – всего лишь одной череды событий, мама знала больше, ну а главное (с нашей точки зрения) стало известно только из рассказов очевидцев в твоей школе. К сожалению, свои экстрасенсорные способности ты хорошо умела скрывать.

– Кстати, что такое «психокинетик»? – перебила его Аня.

– Это очень редкий разносторонний феномен, – сказал Юра, – сюда входит и способность двигать предметы мысленным усилием, и способность гнуть вилки и ложки взглядом, и перемещаться мгновенно в пространстве. Отдельно можно выделить прохождение сквозь стены, но об этом – в свое время. Кстати, такое загадочное явление, как полтергейст – надеюсь, ты слышала этот термин – некоторые специалисты объясняют не потусторонними причинами, не происками шумного духа, а неосознанными, подсознательными действиями людей, чаще детей, наделенных этим редким даром, и проявляется он тогда, когда этот ребенок недоволен и неосознанно хочет кому-нибудь досадить. Теперь, о том, чему я был непосредственным свидетелем, летом, за год до того, как с тобой эта беда с лабораторией приключилась. Мама, я и ты (папа, как обычно, работал) были на даче в Семхозе, и там (в основном по ночам) происходил самый настоящий полтергейст. И Юра изложил подробно события на даче, описанные нами в книге «Девочка и домовой», разумеется только те, которым был непосредственным свидетелем.

– Ну, так вот, – закончил он свой рассказ, – мама была абсолютно уверена, что это была твоя работа, у нее тому вроде бы имелись неопровержимые доказательства...

По ходу Юриного рассказа, сердце Ани несколько раз сжималось: все что рассказал брат, она никак не могла вспомнить, и тем не менее, что-то рвалось наружу, но словно бы было перекрыто надежной перемычкой.

– И еще, что я знаю наверняка, – продолжил брат, – на эту тему особенный шум был: ты говоришь, в школе через стенку проходила или что-то в этом роде. Сам-то я этого не видел, но видели многие ученики и учительница в том числе. Собственно, после этого события в школе и появился некий заведующий лабораторией по изучению парапсихологических феноменов и каким-то образом уговорил предков отдать тебя в Подлипки в качестве подопытного кролика. Очевидно, директор школы позвонил куда следует, когда слухи поползли.

В этот момент Аню пронзила вспышка внутреннего узнавания, правда никаких конкретных случаев из своей жизни вспомнить она так и не смогла. Это ощущение из разряда дежавю было сродни ее состоянию параллельной жизни за непрозрачной перегородкой, где постоянно мелькали то чуть более, то чуть менее ясные тени, но что это такое и что за действие скрывалось за этими мельтешениями, разобрать было невозможно.

– Как-то странно от тебя подобные вещи слышать, – сказала Аня с несколько отстраненным видом, продолжая тщетные попытки что-нибудь вспомнить, – ты сам-то веришь, что такое возможно?

– В последнее время я сильно пересмотрел свои взгляды на мир, – загадочно сказал Юра, – тому были определенные причины, правда, какие, я сказать пока не могу... но надеюсь, – добавил он, видя раздражение Ани, которая слишком часто натыкалась на завесу секретности со стороны брата с того времени, как он устроился в свое закрытое КБ, – если моя

задумка удастся, то я введу тебя в курс дела. Впрочем, – добавил он, усмехнувшись, – тогда в этом не будет необходимости.

– Это почему?

– Ну, возможно ты и так мои мысли и вообще, информацию непосредственно сможешь снимать, как до этой злосчастной лаборатории могла.

– И как же ты собираешься память и прежние способности мне вернуть?

– Не я, а доктор – психоаналитик и специалист по гипнозу. Если все пройдет удачно, то ты должна не только вспомнить все странные пробелы своей жизни, но, возможно, вновь обрешь утраченные способности. Мне объяснили, что они никуда не могли деться, возможно просто перешли в подавленное, не проявленное состояние и есть надежда что их возможно вновь активизировать, проявить с помощью определенных методов.

– Понятно, – сказала Аня, – ты имеешь в виду конкретного врача или вообще?

– Разумеется, конкретного, никакой рядовой психиатр и гипнотизер тебе не поможет, тут нужен врач, который специализируется по данной проблеме, весьма редкой и специфической. И такого врача я знаю. Зовут его Лев Матвеевич Левин, – добавил он почему-то, словно это имя должно было Ане что-то сказать. – У нас с ним уже состоялся предварительный разговор, и он сказал, что ты его пациент, он как раз специализируется по всяким редким амнезиям. Правда, полную гарантию дать не может, но в любом случае хотя бы частичный результат гарантирует.

– Что ж, – сказала Аня, – было бы очень интересно, правда немного боязно, а вдруг я что-нибудь страшное вспомню, Вень просто так памяти и своих каких-то качеств не лишаются, а вдруг в этой лаборатории со мной что-то нехорошее произошло, ведь наверняка я какой-то стрессы пережила. Кстати, а ты не знаешь. Родители не пытались выяснить, что со мной там случилось? Ведь наверняка какие-то координаты этой лаборатории и того конкретного человека, который меня туда забрал, у них должны были остаться. Ведь кто-кто, а папа это дело бы так просто не оставил. Он же сам бывший чекист и никого не боялся, а меня очень любил. Что-то мне не верится, что он мог этот инцидент оставить безнаказанным.

– Ничего не могу тебе об этом сказать, – развел руками Юра, – как ты знаешь, врачи категорически запретили эту тему в семье поднимать, а если папа с мамой о том говорили либо что-то предпринимали, то мне не докладывали. Так что информации у меня не густо. Кстати, если лечение будет успешным, – криво усмехнулся брат, – и ты обрешь не только утраченную память, но и свои уникальные способности, коими меня Бог не наградил, то ты сама у маминой души обо всем сможешь спросить.

– Ты же только что говорил, что ни в какие души не веришь!

– Не верю, – тряхнул Юра несколько поредевшей за последнее время шевелюрой, – но ты-то веришь! Будем на данный момент считать, что я заблуждаюсь, у тебя же возникнет дополнительный стимул для лечения.

– А ведь правда! – согласилась Аня, я совсем недавно переживала, что за все это время ни разу маму во сне не видела, хоть многие говорят, что после смерти близкого человека, его душа к ним являлась – либо во сне, либо в виде призрака. Ладно, я согласна, может моя раздвоенность в случае успеха пройдет. Наверное это чувство из-за той параллельной жизни, которую я как бы ощущаю, но увидеть не могу. И все же, почему меня раньше к доктору не водили, а сейчас вдруг стало возможным?

– Во первых, – сказал Юра, – если тебя что-то сильно беспокоило, то и сама могла сходить, как никак совершеннолетняя, а что касается родителей, то пока был жив папа, ты еще ребенком была, и они следовали запретам врачей, чуть позже я этим вопросом лично интересовался, и врачи так же настоятельно рекомендовали мне все оставить, как есть, чтобы не дай Бог хуже не стало. На доктора Левина я недавно вышел, уже когда мама при смерти лежала, и было не до твоих проблем, а потом был траур и я решил 9 дней тебя не тревожить, ну а теперь,

думаю, пора, тебе, если уж на то пошло, и переключиться полезно будет, вон ты на кого похожа стала, да и заторможенная какая-то.

– Да уж, – вздохнула Аня, – я это и сама сегодня поняла, да и двигаюсь, как черепаха и не соображаю ничего. Это, наверное, еще и люминал так действует...

– Разумеется, и люминал тоже, – кивнул головой Юра, – я его отберу и на помойку выброшу. Значит договорились? А то доктор Левин сказал, что с твоей стороны добровольное согласие должно быть и желание сотрудничества, поскольку его метод подразумевает совместную работу, психоанализ. Что же касается твоих страхов, то он по возможности этот эффект будет контролировать и гасить. К тому же, если у тебя какой-то комплекс сидит в подсознании и изнутри отравляет психику, то его лучше наружу вытянуть и загасить, иначе он когда-нибудь куда больше бед натворит. Это, как хирургическая операция – вначале больно, зато потом полноценной жизнью заживешь.

– И все же, – сказала Аня, – у меня такое чувство, что ты всего не договариваешь, зачем-то все это лично тебе надо.

– Ты уж, сестрица, меня совсем за какого-то эксплуататора держишь, – возмутился Юра. Даже если бы я никаких далеко идущих планов в голове не держал, я в любом случае постарался бы тебе помочь, как только такая возможность представилась бы. Но ты ведь сама до недавнего времени ни на что конкретное не жаловалась, что ж, я должен был тебя за шкуру к доктору тащить? А насчет того, что я чего-то так не договариваю, что ж, отчасти ты права, раз уж эта тема поднялась, но пока ничего конкретного я тебе сказать не могу, поскольку этот вопрос связан с государственной тайной. Если удастся первая часть нашего предприятия, и доктор Левин вернет тебе утраченное (вернее ты сама вернешь с его помощью), то тогда я смогу рассказать то, о чем умалчиваю сейчас. А до той поры, прости, не могу, это отчасти касается моей работы.

– А если ничего не получится?

– Тогда все останется как было и дальнейший разговор не имеет смысла, ведь жила же ты как-то до сегодняшнего дня?

– Мне кажется, – усмехнулась Аня, – что если я вылечусь и ко мне мои таинственные способности вернутся, ты меня в цирке за деньги показывать будешь.

– Знаешь, – разозлился обычно контролирующий свои эмоции брат, – это, в конце концов, хамство, я ведь в основном не для себя стараюсь!

– Ладно, прости, – вздохнула Аня, – я еще как следует в себя не пришла и плохо соображаю, что говорю. Кстати, этот доктор Левин ведь не за спасибо же со мной работать согласился, это ведь не рядовой прием у терапевта в поликлинике, а у меня денег нет.

– Пусть это тебя не беспокоит, – быстро успокоился брат, – у нас – свои взаимозачеты. В случае успеха моей задумки, если уж ты такая щепетильная, у тебя будет возможность рассчитываться.

Юра встал из-за стола, и сославшись на всякие незавершенные дела, начал собираться, пообещав позвонить, как только договорится с доктором Левиным о конкретном дне и времени.

– Господи, – как же он надоел со своей секретностью, что ни разговор, то очередная тайна мадридского двора, – пробормотала Аня, глядя в окно, как от тротуара отъезжает Юрина «шестерка» цвета сырого асфальта, – небось, когда он все расскажет, какие там у меня планы, выяснится, что тайна эта гроша ломаного не стоит. Ему просто жутко нравится ощущать себя важной персоной, словно от него какие-то государственные вопросы зависят. И все же, просто так он бы все это не затеял, для чего-то он меня однозначно собрался использовать, похоже, насчет цирка я что-то там угадала, иначе бы он так не взбеленился! А впрочем, наверное я к нему несправедлива, ведь по сути он последние два месяца меня содержал, да и раньше то одно, то другое подкидывал и денег не брал, а я его уже в старуху-проценщицу записала,

грешно так о родном брате думать, тем более, когда сама себя толком содержать не способна. Притом, что Юра за так никому ничего не сделает, то в отношении меня он настоящий бес-сребреник. Это, наверное, мои детские обиды наружу вылезают, ведь в детстве мы с ним никогда не ладили. Да, люди мы с ним совсем разные, и внешне и внутренне, и на родителей – ни на папу, ни на маму я никогда похожа не была.

Аня убрала со стола и собралась, было, как в последние несколько дней снова драить дом и перемывать посуду, как вдруг поняла, что в этом нет больше необходимости и мысли о маме уже не столь мучительны. Тут впервые за два с половиной месяца ей захотелось выйти на улицу и просто прогуляться. Видимо действительно в ее душе произошел перелом, и боль утраты родного человека стала стихать.

«Спасибо, мама», – мысленно произнесла Аня. Ей и вправду показалось, что ее состояние напрямую зависело от маминой души, и душа эта по какой-то причине отпустила дочь, предоставив ей возможность вновь вернуться в мир и заняться своими проблемами, вплоть до маленьких мимолетных прихотей.

Боясь, что это подзабытое чувство интереса к жизни может исчезнуть, Аня быстро оделась и вышла во двор, и при этом как-то само собой вышло, что на ней оказались модные импортные вещи из «Березки», которые, незадолго до маминой болезни раздобыл для нее Юра, желая, чтобы Аня произвела на его протеже, журналиста Виктора, хорошее впечатление. Она одевала этот джинсовый костюм и кожаный плащ всего пару раз, а потом заболела мама, и Аня стала облачаться во все старое, затрапезно-совковое: ей казалось, что одеваться хорошо, когда мама умирает, как-то бессовестно, – это было табу. Тут только она вдруг почувствовала, что табу больше нет, и маме самой не понравилось бы, что дочь перестала за собой следить, и одевается Бог знает во что, как старая дева. Возможно, она это и чувствовала в последние дни жизни, но ничего Ане не говорила, не желая обидеть дочь.

Аня жила в неплохой двухкомнатной квартире примерно посередине между метро Рижская и Проспект мира, в доме, выходящем на сам проспект, правда квартира располагалась в тихой части, открываясь окнами во двор, поэтому вечный шум большой улицы почти не проникал в ее когда-то уютную комнату. Эту отдельную двухкомнатную квартиру папа получил незадолго до скоростной смерти 7 лет назад, а до этого семья ютилась, как это помнит читатель, в коммуналке, в центральном районе, примыкающем к кремлю, Зарядье.

Девушка вышла на проспект и прогулочным шагом направилась к центру города, заново открывая забытое чувство шумной улицы, неторопливой походки и отсутствия какой-то конкретной цели пути – ну, так, разве что в общих чертах. Ей впервые за долгие дни захотелось окунуться в людской поток проспекта, возможно на минутку зайти в церковь святителя Филиппа, которую в народе называли «храмом на капельках», что на площади сразу за метро Проспект мира, и поставить маме свечи за упокой. Дальше, возможно прогуляться до Садового кольца, зайти в тамошний парк, посидеть на берегу пруда – она любила студеную, прозрачную осеннюю воду (разумеется в качестве объекта созерцания), когда вокруг ни души, и деревья голы и, возможно, настроиться на грядущее посещение этого Юриного гипнотезера-психоаналитика, которое и пугало, и сулило надежду одновременно. Конечно, ей очень хотелось вернуть свою утраченную память и, чего греха таить, – а вдруг и правда в ней воскреснут какие-то неведомые паранормальные способности, даже о существовании которых она знала весьма поверхностно. С другой стороны, обретение забытого пугало: а вдруг всплывет что-нибудь страшное, мучительное, ведь наверняка в детстве она пережила серьезный стресс. Что могло произойти там, в лаборатории, она понятия не имела, и почему даже ее железный папа, который никого не боялся, судя по всему, ничего не выяснил и не призвал к ответу виновников внезапного расстройства рассудка его дочери? Это было очень странно и Аня не могла найти тому объяснения

Девушка стряхнула непрошенные мысли, расправила плечи и глубоко вздохнула, как она не вздыхала очень давно. Стоял сухой ноябрьский день, по предзимнему потемневшему небу быстро пробежали рваные клочья серых облаков, вроде бы не сулящих дождя или снега, и Аню, почему-то совершенно не к месту захватило ощущение гулкости, хруста и праздничности, сходной, разве что, с ожиданием Нового года, хотя, казалось бы, сама мысль о празднике сегодня должна была быть кошунственной. Тем не менее, эта неуместная праздничность буквально разливалась в воздухе, и Аня все не могла уловить причину – то ли все дело было в особом свете предвечерья (до заката оставалось еще минут сорок-пятьдесят), то ли в этом особом гуле большого проспекта, от которого она отвыкла, когда безвылазно сидела сначала в больнице у мамы, а затем дома. Может, и гул этот, и суета навеяли ей воспоминания о детском восприятии Ноябрьских праздников, которые полностью девальвировались в более старшем возрасте? О многотысячных демонстрациях с песнями, воздушными шарами и транспарантами? О торжественных маршах и лозунгах по мегафону, которые многократным эхо гулко отражаются от сплошной гряды зданий широкого проспекта? Конечно, это ощущение гулкости и многократно повторяющегося эхо было скорее чем-то внутренним, поскольку машины сплошным потоком снующие по проспекту Мира шумели по-другому, но возможно Аня просто поотвыкла от него за последние два с половиной месяца и что-то добавило ее сознание. Вскоре ей уже стало казаться, что в такт этому примерещившемуся эхообразному гулу звенят рассыпчатым звоном бубенчики на дурацком колпаке огромного скомороха, который скачет прямо по головам людского потока, и крышам автомобилей, и машет разноцветными флажками, а где-то вдалеке сквозь непрерывный праздничный гул пробиваются нестройные дребезжащие такты военного духового оркестра.

Это было даже не видение, а так, внутреннее ощущение, встроившееся во внешний пейзаж, к тому же неуместное на десятый день после смерти горячо любимой мамы. Впрочем ничего сверхъестественного в нем не было, возможно это непривычное ощущение возникло после люминала и долгого сидения дома. Аня подумала, что ее состояние каким-то образом связано с ноябрем, и середина ноября вполне соответствует ее настроению, ей нравится этот гулкий серый день, сквозящий хрустом и упругостью, и что, напротив, нежный майский ветерок, доносящий ароматы сирени или ландыша был бы сегодня совершенно неуместен, и именно тогда она бы прогуливалась с чувством ненужности и неуместности в этом мире, не говоря уже о том, чтобы очутиться в сей момент на черноморском побережье среди благоухания магнолий, миртов и левкой среди тысяч полураздетых загорелых отдыхающих – это, наверное, сейчас было бы поистине ужасно! Но вот как раз ноябрьская предзимняя сквозящая праздничность, скорее идущая изнутри, чем снаружи, очень хорошо вписывалась в ее душевное состояние. Сердце Ани забилося сильнее от предчувствия грядущих перемен, возможно даже какого-то чуда, а затем сами собой стали рождаться строки, словно чей-то беззвучный голос – скорее мужской, чем ее собственный, произносил стихотворение-комментарий тому состоянию, во власти которого она очутилась, выйдя на улицу. Впрочем, этот стихотворный комментарий не во всем соответствовал окружающему ее городскому пейзажу:

С утра прозрачные флажки
Предзимья в воздухе полощут.
Берез прозрачные стяжки
На черно-белом платье роши.

На голых ветках стынет свет,
Хрустит земля при каждом шаге,
И клена четкий силуэт
Застыл гравюрой на бумаге.

Сухой, морозный, гулкий день...
Так отчего в порывах ветра
То бубенцов шальная звень,
То медь военного оркестра?

И почему в тот краткий час,
Когда засветятся верхушки
Жар детской радости в плечах
От только купленной игрушки.

Я как голодный весельчак,
Что угодил на званный ужин,
Но день скукожился, зачах,
И тьме кремешной Флаг не нужен.

Пока ж воздушные шары
Необходимы в этом мире,
О, Навна, все мои дары
Не повредят твоей порфире!

Беззвучный голос стих. Стихотворение, произнесенное внутри ее сознания без перерыва и без заминки закончилось, и Аня поняла, что уже не сможет его воспроизвести, словно этот внутренний монолог был и не ее вовсе.

«Может, – подумала Аня, – это частица-воспоминание из моего прошлого до событий в лаборатории, как раз той самой жизни, о которой я стараюсь, но ничего не могу вспомнить? Но я ведь, кажется, никогда стихов не писала, неужели это из того забытого периода? Но что можно написать в возрасте до 8 лет? А это стихотворение явно взрослое и, по-моему, замечательное» (почему-то мысль о том, что это может быть стихотворение какого-то постороннего автора, которое она помнила до восьми лет, а потом забыла, как все остальное, не пришла ей в голову).

«И потом, кто такая Навна? Я никогда не слышала этого имени. А Флаг? Я точно знаю, что и это чье-то имя, а не кусок материи на древке, но чье? Как жалко, что я с собой ручку и блокнот не взяла! Конечно, можно попробовать стихотворение дома восстановить, но, похоже, не получится, я его забыла так же, как кусок моей жизни. Впрочем, нет, про стихотворение я хотя бы помню, о чем оно. Нет, ну надо же, никогда не подозревала, что я поэт!»

Аня продолжала свой путь по проспекту Мира. Она подумала, что давно не смотрела просто так на небо, в городе это вообще редко в голову приходит. Другое дело – на даче, лучше всего во время прогулок по полю, когда горизонт открыт (словно за городом небо другое), и кучевые облака такие причудливые, напоминающие всяких сказочных животных и еще Бог знает, чего. Нет, эти ноябрьские предвечерние облака совсем другие, не интересные, словно клочья серой ваты и так быстро проплывают, что не уследишь за их метаморфозами... хотя, нет, вот это, прямо над стрелой проспекта, кажется, другое. Тут Ане показалось, что одно из облаков и вправду сильно отличается от остальных, быстро проносящихся и быстро меняющих конфигурацию. Оно было какое-то более внушительное, более устойчивое, с особой подсветкой и явно напоминало бескрылого дракона... пожалуй даже не дракона, скорее, динозавра Юрского периода – бронтозавра или диплодока, и на этом диплодоке кто-то сидел... пожалуй, даже не кто-то, а конкретно – девочка! Нет, но бывают же такие антропоморфные облака, словно их кто-то вылепил специально. В какое-то мгновение с Аниным зрением что-то случи-

лось, словно бы ударила беззвучно молния, хотя никакой грозы и в помине не было, и осветило вполне реальное чудище – диплодока, на шее которого с ужасом на лице сидела девочка, лет восьми-девяти, вцепившись в бронированную шкуру. Динозавр, как мы упоминали, был бескрылым, и каким образом держался в воздухе было непонятно, как было непонятно и то, каким образом на нем очутилась девочка в светлом платьице. Тут Аня словно бы стала видеть из положения девочки: под ними раскинул просторы бескрайний приближающийся город, по-видимому, Москва, вокруг хлестал дождь и били молнии – очевидно видение опустилось ниже облачности, и застывшее в страхе лицо девочки показалось Ане странно знакомым. Бог мой, да ведь это же она сама в детстве!

В этот момент все вернулось на свои места, и поразившее ее облако вроде бы уже ничем не отличалось от остальных, да и была ли эта необычность с самого начала? Аня стряхнула с себя наваждение и стала растеряно озираться. Ей показалось, что прохожие подозрительно на нее поглядывают – то ли она как-то неадекватно себя повела, то ли что-то отразилось на ее лице. Впрочем, видение было мгновенным и вряд ли как-то существенно могло сказаться на ее поведении.

«Что же это за напасть такая, – на удивление отстраненно, словно это было и не с ней, подумала Аня, – ничего подобного в своей жизни не припомню... по крайней мере в этой осознанной. Может это люминал так действует? Но я же почти сутки его не принимала, к тому же это барбитурат, а не галлюциноген. Все, больше ни одной таблетки, лучше пару дней бессонницей помяться!»

Тем не менее Аня констатировала, что совсем не испугалась необычных явлений, по ее воспоминаниям, никогда с ней не происходивших, да и сейчас страха не было, разве что тогда, на мгновение, когда она словно бы на небе очутилась. Сейчас же, напротив, в душе ее разливалось непонятно откуда явившееся чувство праздника и узнавания чего-то родного, хотя сознательная, критическая ее часть искренне возмущалась такой веселухе, совершенно не уместной на десятый день после смерти мамы. Другая же, какая-то третья ее часть замерла (опять же без страха) в предчувствии чего-то нового, возможно, в каком-то аспекте трагического, не исключено, даже страшного, но только не серенького, скучного, как вся ее осознанная жизнь, а неординарного, удивительного, чрезвычайно важного не только для нее, но для многих – многих тех, кого она сейчас не помнит, но когда-то хорошо знала.

«То ли это память возвращается, – думала Аня, машинально сворачивая на площадь, сразу же за станцией метро „Проспект Мира“, – и не надо на прием к этому доктору идти. Но, с другой стороны, уж больно странно она возвращается. Какое отношение к реальным событиям может иметь девочка, летящая на динозавре, и не просто девочка, а я сама. Нет, это, скорее, шизофренический бред какой-то, так что тем более к врачу надо. Если на то пошло, у этого ящера даже крыльев не было, – мысленно добавила она, словно наличие крыльев у нелетающего диплодока (или бронтозавра) сделало бы увиденную картину более правдоподобной, – так что подобные явления вряд ли похожи на возвращение памяти, скорее, возвращение психической болезни!» – решила она напугать себя последней фразой... однако, почему-то, не испугалась, словно полеты на динозаврах были для нее делом обыденным.

Размышляя таким образом, Аня свернула на площадь, которая через пять лет будет носить название «Олимпийская», и которая через много-много лет так застроится всякими офисами, Макдоналдсами и бутиками, что и как таковой площадью перестанет быть, но в те далекие застойные годы она была весьма просторна и единственным ее украшением являлась церковь святителя Филиппа, правда до капитального ремонта и реставрации в начале девяностых, находившаяся в запустении и нищете. По легенде церковь эту в конце девятнадцатого века основал один богатый трактирщик, имя которого народная молва не сохранила, безбожно обманывающий и обсчитывающий своих посетителей. Но однажды к нему во сне, якобы, явилась Богородица и между ними произошел разговор примерно такого содержания:

– Слышала я, что ты бессовестно посетителей обдираешь, – скорбно обратилась к трактирщику Богородица.

– Каюсь, матушка, обдираю, – неожиданно смиренно склонился к ее стопам трактирщик, – так ведь жисть-то ныне какая, иначе не заработаешь!

– Прекрати обманывать людей и обратись к благодетели, – наставительно потребовала Святая Дева.

– Так как же жить то? На чем прибыль иметь? – расстроился мироед.

– А на капельках, – загадочно ответила Богородица. Что она имела в виду по капельками, трактирщик так и не понял, возможно, те капельки, которые остаются в посуде после испития алкогольных напитков, а может она аллегорически намекала на слезы сострадания к нищим и обездоленным, однако с той поры трактирщик перестал обманывать клиентов, исправно молился в церкви и раздавал направо и налево нищим милостыню – и неожиданно очень разбогател. То ли потому, что к нему массово пошел народ, поскольку в этом кабаке перестали обвешивать и обсчитывать, а может и вправду на то была особая милость Богородицы. Как бы то ни было, по прошествии нескольких лет после памятного сна, трактирщик на свои средства поставил церковь, получившую название «церковь святителя Филиппа», а в народе ее стали звать «церковь на капельках», (говорят недавно открылся ресторан «На капельках» – в честь того памятного трактира), и считалось, что прихожане пользуются особой милостью Матери Божьей.

Итак, раздав какую-то мелочь, которая оказалась в карманах, хищным старушкам-нищенкам, Аня зашла в церковь святителя Филиппа, где еще совсем недавно отпевали ее маму. К горлу Ани подкатил комок, однако сегодня у нее уже были силы, чтобы не расплакаться, она закусила губу, купила несколько свечей, рассеянно огляделась и подошла к старой темной иконе «утоли мои печали» со стандартным сюжетом Богородицы с младенцем на руках. Почему ее привлекла именно эта икона, Аня не смогла бы объяснить, но ей показалось, что свечи нужно поставить именно здесь. Разместив большую часть купленных свечей около этой иконы и приложившись губами к окладу, Аня мысленно прочитала «Отче наш» – единственную молитву, которую она знала наизусть, и закрыла глаза, сосредоточившись на мамином образе в тайной надежде, что душа ее подаст какой-то знак или даже явится перед мысленным взором, однако этого как всегда не произошло. Аня открыла глаза. Взгляд ее упал на икону, и тут она в рассеянности захлопала глазами: икона чудесным образом преобразилась. Вместо закопченного свечами, не очень отчетливого образа на нее глядела, словно живая, средних лет, чрезвычайно привлекательная светлоглазая женщина с неуловимо-славянскими чертами и диадемой, вместо аскетического платка на голове. На руках же она держала такого же, словно ожившего ребенка – не младенца, а именно 4—5 летнего ребенка, причем совершенно отчетливо можно было разобрать, что это девочка, а не маленький Иисус, при этом волосы девочки были пшенично-светлые, глаза голубые, а на голове маленькая золотая коронетка. Но особое удивление Ани вызвало даже не это, а то, что лицо этой девочки было поразительно похоже на лицо другой, более старшей, летящей на динозавре – лицо самой Ани в детстве. Одновременно с этим возникло чувство, что нечто подобное она уже видела и не раз, что ей когда-то прежде приходилось не только наблюдать оживающие иконы, но и разговаривать с ними, правда, где и как это происходило, вспомнить она не могла.

Видение продолжалось несколько секунд, и достаточно было Ане моргнуть, как все стало на свои места: Богородица по-прежнему скорбно глядела на младенца, больше напоминавшего уменьшенную копию взрослого человека, случайные посетители медленно прогуливались по церкви, разглядывали иконы, ставили свечи. Служба уже закончилась, и можно было вести себя по своему усмотрению. Мимо Ани прошла одна пожилая прихожанка, другая, обе осуждающе поглядели на Анину голову, но замечание не сделали. По всему было видно, что никто из посетителей не заметил чудесного преображения иконы «Утоли мои печали».

«Значит, – подумала Аня, – это мой собственный глюк, а в действительности икона как была, так и осталась. Что же это такое? Никогда ничего подобного раньше не было, я эту икону уже много раз видела, и ничего чудесного с ней не происходило. Это уже третий глюк за последние полчаса».

На всякий случай Аня еще несколько раз похлопала глазами, но икона больше не преображалась, тем не менее у Ани возникло чувство сожаления, словно икона хотела ей что-то сказать, но Аня сама каким-то образом помешала ей это сделать. В третий раз мысленно сказав себе, что ей и вправду пора обратиться к врачу, Аня, у которой осталось еще три свечи, пересекла зал и подошла к другому, более крупному и старому образу, который, как она знала, назывался «Сошествие во ад», где Иисус Христос внутри золотого эллипса нисходит в мрачную преисподнюю к ужасу коричневых чертей, приснувших в разные стороны от источника Божественного света, а главный и самый большой бес – сатана, прикованный к скале, в бес-сильной злобе скалит свою звериную пасть. Постояв какое-то время рядом с образом, Аня поставила около него оставшиеся свечи, как положено, перекрестилась и мысленно прочитала молитву. Как она и предчувствовала, поразительный эффект, случившийся с соседней иконой повторился. Икона засветилась, а затем словно бы ожила, при этом в сюжете так же произошли значительные перемены. Прежде всего, вместо Иисуса Христа в эллипсе находилась уже молодая женщина в белых одеждах, в которой, при внимательном взгляде, можно было угадать ту девочку, которую держала в руках величественная женщина на предыдущей преображенной иконе, то есть саму Аню, но какого-то облагороженного облика, при этом на голове ее так же сияла неземным светом маленькая коронетка. Преисподняя также преобразилась: вместо огромной каменной пещеры, она уже больше напоминала мрачный город чем-то похожий на московский кремль как бы выполненный в стиле кубизма, где все архитектурные детали представляли собой конструктивистские прямоугольные формы – да и вообще город выглядел составленным из конструктора. К тому же вместо классических хвостатых чертей Аня увидела щуплых голых муравьиноподобных существ с выпученными глазами, висящими на стебельках и усиками-антеннами. Ко всему прочему Ане показалось, что эти существа словно бы выполнены из белых и серых зерен, как на полотнах художников-пуантилистов. Над зданиями же проносились непонятные рваные полотна-тени вперемешку с устрашающими крылатыми драконами. Но и это еще не все. Прямо под этим городом обнаружился второй ярус, со всех сторон стиснутый мрачными глыбами основания, в середине которого словно бы играл солнечный зайчик, и когда Аня внимательно взглядела в него, то там обнаружился вполне земной пейзаж, который тут же словно бы наехал на нее и освободился от оков мрачного города. Аня увидела величественную реку, протекающую мимо высоких холмов, с дальним лесом на противоположной стороне, на одном же из холмов возвышался русский княжеский терем с золочеными куполами-луковками. Еще через мгновение терем стал прозрачным, и Аня увидела в центральном зале огромного роста, почти касающуюся головой потолка женщину в белых ниспадающих туманом одеждах, с сияющей диадемой поперек высокого лба. Напротив нее, словно во время беседы, стоял молодой человек, не достающий ей и до пояса, в, казалось бы, совсем абсурдно выглядящем здесь туристическом одеянии, и в такой же неуместной к этому одеянию золотой короне на голове, по стилю очень напоминающей ту, маленькую, венчающую голову девушки, вместо Христа сходящую во ад...

Величественная женщина что-то произнесла, Аня только не сумела расслышать, что именно, и в этот момент снова моргнула. И великанша, и юноша, и терем тут же исчезли, все вернулось на свои места, и только тогда Аня поняла, какое словно произнесли уста величественной женщины, которая, как показалось Ане, очень была похожа на ту, из первой иконы, с ребенком, но черты ее лица гораздо больше, чем у первой подчеркивали именно русскую принадлежность, в то время, как у второй они не носили выраженного национального характера. Итак, губы великанши произнесли слово «помоги», и просьба эта обращалась именно

к Ане, а не к своему собеседнику. Кроме того, и молодой человек в короне показался ей знакомым, но об этом чуть позже.

«Так-так, – подумала Аня, рассеянно выходя из церкви и смущенно минуя ряд все тех же старушек, тянувших к ней свои скрюченные руки, – совсем ку-ку, бред наяву, и чем дальше, тем затейливее. Мало того, что я, оказывается, на динозавре летала, но к тому же успешно заметила Иисуса Христа и приняла участие в какой-то загробной истории, да еще в разном возрасте. Как-то мало это возвращение памяти напоминает, скорее бред величия на фоне шизофренических галлюцинаций. Мало того, что корона на голове, так к тому же какая-то добрая волшебница у меня явно помощи просила (кстати, по-моему ничего в Священном писании о ней не говорится). И этот молодой человек (тоже в короне) хорошо мне знаком, именно его сегодня утром, проснувшись, я видела – и во сне и после сна, вот только без короны он был. Тут в голову ей пришло еще одно удивительное сопоставление (для нее, но не для нашего внимательного читателя). Она припомнила, что когда-то в десятилетнем возрасте была с мамой в Трускавце, и ее соседом оказался симпатичный мальчишка, ее ровесник, который по непонятной причине ее заинтересовал. При этом – она это хорошо заметила – он явно хотел с ней познакомиться, но так и не решился, а она поймала себя на той же мысли, тем более, скучала в Трускавце, не имея с кем из детей перекинуться словечком, но, разумеется, подойти к мальчишку первой было верхом неприличия, к тому же у нее в то время и не было друзей среди мальчишек. (Разумеется, родной брат – не в счет, он, будучи на шесть лет ее старше, относился к Ане как к малявке, снисходительно равнодушно, а порой, при отсутствии родителей, обижал ее и всячески третировал, благо что девочка никогда не жаловалась). Ну а развязка этой истории была и вовсе неприличной. Как-то она открыла дверь туалета в саду, и обнаружила этого самого мальчишку на толчке со спущенными штанами. Разумеется, после такого конфуза (она почему-то и сама жутко сконфузилась) ни о каком знакомстве не могло быть и речи, тем более вскоре после этого события мальчик уехал со своей мамой. Ну так вот, если этого мальчишку с зелеными глазами и пышной шапкой каштановых вьющихся волос состарить лет на 10—15, то он бы как две капли воды походил на молодого человека из ее снов и видений. Она никак не могла понять, почему именно этот эпизод из ее детских воспоминаний долго не шел из головы: мало ли она встречала в своей жизни особей противоположного пола? И в детстве, когда те бесились и дергали девчонок за косы, чтобы обратить на себя внимание, и позже, в юности, когда за ней всерьез многие пытались ухаживать и оказывать всяческие знаки внимания, и лишь ее странное безразличие к вопросам пола – ее некий комплекс Снегурочки – рано или поздно всех их отталкивал. Несомненно, именно этот комплекс Снегурочки был причиной тому, что при всей своей привлекательности, начитанности и уме, у Ани в свои неполные 19 лет не было ни одного серьезного романа. Она даже ни разу по настоящему не целовалась с молодым человеком, даже со своим официальным женихом, Виктором, поскольку Виктор вел себя уж чересчур по-джентльменски, очевидно уловив Анино равнодушие к противоположному полу, как видно принимаемое за фригидность. Сама же Аня, не отвергая слишком явно ухаживания Виктора, в роли своего суженого воображала почему-то того самого мальчишку-соседа по отдыху в Трускавце, и это его неожиданное вторжение в ее жизнь в образе чрезвычайно ярких видений очень ее сейчас взволновало. И все это, несмотря на тот факт, что видела его в десять лет со спущенными штанами, сидящим на толчке: если что-то подобное произошло бы с Виктором, да и с любым другим, она никогда не смогла бы продолжать с ним хоть какие-то отношения. Тут ей припомнился еще один эпизод из ее никому не ведомой жизни, о котором она не рассказывала даже маме, а в последнее время почти забыла. Все дело было в странном сне, который она видела незадолго до поездки в Трускавец. Сон этот был каким-то необычно-реальным, гораздо реальней тех смутных, спутанных снов, от которых поутру остается лишь несколько фрагментов либо они забываются полностью. Этот же сон она помнила во всех деталях, и лишь по прошествии многих лет он потускнел и отчасти

забылся. В этом сне она встретила с неким мальчиком, которого сама же позвала, на берегу дивного аквамаринного моря, веющего безмерной древностью... наверное, правильнее сказать – вечностью, несказанным покоем и умиротворенностью. Рядом с ними на песке стоял какой-то фантастический, возможный только во сне, макет замка, вроде бы сделанный ей самой из песка, но такой причудливой формы, нарушающий все законы гравитации и перспективы, что его, разумеется невозможно было сделать не только из песка, но и из какого-либо другого материала. Позже нечто подобное она увидела на гравюрах художника Эшера. Она помнила, что вела с этим мальчиком какую-то чрезвычайно важную беседу, рассказывая ему такие сакральные вещи, о которых не имела никакого понятия в реальном мире. О чем, конкретно был этот разговор сейчас она вспомнить уже не могла, но помнила, что ощущала себя кем-то другим, кем она была на самом деле – не десятилетней девочкой (хоть выглядела именно так), весьма ограниченного кругозора и средних способностей, но гораздо мудрее и древнее, приобщенную к великим тайнам мироздания, видевшую иные миры, где с ней происходили удивительные события. При этом ощущения были чрезвычайно реальными, и в том сне она нисколько не сомневалась, что она, Аня Ромашова – совсем не та, за которую себя принимает в дневной жизни, что эта, дневная, – нечто вроде осознающей себя маски, за которой прячется настоящая. Потом этот мальчик, получивший от нее какую-то неведомую инициацию, купался прямо в одежде в море, а она осталась на берегу, поскольку даже там, в сновидении не умела плавать (она и до сих пор не умеет), а выйдя на берег протянул ей горсть розовых жемчужин и кораллов, которые удивительным образом превратились в ожерелье. Она же со своей стороны подарила ему медальон из пейзажного оникса, правда, откуда его взяла – сама не помнит. Потом был чарующий голос свысока – кому он принадлежал, в тот момент она хорошо знала – но теперь это было для нее загадкой, и сон прервался, она же долгое время оставалась под его впечатлением, а в сознании звучали непонятно откуда взявшиеся строки песни, которую она пела, когда строила замок из песка: Помнишь из детства

Света пургу

Мальчик и девочка

На берегу...

Сейчас она дальше не помнила, но тогда, в детстве, кажется, знала полностью слова этой песни и мелодию.

Каково же было ее удивление, когда по приезде в Трускавец она увидела точную копию этого мальчика из сна, которого она запомнила с неестественной отчетливостью. Собственно, этим и объяснялся тот удивительный интерес к его персоне, которого она не испытывала ни к одному мальчишке. И вот теперь он снова появился на сцене в своем мистическом ореоле.

После всего случившегося Аня не пошла к Садовому кольцу, она побоялась, что по дороге ее снова начнут преследовать видения, словно обратный путь мог уберечь ее от чего-то подобного. Впрочем по дороге домой ничего необычного с ней больше не случилось, кроме не проходящего и совершенно сейчас неуместного чувства праздника, и мысли о том, что она должна была страшно испугаться того, что у нее, по всем признакам, произошло обостренное психического расстройства, которое она перенесла в детстве, однако, почему-то не испугалась.

В эту ночь Аня впервые заснула без снотворного, а так же впервые видела маму во сне. Мама была совсем как живая, они вместе ходили по чудесному августовскому корабельному лесу, собирали грибы и говорили о каких-то пустяках, при этом Аня все время хотела спросить маму о чем-то важном, но не могла вспомнить, о чем именно. Затем мама неожиданно куда-то пропала, и когда Аня стала аукать, то мама отозвалась где-то не так далеко, за деревьями, но кода Аня туда добралась, мамы там не оказалось, а голос ее раздавался совершенно с противоположной стороны. Аналогичным образом продолжалось все сновидение, маму Аня так и не нашла, как дворник Тихон – из бессмертных 12 стульев – лошадь, и проснулась с чувством, что не узнала у мамы чего-то очень важного – вот только сам вопрос забыла. Вскоре

позвонил Юра и сказал, что договорился с доктором Левиным на сегодня, и что он через час к Ане заедет.

ГЛАВА 2. Визит к доктору Левину

Как Юра и обещал, приехал он примерно через час после звонка. Аня знала, что его засекреченное КБ находится где-то неподалеку, однако где именно он не говорил, ссылаясь все на ту же секретность, но как-то намекнул, что Аня не раз мимо его фирмы проходила, но табличка, висящая на двери этой загадочной организации отнюдь не соответствует истинному роду занятий сотрудников, находящихся условно за этой дверью. Назвал даже длинное название – что-то вроде главпроект... как дальше Аня не запомнила.

– Ты сегодня, я смотрю, гораздо лучше выглядишь, – сказал Юра приветственно чмокнув сестру в щеку, – и глаза ожили, и цвет лица появился. Да и будить тебя не пришлось. Ты как себя чувствуешь?

– Сегодня уже лучше, сегодня без люминала спала, – постаралась как можно бодрее ответить Аня, – и насчет мамы как-то все притупилось. Вообще такое чувство, что начала к жизни возвращаться... хотя... – тут она запнулась и замолчала. Вначале ей хотелось рассказать брату о том, что с ней вчера произошло по пути в церковь и в самой церкви, но тут словно какая-то неведомая сила запечатала ей уста, и она поняла, что ни о чем таком сокровенном брату рассказывать нельзя. Юра всегда издевался над ее фантазиями и с некоторых пор Аня вообще перестала говорить с ним о чем-то нематериальном. Хотя, с другой стороны, он вроде бы изменился и сам поднял вопрос о паранормальном прошлом сестры, и если он всерьез рассчитывал на восстановление у нее прежних способностей, то по идее – наоборот, следовало бы рассказать, поскольку то, что вчера с Аней произошло как раз и можно было отнести к области паранормального.

– Что «хотя», – подозрительно посмотрел на нее брат.

– Да так, – убрала Аня глаза, – сон один приснился, будто мы с мамой грибы собирали, а потом я ее потеряла. Каждую ночь после смерти мамы я хотела ее во сне увидеть, и только вот сейчас увидела. Я думала она мне что-то важное расскажет, но ничего не рассказала.

– Мне бы твои заботы снисходительно посмотрел на нее брат, я по-моему вообще никаких снов не вижу. Ну, может и вижу, только не запоминаю. И что тебя так заиклило маму во сне увидеть? Образы сна – это то, что в подкорке спрятано, и никакого отношения к маминной душе не имеют. Так что ничего эта, так сказать, мамина душа тебе сообщить и не могла, а если бы и рассказала, то это было бы то же самое, что ты сама себе что-то поведала, то есть только то, что ты и без того знаешь. Ладно, поехали, а то я только на два часа отпросился, так что я тебя до диспансера довезу, с доктором познакомлю и сразу обратно. Ты сама ему все расскажешь, а я ему уже все рассказал, что знал о твоём случае.

– Постой, постой, – вдруг встрепенулась Аня, – до какого диспансера?!

– До психоневрологического.

– Что?! – возмутилась девушка, – до какого психоневрологического?! Ты мне ничего об этом не говорил, я думала, это будет частный визит, а так ни в какой диспансер я не поеду! Я не шизофреничка какая-нибудь, не хватает чтобы меня еще на учет взяли!

В этот момент Аня припомнила муссировавшиеся в то время в стране слухи об использовании комитетом госбезопасности психиатрической службы для расправы с диссидентами и как после подобного лечения здоровые и активные люди превращались в тихих дурачков и зомби.

– В общем, – оборвала она свою гневную тираду, – ни в какой диспансер я не поеду, я психиатрам не доверяю, они в нашей стране не столько душевнобольных лечат, сколько со всякими диссидентами расправляются.

– Ты соображаешь, что говоришь, – возмутился Юра, – ты понимаешь, в какое дурацкое положение меня ставишь?!

– Все я прекрасно понимаю, а про их методы мне еще папа вскользь упоминал. А уж он-то был в курсе, сам знаешь, кем он до войны работал!

– Успокойся, успокойся, – быстро остыл Юра, – ты что ж, всерьез вообразила, что я родную сестру сдам психиатрам, которые занимаются политзаключенными? Сколько же в твоей головке намешано! Не беспокойся, я прекрасно знаю об их методах, и смею тебя уверить, получше тебя. Во-первых этими вопросами занимаются только специальные отделения психиатрии, и обычный районный диспансер, куда я собираюсь тебя отвезти, к подобным службам не имеет никакого отношения. А во-вторых я тебя и не собираюсь через тамошнюю бухгалтерию проводить, мне это так же, как и тебе не нужно. Мы ко Льву Матвеевичу частным образом приедем, во внерабочее время, у него официальный прием во второй половине дня. Просто это место самое удобное. Дело в том, что он на нашу фирму только консультировать приезжает по вопросам... ну, кое-каких экспериментов, я о них тебе пока ничего сказать не могу. Туда тебя никто не пропустит, даже со мной, там специальный допуск нужен. Я сначала думал, он тебя дома примет или к нам приедет, я, честно говоря, ожидал такую твою реакцию на диспансер, но он сказал, что это ему неудобно, что у него на месте (а его основное место работы – как раз тот самый диспансер бабушкинского района) все необходимое для работы и аппаратура разная, которую он не может с собой таскать. Да и вообще, – Юра поглядел на Аню насмешливо, – ты слишком много о себе возомнила, если думаешь, что представляешь какой-то интерес для КГБ, что они готовы на тебя свои силы, средства и специальные службы тратить. Им больше делать нечего, чем со всякими сопливыми девчонками заниматься, у них и без тебя дел предостаточно.

«А ведь и правда, – подумала Аня, – чего это меня понесло, тоже мне революционерка-правозащитница выискалась!»

Трудно сказать, почему, но у Ани очень рано выработалось резко негативное отношение к существующему режиму, при любви к своей родине в целом. И это несмотря на сдержанную лояльность в отношении советского строя в ее доме, хоть и с долей скепсиса и критики отдельных недостатков, как в любой интеллигентной семье. Родители при разговоре с детьми старались обходить эту тему, тем более, что никто из ближайших родственников в годы репрессий не пострадал, да и вообще, ничем конкретным советская власть семью не обидела, ну, разве тем, что до 64 года все они ютились в коммуналке. Аня сама себе не могла объяснить, почему так не любила советскую власть, правда, слава Богу, в силу замкнутости ни с кем своими политическими убеждениями не делилась, поэтому об этом ее скрытом дисидентстве так и не стало известно в школе.

– Ладно, – примирительно сказала она брату, – это у меня, наверное, был какой-то неосознанный импульс. Разумеется диссиденты, подвергающиеся психиатрическим репрессиям, не имеют к моему случаю никакого отношения, это, наверное, у меня подсознательный страх к твоему психиатру, тем более я краем уха слышала, что любой человек хоть раз оказавшийся в псих-заведении, на всю жизнь попадает под наблюдение. Его ставят на учет и даже если он в дальнейшем совершенно нормальный, его и не на всякую работу берут, и за границу не пускают.

– Начнем с того, – сказал Юра, раздраженно поглядывая на свой новенький, сияющий кварцевым стеклом «Ориент» – труднодостижимая мечта любого советского обывателя, – что ты уже лежала в соответствующем заведении в 8 лет после этой злополучной лаборатории, а значит и на учет поставлена. И я не припомню, чтобы тебе это где-то как-то мешало. Насчет твоего провала в ВУЗ – не беспокойся, там сбой по другой причине произошел, я специально узнавал. Все это – не тебе в обиду, просто я констатирую факт. Во-вторых я уже объяснял, что это неофициальный прием, сколько можно! И в-третьих, чтобы закончить этот ненужный разговор: Лев Матвеевич не психиатр, а психоаналитик, использующий в своем арсенале не столько лекарства, сколько аналитические методы Фрейда, Юнга, Хайдеггера и еще Бог

знает кого, я не запомнил. На западе, между прочим, любой мало-мальски состоятельный человек имеет своего психоаналитика, к которому обращается по любому психотравмирующему поводу. Сама понимаешь – потогонная система, хронические стрессы...

– У нас же Фрейда не признают, – сказала Аня, – и тех остальных, по-моему, тоже.

– А, – махнул рукой Юра, – у нас много чего не признают по идеологическим соображениям, а неофициально для определенного круга используют, по-другому это называя, чтобы идеологическую невинность соблюсти. Как известно, Фрейд считал, что причина практически всех психических – да и не только психических – отклонений скрыта в сексуальной сфере человека, в его тщательно скрываемых комплексах. Естественно, наши идеологи такого безобразия пропустить не могли, у нас, как известно, в стране секса нет. Тем не менее – система-то его работает, вопреки Марксу, Энгельсу и Ленину, а значит можно, закрыв глаза на последнюю, использовать ее для строго ограниченного и сознательного контингента, не называя сексуальную сферу сексуальной, а психоаналитиков – психоаналитиками. Думаю, со временем к власти придут более прагматичные люди, которые отменят всякое идеологическое кокетство, и назовут вещи своими именами. В нынешнем среднем управленческом звене давно уже немало здравомыслящих, незашоренных людей, и их время придет, когда вымрут наши мастодонты из политбюро. Так вот, все это те так важно, а важно то, что Лев Матвеевич, числясь официально у себя на работе психоневрологом, на самом деле является психоаналитиком, и обучался этому методу в Швейцарии, что, как сама понимаешь, немногим удастся. Я знаю, что он там даже принимал участие в работах, связанных с применением ЛСД, пока этот препарат не запретили, как наркотический. Говорят, тогда особенно интересные результаты получались, правда, я не знаю, какие. Но, наверное, дело не в ЛСД, навряд ли он что-то подобное тебе предложит, за это немалый срок можно схлопотать,, наверное дело в том, что метод психоанализа и прочих продажных девок империализма – уж не знаю каких – он получил из первых рук, так что можно поручиться за достоверность. К тому же, говорят, он уникальный гипнотизер, а в твоём случае, как он говорил, после того, как я о тебе подробно рассказал, очевидно без гипноза не обойтись. Если бы ты знала, какие у него боссы лечились, разумеется инкогнито! – добавил Юра несколько не по теме – и ничего, все очень неплохо сочеталось с «единственно верным учением на земле», о котором они с официальных трибун долдонят.

– Что-что? – усмехнулась Аня, – я от тебя таких неправильных речей никогда не слышала! Ты ж бывший комсомольский лидер, ты ж с трибуны всякие бодрые речи и идеологически выверенные программы вещал!

– Подумаешь, – хмыкнул Юра, – мало ли что я с трибуны вещал! Если бы ты была на моем месте, и ты бы вещала, что начальство прикажет. Что ж я из-за такой ерунды, как несогласие с тем, что с трибуны говорю, буду себе карьеру портить?! Запомни, сестренка, что в нашей стране добивается успеха только тот, кто думает одно, говорит другое, а делает третье. Это ты у нас блаженная, ничего для себя лично не надо.

– А по-моему, – пожала Аня плечами, – как раз – наоборот, твоя формула успеха в нашей стране напоминает басню Крылова «Лебедь, рак и щука». Как известно из басни, результат подобной ситуации в том, что «воз и ныне там».

– Это, может, во времена Иван Андреича никого не устраивало, – нисколько не обиделся Юра, – а в наше время вышестоящие инстанции больше всего и заинтересованы, чтобы воз всегда был там, а тот, кто это торжественное топтание на месте обеспечивает, сам может неплохо продвигаться по службе, главное – видимость создавать. Ладно, мы так до бесконечности можем в острословии соревноваться, а мне еще сегодня на работу надо, так что давай, собирайся. По поводу оплаты можешь не беспокоиться, я этот вопрос на себя беру, у тебя все равно нет ничего...

– Да я, собственно, готова, – вздохнула Аня, уязвленная справедливым Юриным замечанием, что у нее «нет ничего», – что-нибудь брать с собой?

– Да он, вроде ничего не говорил... ах, да, сказал, что неплохо бы было принести выписки из больницы, где ты в восемь лет лежала.

– По-моему, ничего не сохранилось, – сказала Аня, – по крайней мере, я о них ничего не знаю, Может, пропали при переезде, а может и папа их уничтожил по старой памяти, он всегда старался улики уничтожать...

– Это точно, – согласился с ней Юра, – в том числе и полезные.

Брат и сестра вышли из дому, сели в машину (те, кто видел их впервые, никогда не признавали, что они брат и сестра – ни внешне, ни по характеру) и Юра поехал по проспекту Мира от центра, затем свернул в районе ВДНХ и припарковался около достаточно характерного четырехэтажного заведения, со всех сторон окруженного весьма захламленным лесопарком, который в своей более культурной части был известен, как ботанический сад им. Цицина. На здании висела стандартная табличка, отозвавшаяся неприятным эхом в Аниной памяти: Психоневрологический диспансер №11 Бабушкинского района Минздрава РСФСР.

Юра решительно прошел мимо регистраторши, исполняющей, очевидно, и роль охранника, он, в отличие от Ани, держался всегда очень уверенно и нагло и мог ногой открыть дверь в кабинет любого начальника, когда того требовала необходимость. Очевидно сказывался навык бывшего комсомольского функционера.

– Эй, мужчина, – кинула им в спину худая, злобного вида регистраторша, почему-то обращаясь только к Юре, – вы по какому вопросу? У нас, между прочим, положено верхнюю одежду снимать и талончик на посещение брать. Вы к какому врачу?

– Мы к доктору Левину, – многозначительно обернулся к злой тетке Юра, – он нам назначил.

– Ах, ко Льву Матвеевичу! – неожиданно заулыбалась церберша. Голос ее стал ласковым, – так бы сразу и сказали, – добавила она, словно выясняя цель визита долго и упорно, – он в 24 кабинете, на втором этаже.

– Мне это известно, – ледяным тоном сообщил Юра, – еще вопросы есть?

Поскольку вопросов больше не последовало, он решительно двинулся к лестнице, а следом за ним прошмыгнула и Аня, так и не вызвавшая никакого охранного рефлекса у злобной работницы регистратуры. Пройдя по коридору мимо нескольких небольших группок, как показалось Ане пришибленных, испуганных пациентов, терпеливо дожидавшихся своей очереди у кабинетов, брат с сестрой вошли в просторный холл, заставленный горшками с разнообразными комнатными растениями, и Юра без стука вошел в одну из дверей, около которой не было народа. Они оказались в светлом, чрезвычайно стильно обставленном помещении, обстановкой мало напоминающем стандартный медицинский кабинет. С порога сразу же шибануло сладким сандаловым запахом индийских благовоний (в те годы известный далеко не всем), при этом дверь задела прилаженное над косяком незамысловатое китайское устройство из нескольких разной длины латунных трубочек, издавших тончайшую трель, затихающую по мере успокоения колебаний на ниточках. Сам кабинет так же навевал мысли о востоке: на полках перед книгами во множестве виднелись разной величины и материалов фигурки индуистских и буддийских божеств, на стенах висели китайские и японские пейзажные и бытовые акварели на рисовой бумаге и шелке, над потолком были прилажены бамбуковые штыри на которых висели несколько декоративных японских фонариков из той же рисовой бумаги с акварельными пейзажами. Соответствующий антураж придавали и расписанные шелковые веера на стенах и особое внимание привлекали большие замысловатые квадратные орнаменты, напоминающие сложнейшие лабиринты, словно бы нарисованные цветной гуашью. Под ними значились какие-то подписи то ли на санскрите, то ли другом каком языке со схожими буквенными обозначениями, и лишь под одним таким лабиринтом имелась подпись от руки на русском языке – очевидно перевод: Кала-чакра – мандала времени.

Ни эти образы, ни названия Ане ничего не говорили, тем не менее, глядя на них, она тут же почувствовала, что ее сознание словно бы втягивает внутрь этих изображений.

Так же нетипичным для стандартного медицинского кабинета тех времен были и большие плакаты с изображением полураздетых и раздетых древних китайцев (судя по прическам и глазам) в разных проекциях с нанесенными на них разноцветными неправильными линиями с точками и иероглифами. Отдельно можно было обратить внимание на несколько портретов бородатых и безбородых мужчин, среди которых попадались фотографии и рисунки как европейцев, так и китайцев с индусами – все Ане неизвестно, кроме разве что, Конфуция, портрет которого Аня видела в какой-то исторической книге. В общем кабинет выглядел весьма экзотично по тем временам, включая импортный телевизор Sony с какой-то приставкой и стереоустановку Pioneer – почти неосуществимая мечта советского обывателя семидесятых – рядом с которой стояла пластмассовая полочка с многочисленными кассетами. Большинство кассет имели подпись «Релаксация» и дальше следовали неизвестные Ане фамилии и названия. На отдельном столе стоял громоздкий, непонятного назначения агрегат – судя по окулярам – то ли микроскоп, то ли что-то офтальмологическое. Угол кабинета перегораживала шелковая ширма, явно японского происхождения, судя по Фудзияме, сакурам и гуляющим средневековым японцам.

Сам Лев Матвеевич восседал за массивным столом, инкрустированным карельской березой (вряд ли такой стол могла предоставить ему хозяйственная часть диспансера), и облик его мало ассоциировался как с явно восточным антуражем кабинета, так и с сионистскими образами, навеваемыми его фамилией. Был он без халата, одет в элегантную серую тройку, явно привезенную из-за границы, худощав, спортивен, с тоненькими усиками и прилизанными прямыми, явно покрашенными в радикальный черный цвет волосами, скрывающими начинающуюся лысину. Внешность его больше ассоциировалась не с врачом и не с раввином, а с итальянским или французским режиссером. О его профессии свидетельствовали только черные, острые глаза, которые цепко впились в пациента и, казалось, прощупывали насквозь.

– Здравствуйте, Юрий, – расцвел улыбкой Лев Матвеевич, поднимаясь из-за стола и протягивая Юре руку, – давайте знакомиться, – продолжил он, протягивая руку и Ане, при этом очень внимательно вглядываясь в ее лицо. Аня тут же поймала себя на мысли, что, помимо остроты, взгляд этот какой-то липкий и оставляет после себя не очень комфортное ощущение, словно впечатываясь в кожу. Впрочем, это был весьма характерный взгляд для молодящегося мужчины, которому за пятьдесят и который разглядывает молодую, привлекательную девушку. Она попыталась светски улыбнуться и представилась.

– Ну вот, – заторопился Юра, – я совсем в цейтноте, передаю сестренку в ваше полное распоряжение и надеюсь на успех... нашего абсолютно безнадежного предприятия, – добавил он зачем-то, но Аня знала, что у брата достаточно часто выскакивают шаблоны, не всегда уместные к обстоятельствам.

– Зачем же так мрачно? – улыбнулся доктор, – я, напротив, рассчитываю на успех, иначе не предложил бы свои услуги. Разумеется, если мы имеем дело не с органикой, но, учитывая давность проблемы и молодость Анечки, вероятность органики ничтожна. Конечно, сознание и подсознание – наиболее сложные структуры человеческого индивидуума, и положив руку на сердце, ни один специалист не сможет сказать, что знает, как работает мозг. А те, кто говорили, что знают – будь то Бехтерев или Павлов – откровенно лукавили. По сути мы имеем дело с черным ящиком, где известно, что на входе и на выходе, а что происходит внутри – загадка. Однако если долго наблюдать эти известные исходящие и входящие факторы, то можно подметить определенные закономерности и научиться ими в какой-то мере управлять. Конечно, есть всякие теории, что в этом ящике происходит, но не одна из них не описывает весь скрытый процесс в целостности, разве что верно отражают какие-то частности. Иногда угадывание частностей, как это сделал Фрейд – вполне достаточно для успеха лечения определенных видов

патологии. Ладно, не буду морочить вам голову, можете ехать на службу, тем более с Анечкой нам лучше побеседовать тет-а-тет: наличие постороннего человека – пусть даже родного брата – может исказить ответы, а мне нужны именно непосредственные реакции.

– Последний вопрос, Лев Матвеевич, – сказал Юра уже держась за дверную ручку, – что такое «органика» в медицинском смысле? Вы сказали, что в случае органики не стоит рассчитывать на успех.

– Это довольно широкое понятие, – развел руками доктор, – сюда можно отнести и различные опухоли, и инсульты, и коллагенозы, и тяжелые травмы с гибелью каких-то участков мозга... как вы, наверное, знаете, нервные клетки не восстанавливаются.

– Ясно, – хмуро кивнул головой брат, – надеюсь, к Анютке это не относится.

– Более, чем уверен, что нет, – улыбнулся доктор, – думаю, тут мы имеем дело с функциональными, обратимыми нарушениями, а какими – предстоит выяснить.

Итак, Юра покинул кабинет, а Аня осталась наедине с доктором Левиным. Она по-прежнему робела, но, тем не менее, с интересом разглядывала кабинет необычного специалиста. Почему-то ее особенно заинтересовали два портрета: один из них – цветная фотография в рамке какого-то средних лет, очень смуглого, почти чернокожего мужчины, скорее всего, индуса, с шарообразной, курчавой шапкой волос в оранжевом одеянии (впоследствии Аня узнала, что такая одежда называется «педжаб») с огромной, до земли гирляндой цветов на шее. Мужчина загадочно улыбался и держал между пальцев какой-то блестящий предмет, напоминающий золотое перепелиное яйцо, словно демонстрируя его невидимой публике.

Другой портрет представлял собой совершенно неопределенного возраста и пола лицо с длинными, ниже плеч прямыми темными волосами и огромными глазами инопланетянина. Это была явно фотография с рисунка, причем у Ани создалось впечатление, что художник никогда не видел этого человека и рисовал по описанию, либо по очень плохой фотографии – слишком уж обобщенным выглядело это не совсем человеческое лицо.

– Что, заинтересовал мой кабинет, – усмехнулся доктор Левин, – разумеется, обстановкой занимался я сам, на свои средства и, если бы не звонок высокого покровителя, администрация мне бы такого безобразия не позволила. Зато теперь все довольны, мой кабинет хозрасчетный, и часть вырученных мною средств идет в нищенский бюджет диспансера. Но на это мне особые разрешения потребовались, не в Америке живем...

– Да, красиво, – туповато отреагировала все еще робеющая Аня, – а кто это, – указала она на два портрета, которые привлекли ее внимание, хотя на стене их висел с десяток. Очевидно, в свободное от пациентов время Лев Матвеевич любил мысленно пообщаться с Великими и спросить у них совета и помощи.

– А почему вас именно эти лица заинтересовали, тут же много портретов, – внимательно посмотрел на нее Левин.

– Сама не знаю, – пожалала плечами Аня, – а это важно?

– Считайте, что это первый тест для диагностики вашего психо-эмоционального состояния.

– Они какие-то другие, отличающиеся от остальных, – попыталась объяснить свой выбор девушка.

– Тем, что они по виду индусы? – поинтересовался Левин.

– Я не думала об этом, тут другое. Такое впечатление, что за ними стоит что-то очень-очень большое, гораздо большее, чем просто внешняя оболочка... но я не могу сказать, что именно, я не нахожу нужных слов.

По лицу доктора Левина пробежала тень одобрения и чувство типа: «вот ты какая! Не ожидал»:

– В общем-то, Анечка, за каждым из нас стоит нечто большее, чем внешняя оболочка, и каждая фотография несет в себе невидимую простым глазом голограмму, отражающую нашу

скрытую природу и даже болезни. Но что касается этих двух фотографий – с натуры, не трудно догадаться только одна – то это действительно очень необычные люди, хотя тут у меня, разумеется, все великие. Дело в том, что каждый из них является по индийской традиции аватаром высшего божества. Этот, совсем темный, в оранжевом педжабе – Сати Саи Баба – аватар Шивы, а тот, на снимке с рисунка – Бабаджи – аватар Вишну.

– А что такое «аватар», – поинтересовалась Аня, – Шива и Вишну – это я знаю, это индийские божества. Вишну – хранитель, Шива – разрушитель вселенной... не хватает только Брахмы, творца.

– Аватар означает воплощение божества в человеке... впрочем, не только в человеке. Согласно индийским традициям, в каждом личном я в какой-то степени проявлен Бог, но в каждом – в разной. Понятие «аватар» означает максимальное проявление этого божественного я в личности. Если проводить известные аналогии, то аватаром был Иисус Христос.

– Но ведь в Евангелии говорится, что Иисус был сыном Божиим, причем единственным...

– Что такое, Сын Божий? – снисходительно улыбнулся доктор Левин, – каждый из нас в какой-то мере сын Божий. Индийская традиция не ограничивает Бога возможностью иметь одного сына, это – принижение божественного всемогущества. Индусы дают этому понятию несколько иной аспект, не чисто родительский. Аватар подразумевает максимальное проявление Божественного сознания в ограниченном и хрупком человеческом теле. Он так же подразумевает и определенные Божественные Силы и Энергии, присущие такому человеку. Ведь вы не атеистка? – неожиданно прервал он свою вдохновенную речь.

– Я верю в Бога, – просто сказала Аня, – хотя в моей семье все неверующие... были, – добавила она с усилием, – папа умер семь лет назад, а мама... не прошло и двух недель... но это к делу не относится. Правда, наверное, я плохая верующая, на службу не хожу, посты не соблюдаю, не исповедуюсь, не причащаюсь. Захожу только иногда в церковь, чтобы просто постоять, иконы посмотреть, духом этим, что ли, проникнуться. А как вы догадались, что я не атеистка?

– Научился по внешнему виду определять, – усмехнулся доктор Левин, – психоаналитик должен с порога видеть некоторые основополагающие характеристики пациента. Разумеется, для более глубокого анализа нужны более объективные и более трудоемкие методики... но возвратимся к вашему первому вопросу. И тот и другой, изображенные на портретах – реальные исторические фигуры, причем Саи Баба наш современник, ему что-то около пятидесяти и он живет на юге Индии в маленьком городке Путапарти близ Бангалора, где он основал ашрам для своих преданных и учеников. И постоянно удивляет мир всяческими чудесами. Что же касается Бабаджи, то сколько ему лет не знает никто, считается, что около тысячи, время от времени он то пропадает, то появляется вновь и сейчас, якобы живет со своими учениками где-то в горах Дрангири недалеко от города Ранихета. Согласно индийской традиции его называют учителем учителей или Махамуни и более подробно об этой загадочной фигуре можно прочитать в книге свами Йогананды «Жизнь йога».

– Вы верите во все это? – с интересом спросила Аня. В той жизни, о которой она помнила ей не приходилось ни с кем беседовать на тему восточной эзотерики, и ее религиозные представления, помимо веры в сверхъестественное, ограничивалось весьма поверхностным знакомством с Ветхим и Новым заветом, которые в свое время раздобыл Юра, когда держать Библию на книжной полке стало престижным. При этом поверхностное знакомство с этими великими книгами объяснялось не отсутствием интереса к тематике, а весьма неприятным ощущением, которое возникало у Ани особенно при чтении Евангелия: обычно не очень сильное чувство чего-то забытого – то ли фактов, то ли знакомств, присущее ей постоянно, при попытках читать священное писание усиливалось многократно и становилось мучительным. Тогда появлялась навязчивая мысль, что ни вспомни она сейчас – чего – непонятно, случится какая-то ката-

строфа, а вспомнить что-то конкретное никак не удавалось. И еще, держалось такое чувство, словно некто неведомый не желает, чтобы Аня ознакомилась с этими документами.

– Я не беру ничего стопроцентно на веру, – сказал Лев Матвеевич, – но и ничего стопроцентно не отрицаю. Некоторые явления нашей жизни невозможно рационально объяснить на уровне существующих знаний, однако мне приходилось несколько раз сталкиваться с такими вещами, которые никак не вписывались в категории диалектического материализма, а в ряде случаев – вообще не находили рационального объяснения. Поэтому на вопрос о том, верю ли я в то, что человек прожил более тысячи лет, постоянно при этом совершая разнообразные чудеса, я могу ответить только одно – не знаю. Что же касается вопроса, почему я повесил здесь портреты заинтересовавших вас индусов, то я много лет изучаю, и по мере сил и времени практикую различные восточные системы, в том числе некоторые виды йоги. Могу со всей ответственностью заявить, что древние индусы знали о человеке и в частности о его сознании гораздо больше, чем знаем мы. Юнг и Хайдеггер сравнительно недавно открыли вещи, о которых древние индусы знали давно, причем для них это элементарные, начальные вещи. Разумеется, читая старинные трактаты (к сожалению, переводы), порой трудно понять, что их авторы имели в виду под тем или иным термином, тем или иным понятием – как правило этого не знал и сам переводчик.

Да и не только индусы: то же можно сказать и о древних китайцах, тибетцах, парсах-заратустрийцах, египтянах. Да что там эти! Казалось бы, хорошо изученные и понятные нам древние греки, не совсем понятны, как нам казалось до недавнего времени на основании книженций типа «Легенды и мифы древней Греции» Куна. Детальное изучение Орфических, Дельфийских и Пифагорейских мистерий заставляет понять, что тайные, эзотерические знания древнегреческих жрецов и оракулов о человеке и космосе были не менее глубоки, чем у индусов и китайцев. Не менее глубокие знания в этих областях были и у иудейских кабалистов, и у кельтских друидов, и у славянских ведун-офеней. К сожалению, работы в этих направлениях ведутся лишь немногими энтузиастами, включая и вашего покорного слугу, и те немногие методы, которые удается освоить из альтернативной медицины не признаются официальными представителями нашей зашоренной, идеологизированной медицины, поэтому сейчас приходится заново открывать Америку, а до ее полного освоения и вообще далеко, как до звезд. Ну, ладно, Анечка, возможно тебе кажется, что мы сильно отвлеклись от темы, но на самом деле это так же входит в тему и мою работу. Психиатрик – вообще больше мастер разговорного жанра, в отличие от современного доктора, выписывающего после минутной беседы и кучи анализов по одной таблетке три раза в день. Психиатрик же, чтобы узнать с чем он имеет дело, должен очень о многом переговорить со своим пациентом, в том числе и о таких вещах, которые, казалось бы, не имеют к его заболеванию никакого отношения. Да и само слово «заболевание» не всегда уместно в практике психиатрии и смежных с ним наук, чаще всего мы имеем дело с некоторыми психологическими состояниями, которые, с точки зрения классической медицины, и не имеют морфологического субстрата, просто в силу каких-то обстоятельств неправильно формируется последовательность раздражений, торможений и систем конденсированного опыта. То есть – вообще полная белиберда, с точки зрения хирурга, который, как известно, «все может, но ничего не знает», и который считает, что человека можно вылечить только что-нибудь у него отрезав. Теперь, Анечка, позволь перейти к теме, которая имеет к нашей проблеме непосредственное отношение, хотя, повторяю, то, что мы затронули, так же имеет к ней отношение, хоть и косвенное. Мне, из твоих уст хотелось бы услышать твою историю. Когда ты поняла, что что-то не так, как ты к этому относишься, что к этому привело? Ничего, что я перешел на «ты»? Но мне кажется, что наша разница в возрасте это позволяет. К тому же, если психиатрик хочет добиться результата, он должен установить доверительные отношения с пациентом.

– О том, как это случилось, я ничего не могу сказать, – пожала плечами Аня, – просто я практически ничего не помню, что со мной было до восьми лет до определенного момента. Все, что было потом, помню довольно отчетливо, а что до – словно пеленой покрыто.

– Все мы, – сказал Лев Матвеевич, – помним небольшую часть событий своей жизни, а до четырех-пяти лет большая их часть практически забывается... хотя, Лев Толстой, кажется, утверждал, что помнил себя младенцем и, якобы, своим криком протестовал, что его пеленают. Впрочем, проверить это невозможно, скорее всего это была мистификация.

– Дело в том, – продолжила свои объяснения Аня, – что все, что со мной происходило я хорошо помню с определенного момента, и момент этот приходится на июль 62 года. Все, что было до того – практически не помню, ну, разве что какие-то фрагменты – да и то, анализируя сейчас, я прихожу к выводу, что о них мне папа с мамой рассказывали, потому мне и кажется, что я их помню. Есть и еще один момент, его достаточно трудно передать словами адекватно. Это сложное ощущение, и главная его суть в том, что мне все время кажется будто я живу не только здесь, но и еще где-то. Нечто вроде параллельной жизни, которую невозможно увидеть, словно она находится за непрозрачной перегородкой – одни неясные тени и ничего больше. На самом деле это, конечно, не тени а некие ощущения, но описать их адекватно невозможно. Как, иногда, при пробуждении ото сна: увидел что-то причудливое и забыл, хотя точно помнишь, что видел. Иногда эти попытки вспомнить довольно мучительны.

– Ну, и каким же образом ты потеряла память, – продолжал собирать анамнез доктор Левин.

– Об этом я не знала вплоть до недавнего времени, но незадолго до смерти мама рассказала, что меня в восемь лет забрали (как родители согласились, я не знаю) в одну закрытую лабораторию для эксперимента. Якобы я обладала раньше какими-то паранормальными способностями – ну, что-то вроде Вольфа Месинга или Розы Кулешовой, и эти мои способности изучали в лаборатории по изучению парапсихологических феноменов. Где была эта лаборатория, кто забрал и что там происходило, я не помню, в себя пришла я только в больнице, а мама сказала, что они с папой через полтора месяца после того, как меня в эту лабораторию забрали, нашли меня около двери нашей квартиры в совершенно невменяемом состоянии. С той поры всего периода, вплоть до того, как я очнулась в больнице, я не помню, а родители мне ничего не говорили, им, оказывается врачи запретили обо всем этом рассказывать, это, мол, может привести к ухудшению состояния. Об этом мама мне совсем кратко рассказала уже при смерти, а затем в кому впала и умерла.

– И что же за способности были у тебя до восьмилетнего возраста?

– Я этого совершенно не помню, сейчас у меня никаких паранормальных способностей нет, но Юра буквально вчера сказал, что в школе я будто бы сквозь стену проходила, и все это видели, очевидно после этого директор школы и сообщил куда следует. Наверное, тогда мной и заинтересовались... но, опять же, все со слов Юры и мамы, и еще Юра рассказывал, что за год до событий с лабораторией, мы с ним и с мамой были на даче и там что-то вроде полтергейста было, и мама, якобы считала, что это я устроила. Повторяю, все это со слов Юры и мамы, сама я ничего такого не помню, и самой дачи не помню. А потом было все как у всех, ничего выдающегося... разве что... – «Сказать или нет», – мелькнуло в ее голове. Что-то внутри сопротивлялось излишней откровенности, однако она все же решила, что если хочет вернуть себе утраченное, нужно полностью довериться доктору и рассказать о странных видениях, произошедших вчера.

– Разве что вчера, – решила Аня и выложила то, что с ней произошло вчера. – «Теперь точно в шизофренички запишет» – решила она с каким-то внутренним безразличием. – Вот, собственно и все, возможно вчерашнее как-то связано со смертью мамы, а вообще-то ничего подобного раньше не случалось, по крайней мере в той жизни, которую я помню.

– А когда твой папа умер, ты сказала, что это семь лет назад случилось, ничего такого не припомнишь? – поинтересовался доктор Левин.

– Нет, ничего не припомню, – покачала головой Аня – тогда, кстати, у меня память уже нормально работала.

– Интересно, интересно, – пробормотал Лев Матвеевич, – случай необычный и придется всерьез поломать голову, как разматывать этот узел. Однако конец его, вроде бы, в наличие имеется.

Затем доктор приступил к тестовым вопросам, как показалось Ане, к делу совершенно не относящихся, однако Лев Матвеевич объяснил, что ничего случайного здесь нет, они специально разработаны для того, чтобы выявить скрытые комплексы и связанные с ними системы образов. Далее следовали вопросы о снах и страхах, и Аня, не сумев ничего более интересного поведать, рассказала ему о странном персонаже с неестественной отчетливостью приходящего к ней во снах довольно часто, особенно в последнее время, и даже привидевшийся ей сразу после сна. Впрочем, дало ли это доктору какую-то конкретную информацию, она не поняла, поскольку тот это никак конкретно не прокомментировал.

Затем доктор Левин перешел к Аниной сексуальной сфере – теме, которая всегда приводила девушку в смущение и не только ребенком, правда сейчас ее, пожалуй, больше смущала собственная инфантильность, все-таки она прекрасно видела, что у ее подруг и знакомых все по-другому. Лев Матвеевич долго выяснял ее ассоциации и страхи на эту тему, хотя напрямую об Аниной сексуальной жизни (вернее, об ее отсутствии) не спрашивал. Его интересовало, волновали ли ее сексуальные отношения родителей, не ревновала ли она маму к папе и наоборот. Не подсматривала ли она за ними или хотя бы не было ли на эту тему мыслей, не замечала ли она в папе какого-то не совсем родительского к ней интереса, не говоря уже о каких-то явных вещах, и не было ли с ее стороны мыслей на этот предмет. Затем он снова перешел на сны, но уже в их сексуальном аспекте, все время пытаясь поймать Аню на каких-то недоговоренностях или явной дезинформации. Как девушке показалось, ему это так и не удалось, но в процессе опроса, ее щеки не раз покрывались румянцем, и не раз от стыда ей хотелось выбежать из кабинета. Впрочем, доктор ее об этом предупреждал. К разочарованию Льва Матвеевича ничего конкретного она сообщить не смогла, в этой сфере ей оказалось присуща полная индифферентность, и удалось ли доктору нащупать какие-то скрытые комплексы, Аня так и не узнала.

Затем Левин перешел на ее взаимоотношения с братом, не было ли у них в детстве не совсем приличных игр с обнажением тех или иных частей тела, соответствующих разговоров, и т. д. и т. п., но и здесь ничего пикантного выявить ему не удалось, при том, что Аня, несмотря на смущение, была вполне искренна, тем более, своей жизни до восьми лет она не помнила, а к тому времени когда память к ней вернулась, Юра, будучи старше ее на шесть лет, уже всюю интересовался своими школьными подругами. Сфера эта у Ани вообще оказалась весьма заповедной, в том числе в части вполне нормальных отношений с остальной мужской половиной населения, включая и здоровый к ней интерес. Это касалось и конкретных взаимоотношений с мужчинами, и знаний, и внутренних побуждений, тенденций, скрытых комплексов, и случаев, оставивших какие-то следы и воспоминания.

– Странно, – бормотал доктор, – первый раз встречаю девушку, к тому же физически нормально развитую и хорошенькую, у которой сексуальная сфера в ее чувственно-психологическом аспекте словно бы напрочь отсутствует. По крайней мере, не подает признаков присутствия. Старик Фрейд был бы весьма расстроен, поскольку твой случай нанес бы основательный удар по его стройной теории, которая претендовала на всеобъемлемость и истину в последней инстанции. Тем более, что скрытые либо тщательно маскируемые комплексы существуют у самых целомудреннейших особ в любом активном возрасте. Порою даже куда более мощ-

ные, чем у «среднеиспорченной» женщины. Их практически всегда можно вытащить в сознательную сферу и начать с ними работать. У тебя же налицо случай полной сублимации этой энергии, как говорят индусы, Раджас полностью перешел в Оджас. Но с другой стороны, даже эту, сублимированную энергию, как правило, удается обнаружить, я же и ее не помню, словно некая часть личности отсутствует.

– И все же, – сказала Аня, чувствуя себя каким-то недоразвитым уродом (оказывается, не заниматься в детстве онанизмом – это чуть ли не уродство), какое отношение мои несуществующие комплексы к отцу и брату, и сны на эту тему имеют к моему случаю, причем здесь амнезия, как вы это называете?

– Как ни странно, самое прямое, – улыбнулся Лев Матвеевич, – очень часто причиной амнезии бывает как раз подобный комплекс или какое-то постыдное – с точки зрения пациента – событие в его жизни, когда моральная сторона его личности, если она достаточно сильна, не может справиться с памятью об этом событии, с мыслями и фантазиями о нем. В ряде случаев, подобно тому, как потеря сознания спасает от боли, – включается определенный механизм самосохранения. Организм, чтобы защититься, уводит проблему далеко в подсознание и человек о ней как бы забывает. Но бывают случаи, когда вместе с проблемой, в закрытые тайники памяти уходит и большая часть жизни, так или иначе связанная с этим комплексом. Когда с помощью специальных приемов удастся вытянуть этот конденсированный опыт наружу, то память восстанавливается, а скрытый комплекс через много лет порой уже выеденного яйца не стоит. То есть при правильном проведении психоанализа, человек переоценивает ценности с отрицательным знаком, и они его уже не ужасают, если он осознает, что нечто подобное случается у очень многих. А иногда бывает и несколько другое, хоть и сходное по механизму, когда организм пытается уйти от памяти о каком-то насилии, часто противоестественном – защитная реакция та же. Это происходит не со всеми, но довольно часто, особенно у чувствительных, утонченных особ с хорошо развитыми защитными механизмами психики.

– Не знаю, – сказала Аня, – может по Фрейду или еще по кому все именно так, но я почему-то уверена, что в моем случае причина совсем другая, и к скрытым комплексам всякого там Эдипа не имеет никакого отношения. Не могу объяснить, почему я в этом уверена, но знаю, что это именно так.

– Может быть, может быть, – задумчиво проговорил доктор, глядя каким-то рассеянным взором поверх Аниной головы, – в конце концов Фрейд не абсолютная истина, хоть и претендовал на нее в свое время. Я согласен с Юнгом, что человек состоит не только из половых органов, хоть и убедился, что они имеют гораздо большее значение в нашей жизни, чем порою кажется, но в твоем случае мне и вправду не удалось выявить скрытых сексуальных комплексов, а следовательно не это причина твоих амнезий, а ведь я убедился, что чуть ли не в 90 случаях из 100 именно она является причиной подобных случаев. Что бы там ни говорила по этому поводу советская наука, как там принято говорить – самая прогрессивная наука в мире, в отличие от загнивающей буржуазной теории Фрейда.

Впрочем, как видно Лев Матвеевич был еще не до конца уверен в своем выводе, поэтому сделал еще одну попытку обнаружить скрытый сексуальный комплекс, связанный с так называемыми инверсионными отклонениями, пытаясь различными коварно поставленными вопросами подловить Аню на интересе к ее подругам, маме, животным, предметам фетиша – различному нижнему белью, а так же на склонности (пусть даже тщательно скрываемой) к эксгибиционизму. Оказалось, что и эта сфера – ни явно, ни косвенно у Ани не давала себя знать ни в ближайшем, ни в более отдаленном прошлом, хотя все же некий романтический комплекс Ассоли давал себя знать. Все же стремление к некой романтической идеальной любви – даже и не к человеку вовсе, а к образу, идеалу выявить ему удалось. Но и этот комплекс, как он объяснил, был у Ани какой-то не типичный и проявлялся как-то не так, как у ее романтических сверстниц и лиц еще более молодого возраста, для которых так же было очень харак-

терно стремление к идеалу – чаще к популярному певцу или киногерою, являющемуся юной особе в мечтах и грезах в образе прекрасного принца. Таким образом полностью протестировав Анину сексуальную сферу в форме явных и скрытых комплексов, инверсий и систем конденсированного опыта, Лев Матвеевич по сути дела ничего не обнаружил. Иными словами, сфера эта у Ани словно бы отсутствовала вовсе, по крайней мере с помощью специально подобранных опросников, тестовых картинок, фотографий и специальных заданий, которые должны были нащупать скрытые связи и ассоциации нащупать ее не удалось, хотя с фантазией, ассоциативным мышлением и физиологическим развитием у Ани, казалось, все было нормально.

– Надо же, – сокрушался Лев Матвеевич, – похоже, в твоём лице венский аналитик потерпел полное фиаско со своей теорией и методикой. Данный подход не дал никаких результатов. Но не будем отчаиваться, отрицательный результат – тоже результат, попробуем подойти к проблеме с другого конца. Для начала постараемся установить твой психотип и характер взаимоотношений с окружающим. И снова пошли листки тестовых опросов, ассоциации, реакции, подавления. В результате выяснилось, что ни к одному из 12 психотипов, разработанных на основе теории Юнга некой Аушрой Аугустиничуте, Аня не относится, хотя, как утверждал Лев Матвеевич, данная система должна была вроде бы классифицировать всех представителей рода Гомо сапиенс, разделив их на психотипы, которым были присвоены имена известных исторических личностей: Байрон, Гексли, Хемингуэй, Есенин, Жуков и даже модный в те годы Тутанхамон.

– Ну что же, – поник Лев Матвеевич, – тут тоже не за что зацепиться. С виду и при поверхностном анализе ты совершенно обычная девушка, а тесты выдают нечто непонятное, непредусмотренное расшифровкой, либо вообще ничего не выявляют. Словно в твоём лице мы имеем не обычную среднестатистическую особу женского пола девятнадцати лет отроду, а нечто не совсем понятное, утратившее неотъемлемую часть человеческой природы, и местонахождение этой части обнаружить не удастся, а значит и правильную диагностику провести затруднительно. Даже такие тяжелые повреждения, как инсульт и опухоль, которые могут уничтожить целые зоны головного мозга не дают такой картины. За шизофрению и МДП – тоже никаких данных. Возможна, конечно, травма в прошлом, но она может объяснить амнезию, зато всего остального не объясняет.

– Но ведь, – сказала Аня, – меня в первую очередь амнезия и беспокоит, остальное-то зачем? Зачем мне, например, знать, Хемингуэй я или Лев Толстой?

– Не все так просто, – развел руками Лев Матвеевич, – чтобы лечить данный конкретный случай надо установить все нюансы и провести полную классификацию личности. Подход в каждом случае индивидуальный и методики вскрытия тайников подсознания напрямую зависят от типа личности. У тебя я не только не сумел обнаружить этот тип, а также локализацию тайников и ключа к ним, но и вообще значительную часть личности, присущую остальным людям не сумел установить, хотя такого быть не может, тем более на вид и в разговоре ты совершенно обычная девушка.

Лев Матвеевич закрыл глаза и начал совершать короткие продольные движения головой, при этом его левая рука словно бы что-то нащупывала в воздухе.

– Ну что, – слезал он минут через десять, конкретные события, приведшие к потере памяти приходятся на июль 62 года, но у этого события были какие-то более ранние истоки, приходящиеся на 1959 и 1960 годы. Но это не начало, корни вообще не в твоей жизни, которая, как я понял, началась 1955 году, а уходят куда-то за твоё рождение. Саму причину мне установить не удалось, хотя обычно на ментале я вижу некие схемы, которые можно расшифровать. К сожалению, эйдетическим видением я не обладаю. Единственно, возникло странное чувство, что до 62 года ты была одной личностью, а после – вроде как другой, вернее не полностью той, что была раньше. С таким я в моей практике не сталкивался, поэтому и прокомментировать не могу. Ты говоришь, что в это время участвовала в каком-то таинственном парапсихологи-

ческом эксперименте? Можно было бы предположить, что тебе каким-то препаратом или психотронным устройством стерли не только память, но и часть личности, если бы я не знал, что на сегодняшний день ни таких препаратов, ни таких устройств в мире не существует. То же и в отношении гипноза, которым непосредственно я занимаюсь: стереть в человеке ничего нельзя, можно лишь спрятать, изолировать, при этом всегда остается возможность подобрать к этому ящичку ключи, и перевести информацию из подсознания в сознание.

– Вообще-то, – сказала Аня, – хоть вспомнить свое пребывание в лаборатории я не могу, однако когда вы говорили насчет психотронного прибора, какое-то ощущение узнавания у меня проскользнуло, возможно, эксперимент действительно был связан с какими-то аппаратами... но опять же, ничего конкретного. Может все же меня как-то напугали или ткнули по голове чем-то?

– Что я могу сказать, – развел руками Лев Матвеевич, – предполагать мы можем что угодно, но достоверно установить это мне не удалось. Ладно, попробуем другой аспект твоей проблемы, хотя, что б ты знала, твоего брата интересовал именно он в первую очередь – вопрос твоих существовавших якобы парапсихологических способностей.

– Так Юру именно это больше всего интересовало? – встрепелась Аня, – я чувствовала, что он неспроста все затеял, что-то он задумал в отношении меня!

– Не знаю, не знаю, – пожал плечами Лев Матвеевич, – но вообще-то он разговор со мной в отношении тебя начал с того, могу ли я тебе эти утраченные способности вернуть. Я, кстати, на эту тему его не обнадежил, объяснил, что эти феномены почти не изучены и менее всего поддаются воздействию извне. Как ты знаешь, официальная наука вообще отрицает существование парапсихологических – экстрасенсорных, как сейчас модно выражаться феноменов (в 70е термин «экстрасенсорика» только появился в обиходе). Пытаются объяснить их существование случайностью, стечением обстоятельств, мистификацией, а таких ярких представителей данного направления, как Вольф Месинг, Роза Кулешова, Нинель Кулагина, Ванга Димитрова или Ури Геллер вообще стараются обойти стороной, словно их и не существует в природе. А впрочем это проблема скорее идеологического порядка, чем научного, поскольку во все времена на фоне официального отрицания подобной проблемы, которое естественно вытекает из доктрины научного атеизма, существовали и лаборатории, и целые научные отделы, занимающиеся проблемой паранормальных явлений и изучением людей, обладающих экстрасенсорными способностями. Надо ли говорить, что все исследования происходили под неусыпным оком компетентных органов, и государство выделяло немалые деньги под эти разработки (а вдруг нас Америка обгонит!), всенародно заявляя, что подобных явлений в природе вовсе не существует. Впрочем, все это не надо тебе объяснять, ты ведь, как недавно выяснилось, сама была внештатным сотрудником подобной лаборатории, вот только не помнишь ничего. Я, кстати, когда мне Юра об этом рассказал, параллельно с ним закидывал удочку по своим каналам, что это за лаборатория такая была в шестидесятые годы, существует ли она в настоящее время, и пытался выяснить конкретные фамилии. Похоже, она была настолько засекречена, что на моем уровне связей (а они достаточно высоки), информация о ней недоступна. Не исключено, что она существует и по сей день, иначе не было бы такой непробиваемой завесы секретности.

Теперь, по поводу твоих утраченных способностей, которые так волнуют твоего брата – не знаю, волнуют ли они тебя. Тут я сразу хочу предупредить, что если по вопросам восстановления памяти медицина имеет какие-то наработки, то экстрасенсорные возможности по какой-то причине покинувшие человека по мановению волшебной палочки вернуть невозможно. Однако проявление и развитие их в целом возможно, но лишь после долгого обучения у профессиональных учителей йоги, тайцзычуань, цигун, а также многих современных школ, так или иначе связанных с магией. Подобное обучение, кстати, небезопасно, требует железной дисциплины, как правило, аскезы и этому, по сути, надо посвятить всю свою жизнь, что редко

возможно в условиях современной цивилизации. Другое дело, ели налицо врожденный феномен, которому и учиться не надо! Тогда существует вероятность, что твои способности каким-то образом исчезли вместе с твоей памятью, то есть перешли в скрытое, потенциальное состояние. Тогда есть надежда, что их удастся вернуть вместе с возвращением памяти. Как известно, многие дети в той или иной степени обладают сенситивными способностями, но в большинстве случаев утрачивают их в процессе полового созревания. Тогда их либо вообще невозможно восстановить, либо в какой-то степени можно с помощью специальных техник типа «стрелка из лука», описанных Борисом Сахаровым, и прочих методик из Раджа и Кундалини йоги, но об этом я уже говорил. Однако возвращаясь к твоей теме, судя по тому, что рассказывал Юра, твои способности были уникальны, хотя из дальнейших вопросов я понял, что лично он мало чему был свидетелем, и в основном пересказывал с чужих слов. Разумеется он, как старший брат, не мог в детстве относиться к тебе серьезно, к тому же, как известно, нет пророка в своем отечестве. Ну так вот, тем не менее он говорил, что в твоей школе чуть ли не целый этаж учеников и учителей были свидетелями твоего прохождения сквозь стену. Это действительно в наше время совершенно уникальный дар, я, несмотря на то, что очень серьезно интересуюсь проблемой паранормальных явлений, не припомню ни одного современного достоверного случая прохода через материальный объект. Тем не менее в многочисленных исторических источниках Индии, Тибета и Китая о подобном феномене пишут как не о такой уж большой редкости, и даже в ряде монастырей Тибета и Китая существовали специальные эзотерические школы, где чуть ли не каждого – разумеется в результате тяжелой и сложнейшей тренировки можно было научить проходить сквозь стены. Есть даже достоверные данные, что где-то в толще Великой Китайской стены с помощью рентгеновской аппаратуры обнаружен скелет человека, причем никакой ниши, каверны, которая бы свидетельствовала, что этого человека замуровали, не было. То есть человек проходил сквозь стену и застрял на середине пути, очевидно не в совершенстве освоив технику. Но вернемся к твоему случаю. Уже одной этой способности было бы достаточно, чтобы записать тебя в феномены, однако твой брат утверждал, что у тебя и помимо этого было полно паранормальных сил: и чтение мыслей, и математические действия в уме с огромными цифрами, и что они в тебе нарастали словно снежный ком. И вдруг в одночасье все это пропало и не разу не проявилось за всю твою последующую жизнь. Это очень странно, у детей подобные феномены гаснут постепенно, и у нас есть надежда, что каким-то образом эти твои качества можно вернуть в процессе возврата памяти. Все это я рассказал твоему брату, после чего его также стал волновать вопрос твоей памяти, хотя до того он его вообще не интересовал.

– Я так и предполагала, – кивнула головой Аня, – я даже ему об этом намекнула, сказала, что он меня собирается за деньги на базаре показывать. Разумеется, на это он только благородно возмутился.

– Ничего по этому поводу не могу сказать, – опустил глаза Лев Матвеевич, – твой Юра очень скрытный человек, хоть и ведет себя, как рубаха-парень, и, разумеется, о себе на уме, но это, по-моему, не порок, иначе в наше время ничего не добьешься.

– Да, – вдруг спохватилась Аня, – а что это вы головой и рукой делали? У меня от этих движений по позвоночнику мурашки начали пробегать, и волны заходили, и вспышки в разных частях тела, и чувство такое, словно все это я знаю и умею, хотя ничего такого сама никогда не делала.

– Надо же, – удивленно покачал головой Лев Матвеевич, – первый раз вижу такую реакцию на стандартное тестирование степени развитости чакрам и шкалы кармических завязок. Обычно никто никак на это не реагирует. Дело в том, Анечка, что я сам в некоторой степени сенс, но рядовой, без каких-либо выдающихся способностей в этой области. Любой человек при определенной тренировке по специальным методикам может стать сенсом. Я регулярно посещаю сенситивные тусовки на Фурманном, там специальные семинары прово-

дятся по самым разнообразным паранормальным проблемам, и есть возможность обменяться опытом. Называется этот центр обществом биоэлектроники, но это специально такое название дали, чтобы не возникало лишних вопросов у властей и общественности. Ну а КГБ все известно, они считают, что у них все под контролем и все сенсы на виду – их штатные сотрудники периодически эти семинары посещают под видом частных лиц, но, как правило, кто это – всем известно. Так что многие приемы я взял оттуда для своих профессиональных целей. Ты первый человек, который сказал, что телом ощущает мои пассы, да еще в такой выраженной степени, так что я не обольщаюсь по поводу своих возможностей. Ну, а что касается твоих дежавю – ты же говорила, что они и раньше у тебя возникали, а если ты и вправду была сенсом, то все это должно быть тебе хорошо знакомо.

– Но ведь я этого не помню!

– Ну и что, тело, возможно помнит, хотя обычно дети с ярко выраженным парапсихологическим даром – так называемые «индиго», не знают специальных техник, все у них спонтанно происходит. Что ж, это обнадеживает, попробуем твои цифровые характеристики посмотреть и гороскоп составить, может это на какие-то мысли натолкнет.

Лев Матвеевич достал из стола какие-то трафареты, изготовленные типографским способом, и начал выяснять Анины исходные данные, как-то: фамилия, имя, отчество, год, месяц, число, часы и минуты рождения, затем те же данные мамы, папы и брата, при этом, разумеется, касаясь часов и минут Аня ничего не могла сказать. После этого Лев Матвеевич начал составлять сначала один, маленький график, а затем другой, большой, с кругами, секторами и причудливыми значками, о которых Аня знала, что это знаки зодиака (напомним, что астрология в те годы была весьма экзотической птицей в Советском Союзе).

– Странно, странно, – бормотал доктор, – рассматривая то, что у него получилось, – везде двойные дома, словно речь действительно идет о двух разных личностях, при этом одна обычная, а другая какая-то древняя, с полностью проработанной небесной программой, которая за второй словно за маской прячется. Очень странный график. Если иметь в виду конкретную девушку, которая сидит передо мной, то этого неба не заметно вовсе. Выходит, то, что я вижу – ненастоящее, иллюзорное, а то, что нащупать не удастся – как раз наоборот, базис.

– Ну и что вы тут нарисовали, – поинтересовалась Аня, тупо разглядывая затейливые графики, – я тут ничего не понимаю.

– Если не понимаешь, то и бесполезно объяснять, для этого нужно, чтоб ты была знакома с принципами нумерологии и астрологии. А по поводу выводов – они что ли подтверждают то, на что я намекал тебе – с этим я сталкиваюсь впервые – словно какая-то вторая твоя половинка, причем, духовно проработанная, совершенная, небесная – что это такое в двух словах не объяснишь – куда-то подевалась и следов ее не видно. А то что осталось каким-то образом завуалировано под цельную личность. В общем, нечто необычное, но сразу в глаза не бросающееся, и если бы я не знал о твоём славном паранормальном прошлом, я бы решил, что это какой-то артефакт, погрешность, ведь и в разговоре и на вид ты совершенно обычная, нормальная среднестатистическая девушка, и никаких данных за серьезную психическую патологию тоже нет. Поэтому для твоих вчерашних галлюцинаций вроде бы никаких серьезных оснований нет, по крайней мере, предварительные тесты ничего не выявляют. Вырисовываются только некие метафизические причины, которых, с точки зрения официально принятой науки, вообще не существует, поэтому мне, честно говоря, не ясно, почему у тебя эти галлюцинации возникли. Логично предположить, что все это результат твоей основной проблемы с памятью, но почему ничего такого раньше не было? Не ясно, к тому же пока у нас мало данных. Можно, конечно, подтвердить твоё предположение, что это так люминал на тебя подействовал и смерть мамы, но. Положа руку на сердце, полной уверенности у меня в этом нет – барбитураты не вызывают галлюцинаций. Итак, все, что удалось выявить, звучит очень ненаучно: у тебя куда-то подевалась таинственная половинка, которая под шумок унесла твою память и сексу-

альную сферу. Звучит таинственно и весомо, но с точки зрения науки – абсурдно. С какой стороны подойти к решению данной проблемы – пока тоже неясно. Предлагаю попробовать гипноз, возможно он даст нам какую-то новую информацию, ну и потом с помощью него можно воздействовать на подсознание.

– А это обязательно? – робко спросила Аня. Она никогда раньше (по крайней мере не помнила) не подвергалась гипнозу и ее одолевала естественная робость.

– Конечно, – пожал плечами доктор, – любой человек вправе отказаться, но, боюсь, пока что я вижу только один способ, который может принести нам конкретную информацию. Если же нам удастся разобраться с причинами, то с помощью гипноза мы постараемся добраться до твоего подсознания, где заблокирована скрытая система конденсированного опыта. Впрочем, в дальнейшем и на тебе самой будет немалая работа – метод психоанализа подразумевает прежде всего активную работу самого пациента – вместо капельниц инсулинового шока и таблеток горстями. Ты можешь не бояться, – усмехнулся доктор Левин, – во-первых это не больно, а во-вторых ты ничего не будешь помнить. Кстати, еще надо проверить, поддаешься ли ты гипнозу в принципе.

Лев Матвеевич велел Ане переплести пальцы перед собой, затем попросил ее внимательно за ним следить и совершая пассы руками и монотонно описывая, как веки тяжелеют и тело наливается свинцом, изрядно вогнал Аню в состояние сонливости. Затем произнес:

– Сейчас я начну обратный отсчет, а когда произнесу «один», – ты начнешь расплести пальцы: десять, девять, восемь – пальцы наливаются свинцом... семь, шесть, пять... ты не можешь их расплести... четыре, три, один...

На счет «один» Аня сделала усилие, и тут оказалось, что пальцы ее не слушаются и она не может их расплести.

– Не получается, – сказала она испуганно, – а это пройдет?

Лев Матвеевич снова заставил ее расслабиться, – затем отсчитал от одного до десяти и произнес: «Блок снят», – после чего Аня легко расплела руки.

– Ну вот, – удовлетворенно произнес доктор, – гипнозу ты поддаешься, теперь попробуем вести тебя в более глубокую, сомнамбулическую фазу, и прогуляемся во времени назад, тем более время, когда с тобой случилось нечто, чего мы не знаем, нам вроде бы известно. Ты все увидишь сама, расскажешь мне это (под гипнозом), а я постараюсь взломать этот ящик в подсознании, где, как мы полагаем, спрятана часть твоей личности. Скорее всего сеансы придется повторить, если будет какой-то успех, сколько раз – пока не знаю. Все, что произойдет под гипнозом, ты помнить не будешь, а память о твоей забытой жизни вернется либо сразу, либо постепенно. Готова? Ну, поехали.

На этот раз Лев Матвеевич достал из стола круглую пластинку на стержне, на которой была изображена красивая разноцветная спираль, включил тихую умиротворяющую музыку, навивающую сонливость и начал вращать эту пластинку напротив Аниного лица, повторяя известную гипнотическую формулу: твои руки, ноги, все тело наливаются приятной тяжестью, веки тяжелеют... и так далее, в том же духе – очевидно конкретные слова имели здесь второстепенное значение. Вскоре тело девушки и вправду стало наливаться приятной тяжестью, в ушах запели миллионы сверчков, которые все настойчивее перекрывали звуки доносившиеся извне. Затем голос доктора не то чтобы пропал, но словно бы ушел на периферию ее сознания, отдаваясь в голове гулким эхо, разлетающимся на части, и смысла в этих словах она уже не могла осознать, словно смысл вместе со звуком разлетелся осколками, взорвавшейся гранаты. Вскоре тяжесть неожиданно сменилась легкостью и Аня почувствовала, что взлетает.

«Как это возможно? – мелькнуло в ее сонном сознании, – сейчас я ударюсь головой о потолок...» – однако никаких ударов в первый момент не последовало и она только успела отметить, что стала уже кем-то или чем-то другим, чем была до сего мгновения.

Аня открыла глаза, но ее окружала темнота («только что же было светло!» – пробивались к ее сознанию крупинцы той, прежней Ани), и в этой густой, липкой темноте она ощущала себя невесомой прозрачной линией, ползущей вдоль стены, которую она вроде бы и не видела и не осязала, но воспринимала каким-то другим чувством.

«Как-то по-другому я свое тело ощущаю, – продолжали лениво шевелиться в ее душе остатки здравого смысла, – к тому же оно стало легче воздуха...» – однако какого-то восторга по этому поводу не было, – хотя, разве не об этом мечтала она в детстве, глядя на синее небо и фигурные кучевые облака – при этом мысль о том, что тело ее осталось на кресле, а в воздух поднялась какая-то другая ее часть, которая путешествует во сне, почему-то не приходила ей в голову. Тут Аня ударилась наконец спиной и головой об люстру («вот они, телесные ощущения!»), и в этот момент включилось зрение, в помещении, где она находилась, сделалось светло, но все пропорции внешнего мира претерпели принципиальные изменения. Правда, осознала она это чуть позже, а вначале внимание ее привлек плафон люстры, вблизи которого она вдруг очутилась. Видела она его очень отчетливо, ощущала его гладкую поверхность и даже отметила, что плафон Бог знает сколько не протирался и там лежит толстый слой пыли, от которой она, наверное, сейчас начнет чихать. Правда, почему-то не чихала. Тем временем, плафон как-то незаметно увеличился в размерах – вот уже это не люстра, а какой-то громадный прожектор, вот только лампочка оказалась где-то далеко-далеко и почему-то очень плохо освещает помещение. Ей захотелось продвинуться дальше, внутрь плафона, полететь на этот неяркий, но манящий свет, но тут, почему-то, она вспомнила о свече и мотыльках и испугалась опалить свои крылышки.

«Я же теперь умею летать, – думала Аня, – у меня наверняка есть нежные и хрупкие крылышки, и если я их сейчас не вижу, то это не значит, что их нет. Наверняка их очень просто опалить, и тогда я упаду на землю».

Мысль о падении заставила посмотреть ее вниз, и тут выяснилось, что низ этот где-то там, очень далеко, как если бы она зависла под самым нефом какого-то гигантского храма – почему-то ассоциации были связаны именно с храмом, хоть вроде бы о нем ничто не напоминало, а там, внизу, были еле видны и стол, и стулья, и фигуры сверху: одна вроде бы сидела на кресле, а вторая стояла перед ней, но кто это были такие она не могла разобрать. Стены же представляли собой какие-то высоченные конструкции, словно бы выполненные из разноцветных блоков, заполняющих огромные ячейки.

«Что это? – лениво подумала Аня, – стройка какая-то, а эти ячейки – строительные леса? Интересно, что здесь строят? Словно бы небоскребы какие-то впритык друг к другу поставили... вернее не небоскребы, а их каркасы, которые предстоит еще заполнить всякими бетонными конструкциями и тонированными стеклами. Странно, я думала, что в церкви нахожусь, но это, конечно, не так, это стройка... строительство небоскребов. Но почему я тогда не под открытым небом? И что это за гигантская светящаяся конструкция на уровне моего лица? – (что это обычный плафон она уже забыла, да и форму люстра приняла невообразимую) – словно хрустальные новогодние шары ожили и составили невообразимую гроздь, а под ней какой-то сияющий, но совершенно непрозрачный купол, причем ноздреватый, словно гигантский кус голландского сыра. Да, таким сыром, наверное, всех мышей земли можно накормить, правда сама я сыр не люблю, да и есть совершенно не хочется».

Неожиданно сонливое вялое состояние Ани сменилось бодростью и озорным восторгом. Как она здесь очутилась, кем является теперь, она не думала, почему-то главной ее мыслью теперь была мысль, что она, оказывается, летающий человек, и в этом ее основная черта, при этом не было чувства, что этот дар она обрела только сейчас, это ее давнишнее свойство, и все ее знакомые из этого мира хорошо об этом знают. Кстати, а какие это знакомые, и какой она имела в виду мир? Сейчас она этого припомнить не могла, но была уверена, что если они в скором времени здесь появятся, то она их несомненно узнает и с удовольствием продемонстрирует

свое воздушное искусство, хотя, зачем именно это нужно демонстрировать, если им это и так хорошо известно, она понять не могла. Мысль о том, что она наконец вспомнила то, что забыла, что она, оказывается, летающий человек, вызвала в ней прилив восторга. Аня отлетела к краю купола и зачем-то начала бегать по вертикальной поверхности стены по периметру купола, представлявшего теперь, как ей казалось, гигантскую, разрезанную продольно головку пористого сыра, из центра которой свешивалась нелепая веселая конструкция из больших и маленьких новогодних шаров, празднично перевивающихся разноцветными огнями толи от неведомого источника света посередине, толи от собственных лампочек вставленных внутрь. Затем, оторвавшись от стены, она, каким-то образом нащупала прямо в воздухе невидимую опору и начала раскачиваться на ней, словно на подкидной доске. Вскоре устойчивость ее по какой-то причине стала нарушаться, она почувствовала, что в природе все-таки существует сила тяжести, и хоть Аня и не полетела вниз со скоростью mg -квадрат/2, однако удерживаться в воздухе ей вдруг стало труднее, и силы ее, в том числе и те, которые удерживали ее в воздухе по какой-то причине начали убывать. Тут только она заметила, что из нескольких «сырных дыр» в куполе Нефа (а может это был уже и не Неф) на нее уставились некие странные создания (именно «уставились», хотя никаких глаз у этих созданий вроде бы не было, однако чувство тяжелого отупляющего взгляда из нескольких источников Аня ощущала вполне отчетливо). Было даже не ясно, представители это флоры или фауны, поскольку напоминали эти несколько существ огромные репы с колючками в разные стороны – не в се растения, а лишь головки, и тем не менее у каждого Аня разглядела что-то вроде подвижного маленького голого хвостика, острых розовых ушек, а также нежные маленькие голые лапки, как у новорожденных крысят. Вначале эти полурастения едва выглядывали из сырных дырочек, но по мере того, как Анина тревога росла, а силы уменьшались, они высовывались все смелее, пока не оказались снаружи купола, без труда удерживаясь на потолке, словно насекомые или ящерица-геккон.

«Что же это такое и что им надо? – подумала Аня, чувствуя все более и более нарастающую тревогу, – как-то это не похоже на тех знакомых о которых я думала, это явно какие-то паразиты, и, похоже, они мою энергию пьют. Если так будет продолжаться, то я на землю свалюсь».

– Эй, что вам надо?! – крикнула она странным репейникам, которые вначале, казалось, такие осторожные и испуганные едва высовывались из своих норок, а теперь, словно сытые мухи на солнышке, лениво ползали по потолку и, казалось, излучали самодовольство и наглую самоуверенность. Тем не менее, своего занятия они не прекращали и Аня же все больше и больше ощущала себя воздушным шариком, из которого через узенькую дырочку выходит воздух. Медленно, но неотвратимо девушка начала проваливаться вниз, и этот пока совершенно безопасный спуск тополиного пуха почему-то отозвался в ее сердце паникой, хотя при такой скорости падения разбиться ей вроде бы не грозило (Ане продолжало казаться, что она летает в своем физическом теле, поскольку ни о каком астральном теле понятия не имела), и паника эта была связана с тем, что кто-то или что-то неведомое отнимает у нее ее законное право летать.

Стараясь удержаться в воздухе, Аня начала отчаянно махать руками и ногами, словно утопающий, и эти ее действия привели к тому, что она вновь подлетела к высоченной стене нефа и стала цепляться за ее неровную поверхность. Однако эта поверхность так же потеряла плотность и стала плыть под руками, словно оплавляющийся воск. Так она и съезжала вниз не в силах найти опору, пока вдруг над ней не развернулась гигантская арка, которой она раньше не замечала, и на дуге этой арки свисали вниз темные трубы на толстых канатах. Сколько их было, Аня не смогла сосчитать, ей показалось, что там целый лес металлических труб, за одну из них она судорожно зацепилась, и в этот момент почувствовала, что вроде бы ухватила за твердую опору и перестала сползать вниз, правда труба эта и ее окружающие начали постепенно раскачиваться, хотя по идее такие громадины вряд ли могли быть сдви-

нуты массой Аниного тела, скорее их раскачивал невесть откуда взявшийся ветер, который Аня отчетливо ощутила на своем лице. Впрочем, это также был не вихрь и непонятно, каким образом ему столь сильно удалось раскачать эту странную конструкцию. Тем не менее трубы раскачивались все сильнее, в какой-то момент они соприкоснулись и издали ужасный звон, от которого, как Ане показалось, у нее сейчас лопнут барабанные перепонки. Однако перепонки у нее не лопнули, хоть трубы раскачивались все сильнее и звон нарастал, стало лопаться что-то другое, там, на сырообразном куполе, и в этот же момент Аня почувствовала, что тело ее вновь начинает становиться все легче и легче, а чувство откачки энергии и паника, вперемешку с тоской начинают проходить. Аня взвилась в воздух, оставив звучащую конструкцию внизу и машинально посмотрела вверх, туда, откуда раздавались хлопки, явно совпадающие с очередным дребезжащим ударом трубы о трубу, и сразу поняла в чем дело: агрессивные репейники-энерговампиры лопались один за другим, при этом оставшиеся в ужасе метались по куполу, пытаясь залезть в норы, но это плохо помогало, оказалось, что все они по какой-то причине раздулись (вполне возможно, насосавшись Аниной энергии) и в норы с вои не пролезают. Те же, поменьше, которым все же удалось хотя бы частично залезть в дыру (колючки топорщились и не пускали) все равно не избежали своей участи и с легкими хлопками полонились один за другим. После каждого хлопка ошметки вампира летели вниз, правда до земли не долетали – еще в воздухе они начинали таять, постепенно превращаясь в мутные облачка, словно бы состоящие из мельчайших гранул (что это за гранулы Аня с такого расстояния не видела). Облачка эти повисали в воздухе, а затем словно бы подчиняясь какому-то неосязаемому вертикальному потоку, медленно поднимались к куполу и затягивались в «сырные дыры», словно дым в хорошо отлаженную тягу. К тому времени, когда последний репейник лопнул и затянулся внутрь купола, Аня чувствовала себя уже вполне комфортно, она вновь была игриво весела, ей нисколько было не жалко лопнувших вампирчиков, тем более все это произошло помимо ее воли. К тому же она почему-то была уверена, что твари эти, даже если они появятся вновь, ей теперь не страшны, она хорошо знает, как с ними расправиться, и даже возникла самонадеянная мысль, что и без труб она сумела бы с этими тварями справиться, ей почему-то показалось, что там, среди конструкций недостроенных небоскребов она бы наверняка обнаружила какую-нибудь арматуру, какой-нибудь металлический штырь, с помощью которого было бы несложно расправиться с этими непрочными репейниками, раздувшимися словно резиновые пузыри.

Успокоившись на этот предмет, Аня решила осмотреть то огромное помещение, в котором она неведомым образом очутилась (сейчас она не помнила ни о каком докторе Левине, ни о сеансе гипноза, да и вообще не задумывалась, кто она такая на самом деле и каким образом очутилась в этом фантастическом помещении. Полетав немного под «сырным» куполом и неожиданно погрузившись в чувство новогодней праздничности рядом со светящейся конструкцией, состоящей из огромных, переливающихся всеми цветами радуги елочных шаров, Аня решила слетать туда, к строящимся небоскребам. Не долетев до них, она обнаружила в стене, с другой стороны арки, с которой свешивались спасительные трубы (сейчас они уже перестали звенеть) какую-то огромную рамку – то ли нишу в стене, то ли окно, правда свет оттуда не исходил. Когда она подлетела к этой рамке, которая и правда обрамляла некое углубление в стене, поближе, то обнаружила, что углубление это заполнено то ли туманом, то ли гелем – вроде бы белесым, непрозрачным, однако когда она зависла в воздухе напротив этой ниши, слегка двигая ногами, как пловец, чтобы не погрузиться в толщу воды, то эта мутная субстанция неожиданно стала светлеть, обретать прозрачность, и там, в глубине, далеко за нишей, которая оказалась неким окном в иной мир, стали проглядываться расплывчатые серые дома, узкие улочки, черепичные крыши, остроконечные шпили готических соборов. Город этот ей был совершенно незнаком, тем не менее, она неосознанно отметила, что вид этот напоминает одновременно и Калининград, и Таллинн, куда они с мамой ездили еще

когда она училась в школе, во время летних каникул. Город был словно бы в сумерках, тем не менее виден был весьма отчетливо, словно Аня разглядывала его в прибор ночного видения. И тут одно из зданий, серое, мрачное, с мертвыми, тускло поблескивающими окнами без привычных нам карнизов, красной черепичной крышей и остроконечными флигелями на этой крыше, с ажурными стрелообразными флюгерами, начало стремительным образом трансформироваться. Аня почувствовала, что из этого окна дохнуло чем-то нехорошим, спертым, удушливым, затем здание стало оплывать густыми белесыми каплями, словно догорающая огромная свечка, при этом, если капли плавящейся свечи, достигая основания начинают затвердевать, то тут напротив, капли у основания приходили все в большее и большее движение, и вскоре туманный мрачный дом походил на груды шевелящихся червей. Впрочем, это были не черви. Когда Аня напрягла зрение, чтобы получше разглядеть, что там происходит, то бывшее здание непонятным образом то ли приблизилась к нише, заслонив весь остальной город, то ли наоборот, ниша подъехала к зданию, и Аня с ощущением внутреннего содрогания поняла, что это – здоровенная грудa голых людей обоего пола, тупо совокупающихся самым беспорядочным образом – так что издали это действительно напоминало кучу шевелящихся опарышей. Причем было совершенно не понятно, каким образом это нагромождение сцепившихся тел не раздавит друг друга, поскольку там шевелилось не менее нескольких сотен людей в несколько ярусов. Почти сразу после того, как эта картина вплотную приблизилась к нише, около которой застыла Аня, из под общей груды с большим трудом вылезли два толстых, бледных, голых мужчины с мучительно эрегированными половыми органами, прижали лица к обратной стороне ниши, словно к стеклу и с каким-то бешеным вождением усталились на Аню, которая со своей стороны сама вплотную приблизилась к нише, оказавшейся проемом.

– Какая сладенькая козочка, вот бы ее к нам, – неожиданно донеслись до Ани слова с противоположной стороны проема, и она даже вздрогнула, поскольку никак не ожидала услышать здесь членораздельной человеческой речи.

– Так она же за мембраной, – чуть ли не со стоном произнес другой, у которого от вождения даже потекли слюни, да и защищена.

– Ну, так надо пахана позвать, тут же его личное окно, а за ним и мы просочимся, небось давно свежатинкой не лакомились! От этих тухлых лоханей оскомина уже.

– А ведь и правда, – оживился второй, со слюнями, – как же это я запамятовал. Надеюсь он не осерчает, что его от дела отвлекли, а то он знаешь ведь, как крут бывает!

– Какое осерчает! Да разве здесь дело?! Оскомина одна. – И оба обнаженных снова ловко юркнули под груды извивающихся тел, сразу исчезнув из вида, причем было совершенно не понятно, каким образом им удалось туда протиснуться.

Толком ничего не поняв из этого краткого диалога, к тому же сопровождавшегося всякими посторонними звуками (стоном, чавканьем, причмокиванием), Аня со все большим отвращением глядела в возникшее окно, затем, сообразив, что смотреть на эту непристойность ее никто не заставляет, и собралась уж было отлететь в сторону, как вдруг неожиданно из под груды тел вновь показались те двое обнаженных, но на этот раз с третьим, который разительно отличался не только от тех двоих, но и от всех остальных, принимавших участие в этом апокалипсическом свальном грехе. Дело было даже не в том, что он оказался одетым в строгий черный костюм-тройку с золотой цепочкой от часов на жилете какого-то явно не современного покроя, и носил иссиня черную окладистую бороду и пенсне, но так же и лицо его имело ярко выраженные индивидуальные черты, при этом достаточно харизматичные (Аня подумала, что где-то видела это лицо), в отличие от остальных, лица которых были оплывшими, свиноподобными, словно бы изготовленными из оплывающего воска, и хоть и не казались абсолютно одинаковыми, но как бы сводились к общему знаменателю. И тем не менее, несмотря на явный

акцент в сторону очеловечивания, у одетого бородач в лице читался какой-то особый, утонченный порок, до которого было далеко всем остальным расплывшимся рылам.

– Действительно свежачок, – причмокнул «черная борода», впившись в растерявшуюся Аню глазами, при этом демонстрируя на бледном лице такую гамму похоти, но скрытой, глубинной, извращенной, что стало ясно, что и тот, с текущими слюнями, и тот лицом напоминающий борова, по сравнению с цивилизованным бородачом просто невинные агнцы. Продолжались эти смотрины совсем не долго (гораздо дольше было описание), но в следующий момент бородач двинул кулаком в прозрачную преграду, о которую сплющили и без того плоские рожи двое его сопровождавших. При этом кулак каким-то образом увеличился до размеров ниши в стене и вытолкнул прозрачный гель наружу, словно поршень. В следующий момент он оказался в помещении, где находилась Аня, а за ним подтянулись и те, двое... нет, не только, в проеме тут же возникли новые лица, по-видимому прервавшие свое неустанное занятие, до той поры продолжавшееся неведомо сколько времени.

Аня испуганно отпрянула назад, не сообразив еще, как себя вести во вновь возникшей ситуации, а перебравшиеся через нишу-окно голые свиноподобные люди, числом около двух десятков (были там одни мужчины) стали расползаться по вертикальной стенке, как тараканы в разные стороны, и было видно, что хоть они и способны передвигаться по вертикальной поверхности, нарушая законы тяготения, однако летать по-видимому не умеют. Исключение составлял лишь бородач в черной тройке, который тут же полетел в сторону Ани, которой не давало броситься наутек чувство собственного достоинства, а так же непонятная уверенность в том, что в конечном счете все будет хорошо, хоть и выглядела эта сцена довольно устрашающе. Бородач же, тем временем, приблизился к девушке и вдруг расцвел любезнейшей улыбкой (правда глаза его рассматривали Аню все так же сально и порочно) и пропел:

– О, прекраснейшая незнакомка, не желаете ли принять участие в нашем веселом пикнике, – при этом глаза его пытались подавить Анину волю, поскольку она тут же почувствовала ощущение «шара, выпускающего газ», как от воздействия репейников-вампиров.

– Спасибо, что-то не хочется, пробормотала Аня, стараясь сохранить достоинство, а заодно и равновесие в воздухе, – по-моему вы не по адресу, я из другой компании.

– О, – промурлыкал бородач, тем не менее усиливая давление, – вы сами не знаете от чего отказываетесь! Изысканное общество, галантные кавалеры, вальсы Штрауса, брызги шампанского...

– Это они-то, галантные кавалеры, – усмехнулась Аня, кивнув в сторону облепивших стену и частично потолок голых ублюдков. Если у вас эти галантные, то как же выглядят негалантные?

– Так ты видишь?! – неожиданно сконфузился бородач и в голосе его проскользнули нотки раздражения, – похоже, у нее многофазное... – пробормотал он себе под нос, правда Аня так и не поняла, что он имел в виду, – так это вам привиделось, – усилил он зрительный напор, отчего Аня медленно поплыла вниз, – тут такие вещи бывают, поглядите кА на них сейчас!

Аня бросила взгляд на стену и хихикнула, поскольку картина стала еще нелепее: вся свиноподобная компания стенолазов теперь была облачена во фраки, брюки и сюртуки с орхидеями в петлицах, но все это одеяние было у всех настолько не по росту и такого неумелого покроя, что способно было вызвать только саркастическую улыбку, к тому же их карикатурно гипертрофированные мужские достоинства явно не помещались в положенных им нишах и у кого прорвали, а у кого просто неимоверно растянули и без того несоответствующие размерам брюки.

– Уж не знаю, что у вас тут бывает и за кого вы меня принимаете, но у меня сложилось впечатление, что доселе вы имели дело только с идиотами. Прощайте. – И сделав вид, что спуск вниз ею целенаправленно запланирован, Аня полетела вниз и наискосок в сторону небоскребов, не желая продолжать столь омерзительный контакт.

Бородач, похоже, был крайне изумлен. Аня явно повела себя совсем не так, как было запланировано, по-видимому прежние жертвы были сговорчивее, поэтому он на какое-то время застыл в нерешительности, затем издал утробный рык и ринулся на Аню, причем его изысканный костюм лопнул, словно воздушный шар, и разлетелся лохмотьями. Перед Аней предстал могучий атлет, размерами раза в три больше, чем она сама и свиноподобные статисты, со столь внушительным эрегированным мужским достоинством, размеры которого тут же навевали воспоминания о знаменитом Луке Мудищеве, герое известной поэмы, ошибочно приписанной Ивану Баркову.

– Сука! – отбросил все приличия новоиспеченный половой гигант, сама не знаешь, от чего отказываешься! Что ж, если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе! – при этом он издал нечленораздельный клич, и часть зрителей, рассеявшихся на потолке, посыпалась вниз, но была ловко поймана атлетом и рассажена по мускулистым рукам, ногам и плечам, а пара из них даже ухитрилась поместиться на его громадном инструменте, как на толстом суку. Через секунду вся эта суперзабоченная орава уже накинулась на Аню, в первую очередь пытаясь сорвать с нее одежду (она продолжала оставаться в том же джинсовом костюмчике, в котором пришла к доктору Левину), правда с этим у них вышла заминка, поскольку ткань никак не хотела рваться. И тут Аня полностью избавилась от оцепенения в которое ее ввергло нападение целой оравы голых мужиков во главе с половым гигантом, и с невесть откуда взявшимся искусством и силой начала отшвыривать от себя этих прилипчивых грубиянов. При этом кто-то из них летел вниз (что там с ними происходило, Аня не видела), кто-то, отчаянно барахтаясь, как не умеющий плавать, с трудом добирался до стены и вновь к ней прилипал, и лишь атлет, который так же отскочил от Аниного удара, как резиновый мячик («вот уж никогда бы не подумала, что смогу отшвырнуть такого верзилу», – мелькнуло у нее в голове), продолжал удерживаться в воздухе, вызывая все новые подкрепления и не оставляя попыток сорвать с Ани одежду. При этом Аня довольно успешно оборонялась, вдруг приобретя никогда ей неизвестные навыки восточных единоборств, так что ей могла даже бы позавидовать карате-звезда экрана 70х Синтия Ротрок. Продолжая сражаться, Аня медленно спускалась вниз, пока не очутилась на уровне строящихся небоскребов, и тут в одной из недостроенных ячеек, она увидела предмет, который, как ей показалось, вполне подходил для самообороны. Что это такое, она так и не поняла, больше всего это напоминало то ли огромный молот, то ли булаву, украшенную разноцветными знаменами, и хотя размером она была в несколько раз больше Аниного роста, и при других обстоятельствах не могло быть и речи не то чтобы эту машину поднять, но просто сдвинуть ее с места, однако сейчас Аня, нисколько не сомневаясь в успехе, подлетела к ячейке, размером в средний ангар, схватила этот, явно не по росту предмет и с легкостью закрутила его над головой, для начала раскидав всю группу поддержки, а затем нанеся весьма ощутимый удар гиганту, отчего он поначалу даже сплюснулся наполовину, правда, отброшенный вниз быстро вернулся в прежнюю форму, схватил из нижней ячейки какую-то каменную колонну и ринулся на Аню, явно намереваясь преподать ей урок фехтования гигантскими предметами, правда сказать, что его искусство превосходило Анино, пожалуй было нельзя. Он тут же начал отступать, правда преимущество его состояло в том, что Ане все время приходилось отшвыривать от себя назойливых статистов. Сколько продолжалась бы эта нелепая схватка, и что произошло в том случае, если бы банде сексуальных агрессоров в конце концов удалось бы справиться с Аней, неизвестно, однако случилось непредвиденное. Неожиданно участок стены (до которого теперь казалось достаточно далеко), примерно на том уровне, где Аня обнаружила первую нишу-окно в другой мир, но гораздо левее, ближе к сражающимся, легко засветился розовым светом, затем в этом месте возникла новая ниша, подобная первой, и из этой ниши показался удивительный человек в оранжевом одеянии с лицом синего цвета, с волосами, уложенными странной спиралью на темени, со шкурой тигра, накинутой на плечи и трезубцем в руке, голову его окружало золотое сияние, а на шее висел венок из розовых лотосов. Человек этот (или

божество?) Ане показался очень знакомым, правда, где она его видела и как его имя, вспомнить никак не могла. Он осуждающе покачал головой, словно заметил перед собой потасовку детей младшего школьного возраста (Ане даже показалось, что губы его произнесли что-то вроде «Ай-я-яй»), затем во лбу его, на котором белой краской были изображены три горизонтальные черты, что-то лопнуло, появился вертикально расположенный третий глаз, который тут же распахнул свои веки, и из под них ударил мощный испепеляющий луч, который в мгновение сжег всех скорчившихся на стене свиноподобных статистов. Правда, до бородатого атлета добраться он не успел: увидев происходящее и не дожидаясь, когда его самого постигнет луч межбровного лазера, гигант сжался до размеров карлика, а затем с невероятной быстротой отлетел к нише, откуда он явился и юркнул в свой серый злоедающий мир. Синеликий человек тем временем погасил свой луч, окинул взглядом очищенные стены, одобрительно посмотрел на Аню и ушел в свою нишу, не обратив внимания на то, что стена и потолок, на которых луч испепелял свиноподобных статистов, во многих местах дымятся, тлеют, а кое-где и горят. Во время этого короткого инцидента лицо его не выражало не торжества победителя, ни ненависти и злобы, процесс этот в его исполнении больше напоминал смывание грязи со стен и потолка, с помощью пожарного шланга, словно речь и не шла об уничтожении нескольких десятков хоть и противных, но все же людей. Аня подумала, что даже уничтожение тараканов с помощью баллончика ДЭТА и то выглядит более злоедающе. Тем временем в воздухе стоял серый дисперсный туман («это он от сгоревших образовался, как в случае с репейниками», – догадалась Аня), но его очень скоро полностью затянуло в то же окно, из которого и появилась армия сексуальных разбойников, словно там заработал мощный пылесос.

«Интересно, – подумала Аня, – кто был этот мой спаситель? Кажется я раньше его где-то видела, вот только вспомнить не могу, но в любом случае, если бы не он, неизвестно, чем бы все это кончилось, ведь не до бесконечности же я их могла бы расшвыривать. Впрочем, возможно раньше у них просто бы лопнуло терпение, справиться со мной у них была кишка тонка! И откуда только у меня эта каратистская школа?»

Тут Аня вспомнила, что она не только летающий человек, но и воин, правда, откуда взялась эта уверенность, если ни об одной подобной ситуации в своей жизни она не могла вспомнить, было не ясно.

Неожиданно откуда-то снизу раздались очень низкие, трудно различимые звуки, которые, несмотря на сильнейшее искажение, все же напоминали человеческую речь, словно очень медленно запустили магнитофонную пленку:

«Обратный отсчет времени», – с огромным трудом разобрала Аня, правда, чтобы эта фраза прозвучала полностью, потребовалось несколько минут, и было вообще непонятно, как девушка смогла понять смысл произнесенного. Как только отзвучали последние звуки фразы, образовалась огромная черная дыра, правда чернота ее была относительно, поскольку где-то в глубине этой дыры что-то белело, пульсировало и шевелилось, правда, что это было, Аня не смогла разобрать. Одновременно возник сильнейший вертикальный поток воздуха который начал непреодолимо затягивать Аню в эту дыру, как совсем недавно затягивало в окно дисперсный туман.

«Что же это такое, – заволновалась девушка, – я туда не хочу, там темно и страшно»!

Аня судорожно начала хвататься за стенки одной из ячеек ангара, в которой она оказалась в конце сражения, затем, сама не зная зачем, рванула на себя огромный вертикальный блок, из которого состояла одна из стен ячейки, и как ни странно, блок этот поддался и Аня извлекла его целиком – огромную толстую плиту, во много раз больше самой девушки – которую, тем не менее она без труда удерживала в руках, и с силой запустила ее в сторону дыры. Неожиданно ее несознательный поступок возымел действие, значительная часть дыры оказалась перекрыта плитой, и вертикальный поток, грозивший засосать внутрь заметно ослаб.

«Какая же я сильная! – мелькнула у Ани горделивая мысль, – однако же, легкая, надо эту дыру полностью перекрыть».

И она послала вслед за первой еще несколько плит, которые тут же прилипли к потолку и полностью перекрыли дыру. Только тогда Аня вдруг поняла, что такое белое шевелилось в глубине черной дыры: это был громадный, пульсирующий человеческий зародыш...

Аня никак эмоционально не успела отреагировать на эту жуткую догадку, поскольку в этот момент помещение, напоминающее церковный неф, разлетелось на миллион осколков, и девушка погрузилась в небытие...

Очнувшись, Аня обнаружила себя сидящей на кресле, а так же тот факт, что обычный мир, в котором она прожила свои девятнадцать лет, вернулся на свое место. Правда, что-то было не так. В кабинете (тут она вспомнила, что находится на приеме у доктора Левина и он только что погружал ее в гипнотический сон) отчетливо пахло горелой бумагой и было достаточно дымно, а на полу валялось несколько книг, нефритовые китайские палочки для еды и странной формы курительная трубка в перьях, подобная тем, которые на экране курили индейцы во время собраний, передавая друг другу – то есть небезызвестная трубка мира. Когда же Аня повернулась, чтобы определить источник задымления, то оказалось, что обоим помещения у самого потолка основательно тлеют и дымят, издавая противный запах. Вопрос о том, куда подевался хозяин кабинета, она не успела себе задать, поскольку в этот момент дверь распахнулась и в комнату вбежал возбужденный доктор с пульверизатором для полива комнатных цветов, и тут же начал пшикать на стену с тлеющими обоями. Пламя зашипело и погасло, дым так же вскоре перестал идти, правда красивые, дорогие (явно не из бюджета диспансера) обои у потолка были безнадежно испорчены. Тут только доктор перевел взгляд на Аню и понял, что та пришла в себя, при этом лицо его отразило сложную гамму испуга и любопытства. Какое-то время оба молчали, наконец Аня первая нарушила молчание:

– Что это тут произошло, – спросила она несколько осипшим от дыма голосом, – короткое замыкание случилось?

– Что произошло... – рассеянно пробормотал доктор, – что произошло... по-моему не ко мне вопрос. – Тут он словно бы пришел в себя и речь его приняла более уверенные оттенки. – Без малого тридцать лет работаю, но никогда ничего подобного не видел, так что это скорее к тебе вопрос, что произошло. Только что и эта трубка индейцев Чероки, и эти книги по психологии летали по воздуху и врезались в потолок. Что же касается огня, то проводка совсем не там проходит, так что к самовозгоранию она не имеет никакого отношения. В общем – классический полтергейст, о котором я много читал и слышал, но воочию наблюдать пришлось впервые. Если сопоставить сбивчивые рассказы твоего брата о том, что где-то там на даче в твоём присутствии тоже полтергейст происходил, то остается предположить, что ты к нему самое прямое отношение имеешь, правда, что такое во время гипноза может происходить, я никогда не слышал. Может, объяснишь? Хотя, чего я спрашиваю, если что и было, то ты этого не должна помнить.

– Ну, почему же, – пожала плечами Аня, – я все прекрасно помню, только ведь, как я понимаю, это обычный сон был... ах. Ну да, не совсем обычный, вернее, совсем необычный, я же под гипнозом была. Так что, весь этот тарарам я что ли устроила? Но как я могла, ведь я же спала, да у меня и спичек с собой нет, я некурящая». – (В этот момент она еще плохо соображала и не поняла слов доктора по поводу полтергейста и отнюдь не физического участия Ани в учиненном беспорядке).

Доктор Левин удивленно уставился на Аню, затем рассмеялся, правда несколько натянуто.

– Да нет, девочка, я не то имел в виду. Ты думала, что в состоянии гипноза бегала по кабинету и швырялась книгами. А затем залезла на стену и подожгла обои? Кстати, спичками бы

у тебя это вряд ли получилось. Нет, нет, в это время ты преспокойно спала в кресле, а минут через пять, когда я ввел тебя в сомнамбулическую фазу и дал установку на обратное путешествие во времени, вплоть до твоего утробного состояния, и начался весь этот тарарам. Вначале сам по себе начал звонить этот китайский звоночек для разгона злых духов над дверями, потом спорхнула с книжной полки индейская трубка мира и начала в воздухе пируэты выписывать, затем к ней присоединились нефритовые палочки для еды. Было впечатление, что они фехтуют друг с другом. Потом загорелись обои под потолком и напоследок из полки сами собой начали вылетать книги и лупить в потолок. Что было еще, я не знаю, поскольку побежал за водой, а когда вернулся, то ты уже пришла в себя, хотя по всем законам должна была спать, пока я не позволю тебе проснуться. Ну а ты что помнишь?

– Ах вот оно что было, – тут только в Аниной голове начали сцепляться звенья ее недавнего, но совершенно живого и реального сна и того тарарама, который царил в кабинете Льва Матвеевича после ее пробуждения. – Значит это на самом деле произошло! – и Аня во всех подробностях, правда, слегка смазав пикантные подробности внешнего вида нападавших на нее сладострастников, рассказала о том, что с ней произошло после того, как она погрузилась в гипнотический транс, благо все недавние события словно бы стояли у нее перед глазами. – Выходит, – закончила она свою историю, – те трубы были звоночком от злых духов, а та огромная труба, которой я сексуального маньяка лупила, на самом деле была трубкой мира? А те плиты были книгами? Но почему же все это казалось мне таким огромным? Эти книжные полки мне привиделись строящимися небоскребами, люстра – вообще Бог знает чем, а до пола, как мне показалось, было метров триста или больше. Выходит, я в Дюймовочку превратилась? Но ведь я все время на кресле сидела, как же такое может быть? И еще, теперь мне понятно, почему я этот жуткий зародыш увидела: это на самом деле была я сама 19 лет назад у мамы в животике!

– Да, дела, – только и сумел пробормотать Лев Матвеевич, – вот и мне на старости лет посчастливилось с настоящим чудом столкнуться! Никогда не предполагал, что эта обычная, современная симпатичная девушка на самом деле – сильнейший медиум. Юра мне, конечно, рассказывал о всяких давних чудесах, связанных с тобой, но какая-то наша часть никогда подобные вещи за чистую монету не принимает, пока сама не убедится. Как говорил апостол Павел, а может Петр или Иоанн: пока не узрите чудес и знамений, не уверуете. Выходит, за всем этим и правда что-то стоит, и не просто, а что-то очень серьезное. Ну что ж, – словно бы стряхнул доктор Левин оцепенение, – попробуем подвести итоги. Судя по всему, мне удалось разворошить не такой уж невинный пчелиный улей в твоей душе, и во что это в конечном счете выльется совершенно не понятно. Я с подобными вещами никогда не сталкивался, хоть сам слегка и занимаюсь проблемами экстрасенсорики, а посему и прогнозы какие-то строить не могу. Ты сама-то что можешь после всего произошедшего сказать? В прошлое, судя по всему, мне тебя отправить не удалось, ты, похоже, сама почему-то воспротивилась, поэтому по поводу возврата памяти сомневаюсь...

Аня постаралась к себе прислушаться, но ничего нового не услышала – никаких новых фактов своей биографии припомнить она не могла, а то, что с ней только что происходило – вроде бы было и не с ней вовсе, и чего-то такого, подтверждающего, что в ней и вправду пробудились неведомые парапсихологические возможности, она не ощутила. А впрочем, все это нужно было еще проверить, но наедине с собой, в другой обстановке.

– Нет, – сказала девушка после некоторого молчания, – кажется, ничего нового не припомню... – она машинально пробежала глазами по стене и висящим там портретам и вдруг опешила: с одного из них на Аню глядел тот самый «порочный бородач», который, в конечном счете обратился в некоего аллегорического Луку Мудищева. Разумеется, черты этого портрета уже не сквозили вожделием и тайными пороками, однако лица того и другого были чрезвычайно похожи.

– Кто это? – задала Аня Льву Матвеевичу неожиданный вопрос.

– Ты не знаешь? – удивился психоаналитик, – ну, девочка моя, неприлично культурному человеку не знать это лицо. Это же Зигмунд Фрейд, венский основатель метода психоанализа. А почему ты спрашиваешь?

– Да потому, что тот, в черном костюме на одно с ним лицо! Я абсолютно уверена, что именно он это и был... только несколько карикатурный.

– Час от часу не легче, – сокрушенно покачал головой Лев Матвеевич, – вот уж никогда не думал, что у знаменитого ученого может быть такое специфическое посмертие! Думал, ему все же должны были зачесть его заслуги перед медициной и человечеством в целом. К тому же я считал, что человек излечивший от разнообразных психологических и психических проблем столько людей сам-то мог разобраться со своими тайными пороками и комплексами. Что ж, ты в какой-то мере открыла мне глаза, надо подумать, а может вообще этот портрет отсюда убрать, а вдруг он не очень хорошо на моих пациентов действует... впрочем, мне всегда ближе был Карл Юнг.

– А что, – недоуменно посмотрела на доктора Аня, – портрет может как-то действовать? Он же не живой, фотобумага засвеченная! Я еще понимаю, биополя, экстрасенсы и тому подобное. И потом, каким образом портрет может быть связан с душой умершего? Если, конечно, это была его душа... как-то душу я себе по-другому представляла.

– Не все так просто, – вздохнул доктор Левин, – с точки зрения обычной физической науки, фотография – действительно только засвеченная фотобумага, обработанная определенными ингредиентами и, насколько я знаю, ни один прибор не фиксирует в ней чего-то большего. Кстати, если говорить о биополях, о которых ты вскользь упомянула, то их тоже невозможно ничем обнаружить, так что с точки зрения официальной науки понятие «биополе» тоже антинаучно. Тем не менее, феномен положительного и отрицательного бесконтактного воздействия на человека известен с допотопных времен, как прямого, так и через предметы с этим человеком связанные, а так же снятие информации об этом человеке с этих предметов. Не знаю, давно ли обнаружен феномен снятия информации о человеке с его фотографии, а так же воздействие на него через оную, сам метод фотографии существует чуть более ста лет, однако в настоящее время почти все сенсы используют метод и лечения и диагностики больного по фото, и в ряде случаев эффект не хуже, чем при работе с оригиналом, все зависит от квалификации самого целителя. Что же касается объяснения, то, как известно, научного объяснения не существует, поскольку приборы данный феномен не фиксируют, ненаучных же немало, и одно из них, наиболее мне близкое, заключается в том, что при фотографировании на фотопленку, а затем на фотобумагу, каким-то образом проецируется информационная голограмма, внепространственно связанная с самим человеком, либо его душой в посмертии. Что-то вроде канала прямой-обратной связи и люди с развитым сверхчувственным восприятием могут эту голограмму просканировать и вытянуть необходимую информацию.

Теперь, по поводу души Зигмунда Фрейда. Я не могу тебе сказать, видела ли ты ее, либо что-то другое. Тут не все так прямолинейно, во времена массового увлечения спиритизмом тысячи и миллионы людей на спиритических сеансах вызывали в одно и то же время в разных точках земного шара, помимо душ родственников, как правило души одних и тех же исторических лиц: Наполеона, Юлия Цезаря, Шекспира, Пушкина или Лермонтова, и духи этих великих людей послушно являлись одновременно тысячам любопытных, как я сказал, в разных местах. Что это такое, душа дробилась, либо являлись какие-то ее многочисленные отражения и проекции. Я не знаю. Многие феномены парапсихологии и спиритизма не находят рационального объяснения. Так что, сказать наверняка, встречалась ли ты с подлинной душой венского аналитика, либо это было нечто другое, я затрудняюсь.

– Кстати, – вдруг припомнила Аня, – а тот Синеликий, как я сейчас понимаю, тоже их фотографии вышел, интересно, кто это был?

– Ну вот ты посмотри и попробуй сама ответить.

Аня снова внимательно обожала глазами все фотографии и вдруг почувствовала некую связь того образа, который она наблюдала во время гипнотического сна и индуса, которого Лев Матвеевич назвал Сати Саи Бабой, хотя внешне они, казалось, были мало похожи. Тут она вспомнила, что этот Сати Саи вроде бы является аватаром Шивы, и что тот Синеликий человек, вернее, божество, очень напоминал изображение Шивы, которое она видела в каком-то журнале, правда у того рук было несколько, она не помнила, сколько.

– Это он, – уверенно показала Аня на фотографию индийского гуру, – правда выходил он из стены в образе Шивы.

– Вот так, – усмехнулся Лев Матвеевич, – нисколько-немного – сам Великий Шива явился на помощь Ане Ромашовой, чтобы решить ее астральные проблемы. Что ж, ты мне еще раз подтвердила, что фотографии работают, и надо быть очень аккуратным в выборе портретов – какие можно вешать на стенку, а какие – нельзя. Для психоаналитика – очень важно, какая атмосфера, вернее – ноосфера устанавливается в его кабинете. Я постарался на собственные средства привести его в согласие с принципами Фен-шуй – китайской наукой о гармонии, однако, по-видимому что-то упустил. Ладно, примем сегодняшний урок к сведению.

На некоторое время в кабинете воцарилось молчание.

– Так что же мне дальше-то делать? – наконец спросила Аня, – вы мне какие-то таблетки пропишете?

– Вот я и думаю, что делать, – задумчиво посмотрел в потолок доктор Левин, – ни один пункт, который я наметил, на сегодня не сработал, картина не только не проявилась, но в какой-то мере запуталась. Зато возникло несколько неожиданных моментов, которые требуют дополнительного анализа и скорее всего смены тактики нашей работы. Похоже, теперь нужно думать не только о том, как справиться с твоей амнезией, но и о многом другом. Мне, по крайней мере, как исследователю и вообще человеку живо интересующемуся эзотерикой и особенно ее практическими аспектами, это чрезвычайно интересно. В любом случае, чтобы сообщить тебе о наших дальнейших планах, мне надо посоветоваться со специалистами из разных сфер деятельности, возможно, в перспективе/ я даже тебя с кем-то из них познакомлю. Так что насчет дальнейшей встречи я позвоню, если не возражаешь, так что запиши свой телефон, думаю, удобней будет общаться минуя Юру в качестве посредника, он ведь человек занятой.

– Значит вы не отказываетесь от меня? – облегченно вздохнула Аня, – а то я думала, после того, что я тут, как выяснилось, натворила, вы от меня откажетесь.

– Что ты, что ты, как можно отказываться от такого интереснейшего случая, тем более, на данный момент я тебе ничем не помог, а это как никак с повестки дня не снимается, надо только какую-то другую тактику выработать, об этом мне и предстоит голову поломать. Ну и, – тут он улыбнулся, посмотрев на обгоревший участок стены, нам надо будет подумать, как обезопаситься от явлений полтергейста и пирокинеза, а то, не ровен час, диспансер подожжем, я ведь не представляю масштаба твоих скрытых возможностей. Хотя из твоего рассказа получается, что по крайней мере за поджог ты ответственности не несешь и все претензии к Саи Бабе или даже к самому Господу Шиве. Интересно, что я в этом случае пожарным объяснять буду? У нас ведь тут не Индия! Хорошо еще, что этот кабинет, мною лично оборудованный, я арендую у диспансера и никто из администрации практически сюда не заходит, а то были бы серьезные вопросы на тему пожарной безопасности, ну а за пару дней я следы катаклизма уберу. Ну что ж, будем считать, что наш сегодняшний сеанс закончен, а об остальном я тебе через несколько дней сообщу. Ты же пока помедитируй, послушай себя, все твое забытое может позже начать проявляться, уж не знаю – память ли, либо парапсихологические способности. По крайней мере мы выяснили одно: скрытые ресурсы в тебе есть и, судя по всему, немалые, правда ты, по какой-то причине, утратила контроль за всем этим.

– Я медитировать не умею, – пожала Аня плечами, – даже плохо представляю, что это такое, но послушать себя попробую, мне самой очень интересно, что дальше будет. Надо же, жила скучной, неинтересной жизнью, и вдруг такое! Вот только, получается, я кабинету убыток причинила, а у меня совсем денег нет, я с работы уволилась, но в ближайшее время собираюсь устроиться, а пока, думаю, брат не откажется заплатить.

– Ой, какая ерунда, – махнул рукой Лев Матвеевич, – как известно, преступление, совершенное в состоянии беспамятства, таковым не является, поэтому я даже с точки зрения закона не имею права тебе претензии предъявлять. Спишем данный инцидент в разряд издержек профессиональной деятельности, и пусть тебя материальный вопрос не волнует. По крайней мере у меня с Юрой свои взаиморасчеты. Кстати, я бы твоему брату насчет сегодняшнего происшествия особенно не распространялся, я не знаю, как он на это может отреагировать, тем более его именно парапсихологический аспект больше всего и волновал. Я, честно говоря, о его планах не знаю, но, боюсь, он может по своей ретивости в ход событий вмешаться, а сейчас о чем-то конкретном говорить еще рано. Лучше скажи, что лечение требует времени, и ты пока ничего сказать не можешь. А впрочем, смотри сама, я не знаю, насколько вы друг с другом откровенны.

Аня записала доктору Левину свой телефон и в несколько разобранном состоянии вышла из кабинета. До вечера было еще далеко, и она решила прогуляться по ботаническому саду. Который был неподалеку, и обдумать загадочные происшествия последних двух дней. Сидеть дома ей теперь не хотелось, но и видеть кого-то из знакомых она не была еще готова и душа ее требовала одиночества – впрочем, она всегда предпочитала его шумным компаниям.

ГЛАВА 3. Провал в прошлое

Итак, Аня решила прогуляться по Ботаническому саду и ВДНХ до метро ВДНХ, тем более погода, прохладная и сухая, весьма комфортная для ноября, к подобной прогулке располагала. К тому же и день будний, а значит и народу поменьше. Аня еще до смерти мамы любила одинокие прогулки без какого-то строго намеченного маршрута, и раньше, когда они жили в Зарядье, она еще ребенком облазила весь центр, правда большое скопление людей всегда ее раздражало, за те же несколько лет, как они переселились на проспект Мира, Аня освоила другие маршруты, и одним из них был как раз тот самый – Ботанический сад – ВДНХ, либо наоборот, поэтому дорогу обратно она хорошо знала и не боялась заблудиться. Впрочем у нее вообще было какое-то особое чутье маршрута, и она всегда находила нужное место, не особо блуждая и даже не спрашивая прохожих. Это чутье выручало ее и в лесу, в незнакомых местах, куда они, порой, попадали с мамой или знакомыми во время походов за грибами, – чрезвычайно любимым Аней занятием, – и только благодаря ее интуиции они всякий раз благополучно выбирались на дорогу. Когда же она оказывалась в лесу одна, то вообще могла шлаться где угодно, не чувствуя ответственности за других, и всегда легко находила нужное направление. С лесом у нее были какие-то особенные дружеские отношения, и там ее еще больше донимали уже привычные дежавю, ей все время казалось, что лес раньше она видела и воспринимала как-то по-другому, как-то более персонализировано, правда, как обычно, ничего конкретного вспомнить не могла. Было и еще одно свойство: почему-то в таких малопосещаемых и удаленных от милиции местах она совершенно не боялась ни хулиганов, ни насильников, ни маньяков, чего почему-то боялись все ее знакомые (в том числе и мама), которая тем более волновалась, когда ее дочь уходила куда-то одна. Сама же Аня почему-то знала, что ничего такого, опасного для ее жизни и здоровья с ней произойти не может не только в лесу, но и вообще где-либо, и с ней действительно ничего непредвиденного ни разу не происходило во время ее продолжительных прогулок. То же самое касалось и уже гораздо более цивилизованного ботанического сада, где, по рассказам мамы нередко были случаи серьезного криминала.

Проехав несколько остановок на троллейбусе, Аня вылезла на остановке напротив центрального входа в Ботанический сад и двинулась вглубь окультуренного массива по прогулочной асфальтовой дорожке, усыпанной опавшими листьями и желудями. В троллейбусе она попыталась прочесть мысли у кого-то из немногих пассажиров, поскольку сам термин «парапсихология», постоянно упоминаемый Львом Матвеевичем, у нее в основном связывался с термином «телепатия». Несмотря на все попытки, мозги посторонних людей так и остались для нее закрытыми, а следовательно, печально констатировала Аня, никаких парапсихологических способностей у нее не пробудилось, а следовательно и обольщаться по поводу необычного гипнотического сна не приходилось.

«Что бы они там не говорили, – думала Аня, шурша свежееопавшей листвой, – ничего такого сверхъестественного я в себе не ощущаю, все как было, так и осталось, вот только галлюцинации и сон этот, гипнотический. Но мне кажется, к парапсихологии это не имеет никакого отношения, мало ли что может привидеться человеку, перенесшего такое горе, и потом полторы недели глотавшего таблетки горстями. Что же касается этого, как его... полтергейста, то действительно, труднообъяснимая история... тут действительно что-то потустороннее проявилось. Если, разумеется, Лев Матвеевич это сам не подстроил. Впрочем, мысль достаточно нелепая, зачем ему меня разыгрывать, к тому же все произошедшее так с моим сном совпало. С другой стороны, откуда я знаю, а вдруг метод психоанализа включает в себя всякие психологические приемчики, чтобы человека из равновесия вывести? Вон у Ефремова в «Лезвии бритвы» описано, как доктор Гирич, чтобы к женщине вернулась речь, которую она потеряла во время стресса, специально ее в новый стресс вогнал, чтобы клин клином. А что все это

с моим сном совпало – ну и что, возможно он сам его мне и внушил, а потом разыграл, что понятия не имеет, что мне там привиделось. Конечно, это ни в коей мере не объясняет того, что случилось вчера, но одно дело когда предметы в воздухе летают и обои загораются и другое, когда что-то кому-то привиделось, тут состояние сугубо субъективное и никому ничего не доказывает, как, впрочем, и не опровергает, одним словом – галлюцинации. Разумеется, если бы я сама в здравом уме видела полеты предметов и самовозгорание, тогда можно было бы твердо сказать, что в наличие явления объективного характера, хотя, с другой стороны, полтергейст часто сам по себе происходит и человек здесь не причем. Понятно, что хочется возмнить себя Нинель Кулагиной или Вольфом Месингом, но пока что ничего такого, что свидетельствовало бы о моей исключительности не случилось. Напротив – институт – провалила, нигде не работаю, живу на содержании брата, никаких особых талантов не имею. Самая обычная серенькая посредственность. Правда, говорят, что я красивая... ну и что, сама я этой красоты не замечаю. Другие красивые девчонки этим пользуются, заводят романы с интересными или богатыми мужчинами, не говоря уж о мальчишках, а я даже на это не способна, и доктор Левин это научным образом подтвердил: полная сексуальная индифферентность. Это ж надо, в наше время почти в двадцать лет, не будучи уродиной, девочкой оставаться, и даже пальцем не пошевелить, чтобы от этой обузы избавиться. Но ведь это же ненормально, чтобы мужчины не интересовали, не зря мне все девчонки говорили, что это просто неприлично! Все, на что я способна, это витать в облаках, читать запоем книжки и, как Золушка, мечтать о сказочных принцах, которых в жизни не существует. Так что, Анечка, – подвела она печальный итог, – как ни крути и что бы тебе не рассказывали о твоей исключительности, о которой ты сама абсолютно ничего не помнишь, на данный момент мы имеем полную несостоятельность в жизни, отсутствие цели и ориентиров. Все куда-то стремятся, чем-то увлечены, строят далеко идущие планы, а темя ничегошеньки в этой жизни не интересует: короче говоря – бездарность и неудачница. Ну а о том, что у меня никаких парапсихологических способностей нет – в этом я, по моему, убедилась. Мысли читать не умею, а остальное и проверять нечего. Кстати, не только паранормальных, но и обычных, нормальных способностей у меня нет никаких. В школе училась тят-ляп, ничего меня не интересовало, а работа секретаря в деканате – разве это работа! Место дл бездельников и неудачников, и зарплата соответствующая. Итак, – выходя на пик самобичевания, от которого она даже получала своеобразное мазохистское удовольствие, Аня начала загибать пальцы: в математике – ноль без палочки, с трудом на тройку натянула, хоть Юра мне и говорил, что в детстве я фантастическими цифрами в уме оперировала. Где все это? Да мне и двузначных чисел в уме не сложить. Гуманитарные науки – ну ладно, на четверочку, но разве это способности! Ну книжек много читала, но разве это признак таланта? Ничего особенного в этом нет, да и книги меня все какие-то потусторонние интересовали, а Горького и Толстого осилить не могла. Теперь, музыка: на музыкальных инструментах не играю, разве что собачий вальс на пианино. Правда голос неплохой и слух, но ведь сама же стесняюсь спеть перед кем-нибудь. Так что, Анечка, бездарность ты полная, и не обращай внимания на то, что брат вокруг тебя эту возню затеял, что ему там в голову пришло, неясно, он вечно какие-то авантюры затевает, и доктора такого же авантюрного в свою авантюру втравил.

Так, дальше, – продолжала она свое самобичевание, – почти все девчонки и мальчишки стихи пишут, хотя бы в 15—16 лет, а я хоть бы один стишок написала... стоп! – тут она припомнила, что вчера во время странного наваждения – грез наяву – в сознании ее сами собой родились прекрасные строки о каком-то особом состоянии природы, вернее не родились, а их словно бы продиктовал посторонний голос, причем мужской, и хоть это стихотворение тут же забылось, но след остался глубокий, и Аня, давно увлеченная поэтами серебряного века (опять же Юра доставал практически не поступающих в продажу Анненского, Гумилева, Бальмонта, Цветаеву, Мандельштама, Белого) могла по достоинству оценить это стихотворение, при этом она четко помнила, что нигде ранее это стихотворение ей не встречалось. Откуда же

возникли в ее душе эти стихи, ведь она никогда ранее ни строки не написала и очень завидовала тем, кто это умел. Хотя, ведь были еще и эти строки из ее детского, такого яркого и реального сна:

Помнишь из детства
Света пургу,
Мальчик и девочка
На берегу.

Вроде бы ничего особенного, но к горлу ком подкатывает. Она знала, что не могла нигде прочесть эти строки, а значит она их как бы сама сочинила, только во сне. А ведь точно помнит, что было и продолжение, не то, чтобы слишком длинное, но все-таки, только, как всегда, забыла. Однако же внутри нее все это было, пусть и на уровне подсознания.

Неожиданно, после произнесения четырех коротких строк, Аня ощутила, словно бы в ее голове белой вспышкой рассыпались миллионы мельчайших колокольчиков, одновременно с чувством кратковременного провала (правда сознание она не потеряла, хоть ее и качнуло в сторону). К счастью поблизости оказалась скамейка и Аня тут же на нее присела, боясь, что состояние усилится. Однако вестибулярные симптомы не усилились, хотя глаза ее заволокло туманом а в сознании вновь зазвучал мужской голос, и она могла поклясться, что именно этот голос продиктовал в ее голове вчерашнее стихотворение о какой-то природно-погодной стихии под странным именем Флаг. И тут перед ее глазами (она их тут же закрыла, отчего эффект усилился) возникли странные фигуры, которые она увидела абсолютно отчетливо, словно смотрела открытыми глазами. В ней без труда узнавался тот самый герой ее детских и более поздних грез, загадочный Андрей Данилов, правда был он с волосами до плеч, облачен с черную кожаную куртку, кожаные штаны и высокие ботфорты, к широкому поясу была пристегнута изящная шпага, с рукоятью, усыпанной драгоценными камнями, а на шее висела цепочка с маленькой золотой коронеткой в качестве медальона. При этом восседал он на роскошном белом коне с простой черной сбруей – ни дать ни взять – сказочный принц, путешествующий инкогнито. Всадник неспешно ехал по красной, усыпанной мелким гравием дорожке, вокруг качались могучие столетние дубы и клены, и несмотря на то, что шума деревьев она не слышала, голос прекрасного юноши звучал отчетливо, и тут было произнесено все стихотворение, из которого прежде она помнила только четыре первые строки:

Помнишь из детства
Света пургу
Мальчик и девочка
На берегу
Личико-облачко,
Ручка узка,
Пальчики лепят
Дом из песка.
Еле приметен
Памяти след
Я тебя знаю
Тысячу лет,
Или не этот
Полуовал
Прутиком вереска
Я рисовал?
Разве не этого
Платьница снег,
Как дуновение,

Вился во сне
Разве не этот
Валдайский звонок
Слышал, а утром
Вспомнить не мог?
Лик, проступивший
В теплой золе,
Я тебя знаю
Тысячу лет
Здравствуй, ну как там
Сны без меня?
Домик построен?
Дюны звенят?

.....

Мальчик придуманный
Я не спала,
Просто от скуки
Сказку сплела,
В ней жили-были
Он и она
Где-то у моря,
В городе сна.
Каждое утро
Краски зари
Так осязаемы —
Хочешь – бери.
Каждое утро
Мой силуэт
Ввысь уносился
Встретить рассвет.
Чтобы в бушующий
Пламенем час
Видеть небесного
Света экстаз,
Чтоб в окруженье
Горлающих стай
Тела касались
Солнца уста.
Днем же являлся
Странный сюжет
Солнечных зайчиков,
Пьющих рассвет —
Люди дивились
На этот пейзаж
Полурисунок
Полумираж.

.....

Ты не парил над
Юдолью земной,

Ты обмывался
Чистой волной.
И оставлял
Вдалеке берега
Чтоб нанизать
Для меня жемчуга.
Как отыскать тебя,
Город не мал?
Я не ныряла,
Ты не летал.
Не о тебе ли
Ветры звенят:
«Мальчик, что плавать
Научит меня»,
Не обо мне ли
В детской мольбе:
Та, что подарит
Крылья тебе...

Так и встречали
Жизни пургу
Мальчик и девочка
На берегу.

«Неужели я опять все забуду»? – промелькнуло в смятенном сознании Ани. В этот момент в голове словно что-то вспыхнуло, миллионы невидимых колоколец разлетелись по всей вселенной, и Аня почувствовала, что летит внутрь своего видения, навстречу юноше, замолчавшему после произнесения последней строчки. В то же мгновение она неведомым образом оказалась в его объятьях... стоп, но это был уже не принц в кожаном одеянии, это был мальчик в ковбойке и шортиках, и на шее его висела не золотая коронетка, а ониксовый медальон, который она когда-то, очень давно ему подарила... странно, с того времени он совсем не изменился. А она? А она теперь та самая девочка, в том самом платье, о котором в стихотворении говорилось: «Разве не этого платица снег как дуновение вился во сне». А на шее у нее то самое ожерелье из жемчуга и кораллов, которое он ей подарил. Однажды их талисманы соприкоснулись, и они полетели куда-то вверх, навстречу солнцу... но почему сейчас они летят вниз, проваливаются, и она теряет его... теряет... руки обнимают пустоту...

ГЛАВА 4. Другая половинка

Когда она пришла в себя и открыла глаза, то поняла, что находится где-то глубоко под землей. Аня (в образе восьмилетней девочки, как машинально она отметила), стояла посреди огромного зала естественного происхождения, какие бывают в глубоких пещерах. Вокруг громоздились базальтовые глыбы, а с потолка, там в вышине, свисали огромные кристаллы. Несмотря на то, что здесь должна была стоять абсолютная темнота, стены светились красноватым свечением, словно где-то там, за толщами базальта, протекала огненная река лавы, накаляя стены и вовлекая в свое раскаленное русло целые скалы. Несмотря на то, что от стен по идее должна была исходить жара, способная в мгновение испепелить все живое, Аня чувствовала бы себя вполне комфортно, если бы... над ней не возвышалась туша гигантского диплодока, которого она еще вчера видела летящей по предвечернему московскому небу среди неистовых грозных туч. В этот момент она вспомнила все: и пленение Варфуши, и свою триумфальную премьеру в лаборатории по изучению парапсихологических феноменов, и то, как она сожгла зловещий психогенератор, и как нашла Перунов цвет и освободила Варфушу, и как встретила у лесного валуна маленькую ящерицу, и как, после того, как опрометчиво передала остатки этого Перунова цвета в ручки ящерицы, та превратилась в гигантского диплодока. С другой стороны она все еще продолжала осознавать себя той девятнадцатилетней Аней, правда оставившей свое физическое тело там, наверху, на лавочке ботанического сада. И тут Аня увидела, что зал, в котором она очнулась, быстро сжимается, а громадные валуны угрожающе надвигаются на нее.

– Ну, решайся, – пошевелил хвостом диплодок, словно продолжил на мгновение прерванную беседу, тоннель еще недолго открытым будет. Память и силы ты добровольно должна отдать, иначе ничего не получится. Просто скажи: «отдаю свою Силу для спасения тела»!

Аня представила, как чудовищные валуны сходятся и расплющивают ее даже не в лепешку, а просто в ничто, и позабыв обо всем от ужаса, не думая, что, может быть диплодок блефует, и, возможно, она и сама смогла бы пробиться через тоннель, громко вскрикнула: «Отдаю свою Силу для спасения тела»!

В этот момент диплодок наклонил шею к самой земле, девочка забралась на него и... тут в ощущениях ее возникло раздвоение: одна ее половинка сидела на шее диплодока, в ужасе вцепившись в ее чешую, а другая осталась стоять, где стояла, и провожала взглядом диплодока, вместе со своей наездницей, взмывающего под купол и исчезающего в отверстии тоннеля, который Аня не заметила сразу, очутившись в подземном зале. В тот же момент все воспоминания о том, что с ней было после того, как она уселась на шею динозавра, исчезли из ее памяти, оставив неприятную пустоту только что забытого. Она была восьмилетняя Аня Ромашова, девочка-феномен, которая совсем недавно избавила мир от коварного психогенератора, а теперь спустилась можно сказать, в преисподнюю, поддавшись уговорам коварной ящерицы. И вот теперь она потеряла свое физическое тело, предварительно переведенная Перуновым цветом в плазменное состояние, и половинку своей души... правда не лучшей, лучшая, знающая осталась здесь, но это слабо ее утешало. Кстати, диплодок Ху-фу и правда блефовал: как только он исчез в тоннеле, который тут же, вслед за ним захлопнулся, стены и купол прекратили сходить и обрели свою прежнюю незыблемость.

Недолго думая, Аня взвилась к куполу пещеры – увы, от тоннеля не осталось и намека, одни только узкие щели между глыбами базальта, да трещины; и те и другие, увы, это было видно, не вели никуда. Тогда Аня, прекрасно осознавая, свою проницаемость (она ведь и в физическом теле недавно через закрытые двери проходила), попыталась просочиться сквозь купол, но, увы, хоть она и не натолкнулась на твердую преграду, как это происходит в нормальном, человеческом состоянии, ей удалось протиснуться в камень только по пояс,

а затем она застряла словно в быстро густеющей смоле. Правда обратно она выскользнула без труда – очевидно проход был односторонним.

«Ну, разумеется, – подумала Аня, опустившись на каменный пол, души же динозавров отсюда не могли выбраться, хоть как-то, с горем пополам через камни продирались, пока Перунов цвет тоннель не открыл. Очевидно, тут какие-то силовые поля остальную материю вверх не пропускают, ведь физическая реальность для физических тел проницаема. Я-то чем лучше? Да, дело плохо, похоже, я тут основательно заблокирована. И что теперь делать? Должен же быть какой-то выход, неужели я за добро так страшно расплачиваться должна? Хотя, что значит „Я“? Все же, наверное, большая часть моего „Я“, включая физическое тело, улетело наверх, думаю динозавр ее должен по месту жительства доставить, в таких случаях не обманывают, за обман расплата приходит, да и зачем она ему? Однако я все время говорю „она“, о той, которая, по идее должна быть мной. Значит все же я – это я, та, что здесь осталась, а остальное – уже что-то другое, и судьба у нее – самостоятельная. Да, трудно эти вещи разумом охватить! Впрочем, подобные вещи и во сне происходят: еще недавно ты был кем-то одним, и вдруг – раз – и уже кто-то другой, тот, кого только что со стороны наблюдал. Однако, почему мне всякая ерунда в голову лезет, тут надо думать, как из этой ситуации выпутываться, а не о всяких личностных парадоксах, если, конечно, из подобной ситуации вообще можно выпутаться, поскольку я как бы умерла. Хотя, что это я, тело то мое и даже часть моей души динозавр наверх доставил, значит умереть я не могла, это что-то другое, о таком я даже не слышала, чтобы подобное раздвоение происходило. Интересно, как там, наверху себя моя вторая половинка чувствует, наверняка подобное разделение не может на ее самочувствие не сказаться – если не на физическом, то на психическом. С другой стороны, я то чувствую себя нормально, и если бы не то положение, в котором я очутилась, то даже не нуждалась бы в том, что от меня отделилось. Хотя, наверное, все же не так, все же это я отделилась, ведь туда наверх унеслось мое физическое тело».

Как ни странно, несмотря на, казалось бы, совершенно безвыходное положение, в котором оказалось Аня, чувства страха она не испытывала – очевидно этой, оставшейся половинке ее души (которая, тем не менее, чувствовала себя вполне целостной) подобное чувство было вообще не присуще.

«Что ж, – даже с некоторым злорадством подумала Аня, – пусть ты там, наверху, спасла свою шкуру, однако же далеко не самые мои лучшие качества с собой прихватила. Жалко тебя, совершенно очевидно, что ты теперь в обычную посредственность превратилась, да к тому же ничего помнить не будешь из того, что с тобой в действительности произошло (Аня почему-то точно знала, что главная ее память осталась вместе с ней), – наверняка в результате в психушку попадешь».

С другой стороны она так же знала, что полной идиоткой та девочка наверху не станет, возможно переживет какой-то кризис, а затем будет себе жить, как все живут, вот только все чудесное в ее жизни прекратиться, и чувство забытого постоянно будет ее донимать, пока они вновь не объединятся, правда сделать это (Аня почему-то точно знала, что будет именно так) будет весьма непросто... вернее, не просто непросто, а в ближайшее время (в ближайшее ли?) невозможно. Как никак магия на Перуновом цвете по добровольному отказу от Силы и памяти так просто не преодолевается, а этим самым средоточием Силы и памяти Ани Ромашовой является она, ее тонкоматериальный дубль. Как Варфуша самостоятельно не мог преодолеть магию Антонины Петровны, пока Аня его не освободила, так же и Аня в нынешнем своем состоянии не способна ее преодолеть самостоятельно. Почему-то она твердо знала, что есть существо, способное ей помочь. Варфуша? Нет, это не в его власти. Ах да, – ее Единственный, Андрюша Данилов, с которым она виделась в проекции будущего. Но на данный момент он абсолютно невежественен и Силу наберет еще очень не скоро.

Вот к каким неутешительным выводам – не на уровне логики, но на уровне совершенно естественно пришедшего к ней знания ситуации, пришла Аня, и наверняка, будь она в прежнем своем состоянии, впала бы в глубочайшее отчаяние, возможно даже попыталась бы себя убить, но теперь убить себя было невозможно, а глубокое отчаяние, так же как и страх, она, как видно, утратила способность испытывать.

Поскольку на данный момент ничего принципиального по воссоединению со своей половинкой сделать было невозможно, оставалось заняться исследованием того места и положения, в котором она очутилась, ведь не сидеть же сиднем на каменном полу, ничего не предпринимая и год и два... ах, ну да, пришла информация, что одиннадцать лет. Впрочем здесь, в этом мире время идет по-другому, да и она находится сейчас в другом временном потоке, так что, возможно, на уровне личного восприятия все будет быстрее... или медленнее? Все зависит от нее, от ее действий... но каких именно – тишина, нет информации.

Для начала Аня решила проверить, способна ли она наладить хотя бы одностороннюю связь со своей половинкой. Она вполне определенно знала, что та ее не услышит, но хотя бы иметь возможность иногда посматривать за ней, как за беспомощным ребенком, было необходимо, все же, хоть теперь они и разделены, однако ответственность за это глупое существо с нее никто не снимал. Прислушавшись к своему внутреннему состоянию, Аня определила, что из области живота от ее тела отходит серебряная нить, словно пуповина, и нить эта, неосязаемая и прижизненно неуничтожимая, устремляется куда-то вверх, к ее второй половинке, которая никогда не будет знать, что подобная нить, связывающая ее с той, оставленной голубоко, на изнанке земли, у нее имеется.

Аня тут же сообразила, как этой нитью пользоваться, произвела внутреннюю настройку, и, словно в перископ, увидела, что сейчас происходит на поверхности земли – вернее над ее поверхностью.

Над Москвой бушевала гроза, и среди черных, переполненных влагой туч летел огромный бескрылый динозавр, на котором, вцепившись в складки бронированной кожи, в полубессознательном состоянии сидит ее половинка – обманутая коварным существом восьмилетняя девочка.

«Ну что ж, – подумала Аня (почему-то эта картинка показалась ей знакомой), – по крайней мере эта гигантская пакость выполнила свое обещание и доставила мою половинку на поверхность земли, а вскоре она сможет материализоваться в Энрофе, пока что они по ближайшему отражению летят. Кстати, они ведь сейчас пролетают над Зарядьем, над нашим домом, а этот гад, судя по всему, не собирается ее высаживать. Вовремя же я за ними подсмотрела...» – неожиданно Аня поняла, что через серебряную нить может воздействовать на динозавра, и даже имеет право, дарованное ей Великим Равновесием, покарать его за обман – отобрать полученную обманом путем энергию и вернуть этот вырвавшийся на волю шельт в тело маленькой ящерицы. Но тут же, интуитивно предвидев будущее, девочка поняла, что лучше этого не делать, что шельт динозавра может ей в дальнейшем пригодиться, поскольку находится от нее в кармической зависимости, и она имеет право воспользоваться его услугами (пока не ясно, зачем), а коварный Ху-фу не сможет ей в этом отказать. В результате Аня не стала сурово наказывать динозавра, но транслировала в его сознание весьма чувствительный импульс, что если он сейчас не выкинет свою пассажирку в Энроф, конкретно на лестничную площадку перед Аниной квартирой, то у него могут возникнуть серьезные неприятности. От кого? Не важно, возникнут и все, и мысль эту она подкрепила изрядной порцией страха, который отыскать в душе динозавра и активизировать его не представляло большой сложности. Почувствовав это, диплодок резко пошел на снижение, испуганно дергая головой и вращая глазами, затем, зависнув над крышей Аниного дома, скинул оцепеневшую девочку со своей шеи, изрыгнув из глотки что-то наподобие пламени в ее сторону. При этом, ничего страшного с Аней не произошло, она словно бы оказалась внутри прозрачной огненной сферы и исчезла

вместе с ней, но в следующую секунду возникла в пространственном окне над лестничной площадкой перед Аниной квартирой и была словно выплюнута из этого окна в физическое пространство рядом с дверью. Это означало, что Анина половинка из плазменного состояния вновь трансформировалась в обычное, плотноматериальное, и дальнейшая ее судьба теперь мало зависела от той, что осталась на изнанке земли.

«Ну вот, – подумала Аня, – хоть с этим разобралась, а то Бог знает куда бы ее отвез и неизвестно, чем бы все кончилось. Кстати, а ведь этот диплодок не единственный здешние казематы покинул, перед ним немало других динозавров в тоннель сигануло, причем в ближайшем к Энрофу отражении они приличный тарарам учинили, я же это сама, еще до раздвоения успела увидеть».

Тут Ане явилась картинка вероятного будущего – способность, проявляющаяся в этом состоянии вполне органично. Судя по всему речь шла о ближайших десяти-пятнадцати годах, и к этому времени шельты динозавров вытеснили из ближайшего к Энрофу отражения всех светлых стихиаблей, в результате чего в районе Пироговского водохранилища, куда вынырнула стая освободившихся монстров, произошла самая настоящая экологическая катастрофа. Пироговское водохранилище, лишенное опеки светлых духов, на смену которым явилась демоническая стихиаль болот Ганикс, превратилось в огромное болото, которое местные горе агротехники к тому же зачем-то подвергли массивированной мелиорации, в результате чего участок леса в несколько тысяч гектаров погиб, и там где еще недавно шелестели березы и осины, шумели хвойные, росли грибы и шныряла всякая лесная живность, теперь апокалиптически торчали серые голые скелеты деревьев, у основания ютилась чахлая болотная растительность, а воздух был наполнен самым разнообразным гнусом и миазмами, поскольку в тех краях устроили грандиозную свалку.

Эта плачевная картина весьма взволновала Аню, хотя, казалось бы, ей-то, запертой где-то в зоне подземных магм, какое могло быть дело до того, что твориться на поверхности? Однако чувство ответственности за ближнее и дальнее у нее возросло непомерно, поскольку теперь она видела неразрывную связь каждого с каждым и частное с общим. Она мысленно обратилась к своему безымянному источнику информации, можно ли что-нибудь сделать, пока последствия изгнания светлых стихиаблей из зоны Пироговского водохранилища не успели сказаться на экологии. Тут же пришла ментальная депеша, что да, в принципе, можно, но не сейчас, поскольку связь с Землей осталась у нее лишь через ее осиротевшую половинку, а та сейчас находится в весьма плачевном состоянии и в ближайшее время ее ждет психиатрическая больница. И только потом, когда «верхняя» Аня поправится и окрепнет, можно будет каким-то образом на нее воздействовать, чтобы она зачем-нибудь съездила к Пироговскому водохранилищу. Поскольку шельты выпущенных динозавров находятся с Аней в тесной кармической связи, скрепленной Перуновым цветом, то «нижняя» Аня имеет возможность через серебряную нить своей пуповины воздействовать на разгулявшихся тварей, как воздействовала только что на диплодока. Лучше всего рассеять их на максимально большой территории (им, видите ли, веселее вместе, поэтому они обосновались стаями в небольшом теплом местечке), где в одиночку они уже не способны будут принести серьезного ущерба экологии.

«Что ж, – подумала Аня, – попробуем решить этот вопрос в другой раз, когда моя бедолага в себя более-менее придет, – Аня знала, что половинке ее предстоит психиатрическое лечение, так что в ближайшее время возвращаться к этой проблеме не имеет смысла, – похоже, больше ничем никому я там, наверху помочь не смогу, пора о себе подумать, ведь не сидеть же в этой пещере одиннадцать лет, пока Андрей меня отсюда вытащит. Надо искать какой-то выход, если не наверх, похоже, туда путь заказан, то в какое-то более оживленное место изнанки, не с камнями же все оставшееся время разговаривать».

Аня, хоть собственного мистического опыта на этот счет до сегодняшнего дня не имела, а Данте и Даниила Андреева, разумеется, не читала, однако Варфуша немало ей рассказы-

вал об многочисленных иномерных инфернальных слоях изнанки Земли. О демонических городах – шрастрах, о цитадели Гагтунгра, верховного демона Земли – пятимерном Дигме, о Гашарве – двумерном мире демонического антикосмоса, об иноматериальных бушующих и сверхтяжелых магмах, об извилистых слоях-шеолах, где отбывают посмертное воздаяние миллионы душ с утяжеленной кармой, или, попросту говоря, грешники, и многое, многое другое, на чем мы гораздо более подробно останавливались в жизнеописании Андрея Данилова в предыдущих книгах. Так что теоретическое представление о том, что может ее ожидать на изнанке земли, помимо пещер базальта и магм, Аня имела, и с первыми обитателями этой мрачной преисподни уже познакомилась, и нельзя было сказать, что знакомство это оказалось приятным. Тем не менее, как мы уже упоминали, страх в душе девочки теперь отсутствовал совершенно, времени было хоть отбавляй, витальное ее тело было нетленно и неуничтожимо, а дух исследователя окреп в ней многократно после разделения личности.

«Чем здесь сидеть, – думала Аня, – уж лучше за скорбным бытием грешников понаблюдать, а вдруг, к тому же, я для них что-то сделать смогу, хоть самую малость, что же до разнообразных демонов и злых духов, что ж, надо быть готовой и к этой встрече, в конце концов над моей душой они не властны и ничего ужасного причинить ей не смогут. Как бы там ни было, надо отсюда выбираться, а уж куда судьба занесет – туда занесет, все равно ничего другого не придумаешь, а так, глядишь, какие-то новые возможности появятся, вдруг, вопреки предчувствиям, удастся наверх выбраться, ведь по сути дела я еще даже серьезных попыток не делала.

Аня подошла к одной из стен пещерного зала и осторожно потрогала раскаленную докрасна поверхность. Жара она не почувствовала, ведь это была лишь астральная проекция физического мира, его отражение, поэтому раскаленные стены с точки зрения независимого наблюдателя представляли лишь видимость. Она преодолела незначительное начальное сопротивление и провела руку дальше, вглубь проекции камня. Рука свободно шла дальше, и, судя по всему, Аня, по крайней мере в этом направлении, смогла бы пройти сквозь камень, однако блуждать глубоко в толще раскаленного базальта, пусть даже его астральной проекции, ей не улыбалось, и она решила сначала осмотреть весь достаточно просторный зал: а вдруг появится какая-то более интересная мысль и возможность.

«Я толкам ведь это помещение и не осмотрела, – подумала Аня, – а тут наверняка какие-то ходы есть, не думаю, чтобы этот зал был от всего мира изолирован. Конечно, можно и напрямик, через камень, но во-первых как-то непривычно, это тебе не через полуметровую стенку пройти, а во-вторых там, по-моему, ориентиров никаких. Попробую какой-нибудь проход отыскать: все-таки любой проход куда-то ведет, и в проходе куда больше шансов кого-то живого встретить – да и вообще это как-то более по-человечески, ну а застрять в моем положении невозможно».

Аня обошла по периметру всю пещеру, полетала даже вдоль стен, однако ничего похожего на более-менее приличный ход или лаз она не обнаружила – только трещины да щели не ведущие никуда. Аня опустилась на пол и задумалась, что делать в создавшейся ситуации. Очевидно другого выхода не оставалось, как все-таки идти сквозь камень навстречу неизвестности, нужно было только решить, куда идти – туда, через раскаленную стену, в сторону огненного потока лавы (Аня была уверена, что там именно лава), или в противоположную, где камень не светился и кроме базальта на ближайшую перспективу ничего не ожидалось. Здравый смысл вроде бы ратовал за темную стену, однако новое ее субстанциональное состояние, не боящееся огня подсказывало, что лучше все же туда, в сторону скрытой огненной реки, ведь должна же эта река куда-то привести! Скорее всего Аня склонилась бы к этому варианту, но тут произошло неожиданное: пещерный зал сотрясло несколько сильнейших подземных толчков (разумеется, трясло реальную толщу земли, но астральная проекция это в точности отразила), сверху посыпались камни (к счастью Ане они не могли принести никакого ущерба), раскаленная стена

треснула и оттуда хлынул ручеек огненной магмы, сопровождаемый густым дымно-газовым облаком. К счастью ни то, ни другое не могло повредить Аниному шельту, поскольку являлось лишь проекцией физического процесса. Аня успела подумать, что, пожалуй не хотела бы оставаться в помещении, по самый купол заполненном раскаленной породой, однако тут произошло уже совсем неожиданное: из трещины, которая ширилась буквально на глазах, раздираемая сильнейшим давлением магмы, вместе с густым потоком жидкой породы, вылетело забавное существо, увлекаемое огненным ручьем, бьющим из стены, словно некий посетитель аквапарка с весело журчащим потоком воды. Существо это напоминало огромную ящерицу, правда голова и хвост ее были примерно одной величины, так что сначала даже было не ясно, где у нее перед, а где зад, к тому же ящерица эта была словно сотворена из жгучего слепящего пламени, но при этом сохраняло устойчивую форму и даже был замечен рисунок в виде загадочных рун вдоль небольшого спинного гребня. На голове Аня разглядела маленькую коронетку, которая, собственно и являлась главным опознавательным знаком для головы, поскольку ни глаз, ни рта, ни носа эта квази ящерица не имела. Огненное создание шлепнулось в быстро ширящуюся загустевающую лужу лавы, затем ловко вскочила на лапы и встряхнулась, словно собачонка после купания, разбрызгав вокруг себя огненные брызги породы, которые, падая на стены, застывали и превращались в ноздреватую раскаленную губку. Тут только существо заметило, что находится в пещере не одно, хотя, как оно увидело Аню, было не ясно, поскольку глаз у него не было. Впрочем астральное зрение не требовало обязательного наличия глаз.

ГЛАВА 5. Огневица

– Привет! – произнесло существо странным голосом, по тембру напоминающим шипение пламени, сопровождающееся потрескиванием поленьев, и тем не менее вполне членораздельным и отчетливым. Впрочем, голос этот прозвучал в Анином сознании, и тембр его казался явно чем-то условным. – Ты кто? Отродясь здесь таких не видывала.

– Я девочка, – растерялась Аня. – «Да девочка ли я, – подумала она смущенно, – в этом состоянии я сама не знаю, кто я. Можно сказать, душа, но и это, наверное, не совсем правильно, поскольку часть души там, наверху, да и не умерла я еще. А термин „астральное тело“ как-то по-дурацки звучит».

– Девочка? – удивилось огненное существо, – не знаю, что это такое, не припомню что-то. Ты к каким стихиям относишься? На огненную не похожа, хотя явно с нашим вложением, не водная, но и на минеральную не тянешь. Может, ты из бывших живых? Здесь шельты динозавров обитают. Кстати, а где они? – Существо недоуменно осмотрело стены и потолок. – Куда они подевались, они же здесь везде были и черт знает сколько времени тусовались. Хотя что-то я такое слышала, что время от времени кто-то небольшую партию наверх выпускает. Правда, сам момент я не видела никогда, может, врут, кому это взбретет в голову их выпускать отсюда, к тому же на то особое разрешение требуется. Кстати, – в голосе существа послышалась гордость, – разрешение это особый терафим дает, с нашей стихией связанный...

– Давай по порядку, – пришла в себя Аня от неожиданной разговорчивости странного существа, – для начала я хотела бы знать, кто ты такая. Я тоже заподозрила бы тебя в принадлежности к роду динозавров, к которому ты меня совсем неправомерно отнесла, однако что-то мне подсказывает, что это не так. Да, кстати, прежде, чем начать разговор, нельзя ли было бы в какое-то другое место перейти, а то здесь скоро лавы по самые микитки буде, вон как хлещет. Конечно, как я поняла, ни мне, ни тебе она навредить не может, но как-то это неудобно среди лавы разговаривать, меня, по крайней мере, она сильно раздражает. Ты, как я поняла, местная жительница, и наверняка знаешь какое-нибудь более укромное место.

– Я не совсем местная жительница, – гордо произнесла ящерица, – я стихиаль саламандра, маленький дух огня, и мой дом везде, где есть огонь. Сегодня мне захотелось в лаве поплавать, по подземным спускам покататься, а завтра с вулканическим извержением на поверхность земли взлечу! Ну к атмосферному электричеству я некоторое отношение имею: где грозы, молнии, там и я, весьма, между прочим, нервы щекочет, когда с электроразрядами путешествуешь. Разумеется, также всякие подземные и торфяные пожары и все такое – это по моей части. Это что касается отражения на стыке с Энрофом, но и в более глубокие слои изнанки, так или иначе с огнем связанные, мы также регулярно захаживаем. Так что ореол моего обитания довольно широк – что по вертикали, что вглубь – везде, где властвует мессир Агни, великий дух Огня, мне дом родной.

– Значит ты саламандра! – почему-то обрадовалась Аня, – то-то, я смотрю, твой облик мне знаком. У нас на поверхности земли – где мой настоящий дом – тоже саламандры есть. Я их, правда, никогда не видела живьем, в наших краях они не водятся, но на картинках – много раз. Кстати, эти животные относятся к классу земноводных и живут в реках и озерах, а к огню не имеют никакого отношения.

– Обычная путаница в терминологии, – фыркнуло огненное существо, – я – алхимическая саламандра, и как раз наоборот, никакого отношения к земноводным наземным не имею, а с водой у нас напротив – самые непримиримые отношения, мы стихиалей Лиурны на дух не переносим, собственно, как и они нас. Впрочем, мы отвлеклись, если тебя так беспокоит лава, пожалуйста, можем вглубь отражения пройти, если тебе пространственная ниша для общения необходима. По отражению Энрофа, думаю, не самая интересная мысль блуждать.

Тебя больше одна среда устраивает, меня другая, ну а в сам Энроф, я вижу, тебе путь заказан. Я-то могу присутствовать только там, где огонь, а тебе, чувствую, больше какая-нибудь холодная пещера подойдет – не дай Бог, даже сырая, а значит нам, таким образом, разминуться придется, мне холод и сырость абсолютно противопоказаны – тут же простужусь.

– Разве, – усмехнулась Аня, – ты способна холод и сырость чувствовать, тем более простудиться? Мы же не в самом Энрофе, мы в астральном отражении находимся. Хотя оно Энроф в точности и повторяет, тут ни жары ни холода не ощущается.

– Это тебе не ощущается, твоя тонкая материальность из всех стихий состоит, а они всякое внешнее воздействие гасят, ты существо комбинированное, а я элементарное и холод с сыростью очень даже ощущаю, у нас, стихийный принцип существования – подобное в подобном. Хотя в физическом мире стихии могут в ряде случаев перемешиваться, на изнанке мы стараемся придерживаться принципа «мухи – отдельно, компот – отдельно». И ничего тут не поделаешь, не мы этот закон устанавливали, мы только его блюстители, то есть обеспечиваем физический мир информационной и энергетической поддержкой.

К этому времени пещера была уже наполовину заполнена полузагустевшей лавой, и, судя по всему, этой подземной нише осталось существовать совсем недолго, тем более стена, из которой изливалась лава, скоро и сама должна была расплавиться. Аня с саламандрой, не подверженные закону притяжения, стояли на поверхности булькающей огненной жидкости, и по крайней мере Аню такое положение весьма раздражало, тем более и купол подступал уж к самому темечку, и в скором времени она со своей собеседницей должна была оказаться либо в отражении расплавленной породы, либо в толще «виртуального» камня.

– Послушай, – неожиданно появилась у Ани надежда, – если ты свободно перемещаешься по огненной стихии, может меня на поверхность земли вытащишь? Я тут не по своей воле оказалась, меня обманули, к тому же, если до конца ситуацию объяснять, то я – живой человек, ты наверняка должна была людей видеть, если доступ вверх имеешь. Так вот, тело мое живо, и мне по всем законам тут быть не положено, мне надо со своим телом воссоединиться.

Саламандра какое-то время сверлила девочку невидимым взглядом, затем покачала головой:

– Нет, любезная, – прошипела она с сожалением, – помочь в этом плане я тебе ничем не смогу, на тебе заклятие Перунового цвета наложено, и оно тебя словно якорем на изнанке будет удерживать, пока кто-нибудь из твоего же рода это заклятие не снимет. Так что, не обессудь. Другое дело, в пределах изнанки, тут я тебя по всем огненным сакуаллам смогу провести.

– Ты и про Перунов цвет знаешь? – с уважением посмотрела на саламандру Аня.

– А что тут знать! Неужто я его знаков углядеть не смогу? Перунов цвет к нашей стихии прямое отношение имеет и отсюда свою силу черпает. Ты вся этой энергией пропитана, иначе бы я с тобой и нормально общаться не могла по причине твоей комбинированности. Похоже, – добавила саламандра, помолчав, ты сама на себя заклятие наложила, только я не пойму, как такое может быть. Что ж, это еще больше ситуацию осложняет, теперь заклятие сможет только подобный тебе человек снять, это, как ключ к замку.

К этому времени купол уже почти касался Аниной головы и саламандра предложила:

– Давай вглубь огненного отражения уйдем, чтобы попусту отражение Энрофа не бороздить. Наверх, как я сказала, тебе путь заказан, а вот вглубь огненных сакуалл можно проходить беспрепятственно, поскольку ты доступ имеешь, тебе его Перунов цвет обеспечивает.

– Странно, – сказала Аня, – машинально наклоняясь перед приближающимся сводом, – я вроде бы его весь отдала. Если хочешь, я тебе свою историю чуть позже расскажу, если ты, конечно, временем располагаешь.

– Большая часть Перунова цвета в тебе осталась, – сказала саламандра, поскольку ты его сама к себе заклятием привязала. Часть ее, я вижу, на сторону пошла, но куда, я так сразу

отследить не могу, ну а что касается свободного времени, то пока располагаю, у меня по нашим законам выходной, вот я и решила немного по тоннелям на магме покататься, как с горок.

– У нас на земле, – усмехнулась Аня, – тоже подобный аттракцион есть. Аквапарк называется. Правда сама я не каталась, только слышала.

– Ты мне о воде не говори! – тут же зашипела и съежилась саламандра, словно ее ткнули по голове чем-то тяжелым, – мы, как я сказала, ее на дух не переносим! У тебя же такое объемное воображение, что ты меня сейчас словно из ушата полила. Ладно, давай сматываться отсюда, а то ты какой-то нервной становишься. И чем тебя лава не устраивает? Не понимаю я вас, комбинированных.

Саламандра поднялась на задние лапы (в таком положении она оказалась почти одного роста с Аней) и протянула ей свою верхнюю, изящную, словно застывший язычок пламени. По привычке немного опасаясь, Аня протянула свою руку. Разумеется, находясь на поверхности жидкой лавы, смешна была сама мысль о возможности обжечься, однако, когда по руке ее пробежала змейка маленькой молнии, Аня слегка вздрогнула от неожиданности. Тут она почувствовала что-то вроде втягивающего, схлопывающего импульса (правда был он совсем мимолетен), сознание девочка не теряла, но в это мгновение как-то незаметно произошла смена декораций.

Аня с саламандрой стояли посреди жгучей пустыни, над ними сияло раскаленное солнце, правда небо, как ни странно, было черным, и каким-то плоским, неосвещенным, при том, что источников света было более, чем достаточно. Это и само солнце – какое-то странное, невысокое, похожее на огромную каплю раскаленной ртути, угрожающе нависшую над землей, и огненные вихри, стремительно пронсящие в небе, очевидно заменяющие облака, и огненные торнадо у плоского горизонта, и какие-то странные растения, типа кактусов, среди песка, которые при внимательном рассмотрении оказывались чем-то вроде причудливо застывших язычков пламени. И внезапно возникающие и гаснущие на черном фоне неба россыпи звезд, которые больше напоминали один из эффектов фейерверка. Более внимательно оглядевшись вокруг, Аня подумала, что вообще термин «пустыня» верен для этой местности лишь отчасти, и хотя вокруг, сколько хватало глаз, простирался лишь песок, пустыня эта оказалась густонаселенной. По барханам стремительно проносились существа очень напоминавшие Анину собеседницу, и, как мы уже упоминали, представители загадочной огненной флоры так же представлены были здесь в изобилии. В воздухе постоянно слышалось потрескивание, от разрядов статического электричества, и то тут, то там проносились огненные комочки, искры и прочие светящиеся объекты, очевидно представляющие здесь отряд огненных насекомых во множестве кружащих над своеобразными растениями. Помимо огненных кактусов, разглядела Аня и растительность более соответствующую средней полосе – розы, тюльпаны, лилии и другие цветы созданные из огня, а так же пылающие кусты в данный момент не цветущие. Выше то неспешно кружились, то прочерчивали небо огненными дугами сияющие пламенем птицы с дымно-огненными хвостами, как у комет. «Фениксы», – пришло Ане на ум название легендарных птиц, имеющих свойство время от времени сгорать, чтобы потом возродиться из пепла. В довершении всего возникла уж и совсем фантастическая картина. Высоко наверху, в третьем небесном ярусе над кружащими и мечущимися фениксами и жар-птицами в черном небе проплыл гигантский, горящий, словно подбитый бомбовоз, дракон, величественно размахивающий охваченными пламенем крыльями. Правда, в отличие от бомбовоза дракон и не собирался падать, напротив, он поравнялся с сияющей гигантской каплей, заменяющей солнце, раскрыл пасть, и, казалось, попытался это солнце проглотить. Правда, пасть оказалась маловата, чтобы вместить даже половину, поэтому дракон отхватил кусочек, какой смог, проглотил его, после чего вспыхнул в несколько раз сильнее, явно прибодрился, и полетел дальше, своей неведомой дорогой. При этом, столь неожиданное поползновение на принципы мироздания никак

не отразились ни на размере, ни на яркости светила, очевидно откушенный кусок был каким-то виртуальным.

– Где это мы? – посмотрела Аня на саламандру удивленно, как это место называется? Кажется, будто мы на поверхности земли оказались, хотя о таких пустынях на земле я не слышала.

– Какое, там, на земле, – махнула лапкой саламандра, та же изнанка, только значительно удалена от Энрофа. Не в смысле «далеко», а в смысле – по вектору четвертого измерения. Это наш огненный заказник, трансмиф Агни, место, где всевозможные духи огня могут отдохнуть от прочих стихий, с которыми в ближайшем отражении к Энрофу постоянно общаться приходится, и что греха таить, не всегда это общение приятно, порою даже небезопасно. Ну и, естественно, неплохо тут подзарядиться можно, для этого мессир наш, Агни, специальное солнышко время от времени зажигает. Видела, как огненный дракон Фафнир подзарядился? Впрочем, это он больше для куражу, вполне достаточно для этого просто под солнышком полежать. Кстати, если ты думаешь, что под нами песок, то ты ошибаешься, нам тут типичный представитель минерального царства не нужен! Под нами чистый вулканический пепел. В смысле его астральная проекция. А называется это место Агнипура. Как я сказала, место это, в некотором роде, огненный трансмиф, так что здесь время от времени всякие огненные мистерии разыгрываются – можно и поглядеть и поучаствовать – занятные спектакли. Между прочим, насколько мне известно, некоторые народы земной поверхности, особенно в прежние времена, когда люди чувствительнее были и к огню относились почтительнее, чем сейчас, всякие огненные ритуалы проводили – разумеется, на свой лад, но кое-что сумели у нас перенять. Нет-нет – то один, то другой землянин появляются в здешних местах, как ты вот сейчас.

– Знаю, – кивнула Аня, – были такие, кажется, заратустрийцы – огнепоклонники, и у индусов был такой огненный ритуал – агнихотра, и в Новой Зеландии кто-то там по огню ходил, и в Болгарии. Знаю что и на Руси тоже огненные ритуалы были – и на Ивана Купалу и на Масленицу. Ты вот мне недавно говорила, что не знаешь, что такое «девочка», а тем не менее, как оказалось, в курсе нашей земной цивилизации. Да и странно, если бы была не в курсе, мы, люди, без огня не можем, но и беды от него неисчислимы.

– Разумеется, я в курсе человеческой цивилизации, – важно кивнула головой саламандра, – если брать ее в целом, да и как не быть в курсе ваших, людских дел, если огонь, можно сказать, из обезьяны человека сделал: только человек сумел нас отчасти приручить, для остального же животного и растительного мира мы – как дикие мустанги. А касаясь моей непонятки, такого представления, как «девочка» – так все верно, мы по отдельности людей не воспринимаем, только их энергию, да еще их души в посмертии, но из них, честно говоря, интересуют нас только те, которые попадают в огненные inferнальные слои: в зоны бушующих магм и отчасти – сверхтяжелых магм, а как известно попадают туда только души особо выдающихся грешников. Бывают, правда, исключения, когда в эти края при жизни особо одаренные астральщики попадают, такие как ты, неутяжеленные... с такими и пообщаться приятно без всяких...

– Что, «без всяких»? – подозрительно посмотрела на саламандру Аня.

– Да так, – смущенно опустила голову та, – наверное это будет неприятно тебе слышать, но ничего не поделаешь, так мир устроен, и зиждется это мироустройство на двух главных принципах: Питание и Возмездие.

– Ты о чем?

– Да о том, что мы, огненные духи, – один из инструментов этого возмездия и пьем страдания грешников, которым огненное возмездие предписано. Кстати, на земле мы так же, нередко, как инструмент возмездия выступаем, но несколько по-другому. Не скажу, что лично мне подобная энергия шибко нравится, но во-первых, в inferнальных слоях никакой другой, нам более подходящей и нет, а во-вторых, кто-то же должен этим заниматься. Насколько я знаю,

в вашей человеческой цивилизации то же в основном приходится делать не то, что хочешь, а то, что обязан, иначе общество тебя отторгнет. Ладно, что мы стоим, как два тополя на Плющихе, давай-ка более приватно пообщаемся: костерок организуем, запечем что-нибудь вкусненькое, выпьем огненной водицы за знакомство – погода располагает.

– Ну, не знаю, как располагает, – с сомнением огляделась Аня, – что-то я не слыхала, чтобы в пустыне кому-то пришло в голову костер разжигать... разве что ночью. К тому же в астрале это как-то непривычно, не слышала, чтобы в астрале приходилось еду готовить, здесь процесс питания как-то по-другому происходит. К тому же, честно говоря, я огненную воду, которой индейцы виски раньше называли, я не пью, маленькая еще. Правда, помнится, меня один домовый квасом угощал. Впрочем, – внезапно решила она, – а почему бы и нет, это хоть как-то земную жизнь напоминает. Только мне странно, что у вас, духов тоже посиделки у огня существуют.

– Это мы от вас, людей переняли, – вздохнула саламандра, – с кем поведешься – от того и наберешься. Вон и словечек и выражений всяких от вас нахватались. Сотрудничество-то самым тесным образом происходит, тем более, если речь идет о ваших обычаях, связанных с огнем. Вот только, когда вы варите что-то – тут удовольствие ниже среднего, другое дело, когда что-то жарите или запекаете. Кстати, теперь можно, наверное и представиться! Девочка, как я понимаю, не имя.

– На земле меня Аней звали, – взгрустнула наша героиня, – но оно, наверное, больше к той моей части относится, которая сейчас на верху... а здесь и не знаю, как.

– Ну а я... допустим, Огневица. Вообще-то у меня много имен, но, поскольку мы под Российским шрастром находимся, то это имя наиболее подходящее, хотя, по большому счету, мы, духи огня рамками метакультур не связаны.

После официального представления новые знакомые пожали руки, и Огневица затеяла импровизированный костер: оживила разросшийся кактус, и без того напоминающий пламя, который пришел в движение, положенное огню, затем с ближайшего куста нарвала каких-то странных плодов, напоминающих ярко горящие, словно красные лампочки, перцы, нанизала их на длинную иглу другого кактуса, похожую на раскаленную до красна спицу и установила спицу на две рогадины, также позаимствованные у одного из огнеподобных кустов, растущих поблизости.

– Ну вот, – удовлетворенно вздохнула огненная стихия, теперь можно посидеть, расслабиться, пока блюдо поджарится.

– Занятно, – хмыкнула Аня, усаживаясь на «чистейший вулканический пепел», вернее его астральную проекцию, – как можно поджарить то, что и так из огня состоит? Кстати, а как эти плоды называются? Хорошо еще, что ты меня не надумала шашлыком угостить, как это у нас на всяких пикниках принято. Я тут, кроме драконов, фениксов и саламандр никакой другой живности не заметила и, думаю, подобная охота была бы не очень интересной мыслью. Или у вас шашлыки тоже на каком-нибудь огненном дереве растут?

– Ты так много вопросов задала, не знаю, с какого и начать, – сказала Огневица, томно растягиваясь на песке-пепле, подложив лапки под подбородок и задумчиво глядя на огонь, как во время какой-нибудь ночной посиделки в лесу у костра под гитару. – Разумеется, все это не по-настоящему, как сказал бы любой житель поверхности, хотя мне лично не понятно, с чего это обладатели плотноматериальных тел решили, что у них все по-настоящему, а у нас – нет. Понятно, что все это маленький плагиат, но, как у вас на верху говорят: «за неимением гербовой – пишут на простой». Теперь, насчет шашлыка. Ты это верно подметила, что охотится на фениксов, саламандр и тем более на драконов – чистейшее безумие, к тому же у нас, огненных духов в чести вегетарианская диета, вот хоть эти ламперцы, что у нас тут на шампуре жарятся – прекрасные плоды, с исключительно утонченным огненным вкусом, требующим определенной доработки на костре. Можно, конечно и в сыром виде, но так изысканней,

к тому же – вот так нарвать и нажраться – никакого удовольствия, это ведь и не питание в вашем понимании, питаемся мы несколько по-иному, это скорее приятный ритуал. К примеру, если и вас, людей, взять, то вы тоже предпочитаете в ресторане, где блюда изысканны и не сразу подаются, часок-другой посидеть, чем по дешевке в пирожковой нахаваться... Впрочем, если желаешь, то можно и сразу.

– Да нет, – поежилась Аня, – я тебя не тороплю, мне, честно говоря, теперь вообще некуда торопиться, если на землю путь заказан, мне напротив хотелось бы обсудить с тобой, куда дальше идти, ты ведь должна здесь многое знать. Потом, честно говоря, голода я не испытываю и огонь глотать мне как-то боязно, хоть я и понимаю, что это все привычки физического тела и на земле подобный ужин мог бы весьма плачевно закончиться.

– Ты, дорогая не бойся, – бодро вспыхнула Огневица, – я тебя какой-нибудь отравой не накормлю, ты мне почему-то очень приглянулась, к тому же мне мой круг общения малость наскучил. Тебя, что б ты знала, Перунов цвет к стихии огня полностью подготовил, так что можешь кушать без опаски. Вот если бы вместо тебя тут какой-нибудь водный дух присутствовал, то у него могли бы быть серьезные проблемы – впрочем, и у меня тоже. Ладно, тут, за разговором, смотрю, ламперцы дошли, иначе, если пережарить, то жестковаты будут. Конечно, некоторые любят перепеченное, но я предпочитаю в традициях китайской кухни – на большом огне – короткое время, тогда все ценные элементы максимально сохраняются. Так что можно уже есть, но я предлагаю за знакомство по чекушке накатить... можно и на брудершафт, если не брезгуешь.

Аня не совсем понимала, как будет выглядеть подобная «пьянка», тем более, по малолетству, ей и на земле подобное мероприятие было мало знакомо, поскольку в ее семействе пили лишь по большим праздникам и без детей – папа это дело не одобрял. Однако обижать новую знакомую не хотелось и она с напускным энтузиазмом высказалась, что да, конечно, сухой кусок в горло не идет.

– Отлично, – оживилась саламандра, я, разумеется, не пьяница, но от чарочки за столом никогда не отказываюсь. Я сейчас, мигом в ближайший винный магазин слетаю, тут совсем рядом, за холмом. Ты же видела с какой скоростью мы передвигаемся! А ты пока шампур с огня сними, да в пепел воткни, пусть остынет малость.

– Так у вас и магазины есть?! – чрезвычайно удивилась Аня, – я думала, это чисто наше, человеческое...

– Я ж тебе говорила, что мы много чего у людей переняли и многое нам по душе пришлось. К чему велосипед изобретать! Ну, разумеется, сего этого раньше не существовало и жизнь была дика, нецивилизована и не столь комфортна.

– Чудеса, – только и сказала Аня, – она попыталась представить, как выглядит винный магазин в сакуалле огня и не сумела, слишком это казалось нелепым. – Ты расскажи, что он собой представляет или давай вместе сходим.

– А нечего рассказывать нетерпеливо дернула спинным гребнем саламандра, так, что огненные руны вспыхнули ярче обычного, магазин как магазин, а тебе лучше здесь остаться, во-первых ты так быстро, как саламандра бегать не можешь, мы до магазина вместе будем полдня добираться, а во-вторых, ламперцы остынут, либо их кто-нибудь сожрет, тут немало халявщиков шляется, так что оставайся уж, а я – мигом.

В следующий момент саламандра исчезла в клубах вулканического пепла, словно маленькая молния, а девочка осталась одна в этом странном мире, который она даже вообразить бы не смогла. Впрочем, все оказалось и правда чрезвычайно быстро, не успела Аня с опаской снять «овощной шашлык» с огня и воткнуть шампур в песок, как Огневица уже оказалась тут как тут, тяжело дыша и разгоняя хвостом пепел, поднятый вверх ее стремительной походкой в магазин.

– Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать, – с большим оживлением отчеканила странное создание, доставая из наплечного мешка, которого раньше вроде бы не было, раскаленный докрасна пол-литровый баллон с надписью: «огнеопасно».

– Раз – достала она из того же мешка хрустальный фужер и водрузила его на пепел, рядом с костром, – два – вытащила она такой же и поставила рядом, – три – и Огневица отвернула у емкости вентиль, как у автомобильного огнетушителя, и оттуда ударила ярчайшая, как вольтова дуга, голубоватая огненная струя, которая внутри фужеров оформилась в огненную жидкость, чрезвычайно летучего вида.

– Вот, – потеряла руки Огневица, – сорокоградусная стабилизированная плазма с добавлением напалма и термита для запаха. Вштыривает – мама не горюй! Хотя, – смерила она Аню скептическим взглядом, как ты отреагируешь, не знаю, у тебя природа иная. Ну, ладно, давай за знакомство, на брудершафт.

Сказать, что Ане улыбалось пить эту сияющую плазменным огнем жидкость, пожалуй было нельзя, однако обижать свою новую знакомую не хотелось, к тому же она слишком рассчитывала на ее помощь. Мысленно убеждая себя, что это одна лишь видимость, причудливая игра энергий, девочка взяла свой бокал, сцепилась рукой с саламандрой, как это полагалось при тосте на брудершафт, закрыла глаза и залпом, залпом осушила содержимое и из последнего духа чмокнула Огневицу в то место, где должны были быть губы. Кстати, в этот момент подобие этих губ и появилась, поскольку саламандра вытянула тупой конец морды трубочкой, как при целомудренном, чисто дружеском поцелуе. Жидкость пробежала по глотке огненным настоем Чили-перца, однако никакого ожога не последовало, ощущение действительно было не полным, не настоящим, оторванным от реального телесного чувства. Никакого особенного опьянения Аня не заметила, правда через некоторое время оказалось, что она светится неярким голубоватым свечением.

Саламандра выпила лихо, профессионально крякнув при этом, так что у Ани возникла мыслишка, что говоря «я, конечно, не пьяница», Огневица несколько лукавила.

– Будь здрава, Аня! – проговорила она, поцеловавшись с Аней и резко выдохнула, изрыгнув при этом целую струю огня, как какой-нибудь факир на цирковом представлении, – очень рада нашему знакомству.

Новые друзья сняли с шампура по печеному плоду и начали с аппетитом закусывать (разумеется, Аня больше делала вид, что с «аппетитом», поскольку в астрале никогда есть не хотела, да и мало напоминала эта огненная мякоть реальную земную пищу. Увы, что такое есть по-настоящему, имея плотное тело, саламандра, разумеется, не знала, однако, в отличие от Ани сразу довольно сильно захмелела).

– Расскажи мне о себе, – прошипела она, икнув огненным грибом, первый раз вижу, чтобы люди при жизни в наши края попадали. Ты не думай, – глянула она на Аню несколько смущенно, – что я с одного стопаря с катушек валюсь. Это меня на голодный желудок разобрало, сейчас все устаканится и я буду в норме. А ты, я гляжу, здорова бухать, так профессионально хлебознула, словно всю жизнь тренировалась, и не в одном глазу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.